

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

22 2026
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (625) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Павел Александрович Флоренский* (1882–1937), священник Русской православной церкви, богослов, религиозный философ, поэт, инженер.

Павел Флоренский родился в 1882 году в городе Евлахе, который расположен на территории современного Азербайджана. Отец его, Александр Иванович, был инженером и работал на железной дороге. Хотя сам Александр Иванович происходил из династии священнослужителей, к религии он относился весьма сдержанно. Его жена принадлежала к знатному роду крупных армянских землевладельцев и исповедовала армяно-григорианскую веру. По воспоминаниям Павла, родители старались избегать разговоров о религии.

Довольно рано мальчик увлекся математикой, а после поступления в гимназию показал блестящие результаты в учебе. Не ограничиваясь учебной программой, Павел изучал все доступные ему на тот момент материалы по физике, астрономии и геологии. Он закончил гимназию с золотой медалью и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Там он познакомился с теми, чьи имена впоследствии оказались неразрывно связаны с культурой Серебряного века: Андреем Белым, Дмитрием Мережковским, Зинаидой Гippiус, Александром Блоком.

В годы студенчества Флоренский обратился к трудам религиозного мыслителя Владимира Соловьева. Вообще вопросами философии он заинтересовался еще в гимназии. Он увлекался модным в то время толстовством и даже хотел отказаться от дальнейшего обучения, но отец советовал ему продолжить образование. Перед выпуском из университета, когда Флоренскому предложили остаться на математической кафедре, молодой человек уже был настроен на поступление в Московскую духовную академию. Затем Флоренский принял священнический сан и занял должность редактора богословского журнала.

В мировоззрении Флоренского наука и религия не противоречили друг другу, а, напротив, были неразрывно связаны. Наиболее значимая теологическая работа Павла Флоренского, «Столп и утверждение Истины» (1914), примечательна благодаря особому взгляду автора на мир, его попытке найти в окружающей среде указания на истину православия.

В работе «Храмовое действо как синтез искусств» (1918) отец Павел подошел к богослужению как к проявлению «высшего синтеза разнородных художественных деятельностей» — синтезу искусств, который восходит к античной трагедии, соединяя поэзию, музыку и хореографию. Он воспринимал богослужение как целостный организм, живущий реальной жизнью в формах православного церковного искусства, имеющего национальные традиции на русской почве: многоярусный иконостас, знаменный распев и другие.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аброськин А. А.

Правовая природа деловой репутации
юридического лица 209

Алексий Н. М.

Особенности реализации государственного
управления в сфере природопользования
и охраны окружающей среды..... 211

Алексий Н. М.

Особенности применения мер ответственности
за нарушение законодательства
в сфере природопользования и охраны
окружающей среды 213

Алкеева К. С.

Смертная казнь: дискуссия
и конституционно-правовая природа..... 215

Аллазова Э. Н.

Взяточничество: понятие и уголовно-
правовая характеристика 218

Ассельборн А. И.

Криминологические и психолого-
педагогические аспекты уязвимости
несовершеннолетних для
воздействия криминальной идеологии
в интернете 221

Бавин Д. Е.

Сравнительно-правовой анализ моделей
регулирования цифровых платформ: опыт
США, Китая и Японии 225

Балякин А. А., Данилова О. А.

Арбитражные заседатели
в судопроизводстве: генезис, проблемные
аспекты и пути модернизации института 228

Башнанов Г. С.

К вопросу о понимании сущности института
выморочного имущества 230

Башнанов Г. С.

Проблемы правового режима выморочного
имущества: основания перехода,
возможность отказа и ответственность
публично-правовых образований..... 232

Белоус В. Ю.

Компенсация морального вреда
при нарушении личных неимущественных
прав в семейных отношениях..... 234

Бердникова В. С.

Проблемы формирования вопросного
листа при производстве в суде присяжных
заседателей 237

Быкадорова Д. В.

Особенности квалификации преступлений
в сфере экономической деятельности..... 240

Вареница К. А., Каравайцев Н. Д.

Элементы азартных игр в компьютерных
играх: вопросы уголовной ответственности ... 241

Вареница К. А.

Виртуальное имущество
как предмет хищения..... 244

Василенко В. В.

Использование генетической генеалогии для
раскрытия преступлений..... 247

Витвицкая А. А.

Психология судебного процесса (категория
несовершеннолетних, достигших возраста
14 лет)..... 248

Витвицкая А. А.

Правовой статус уполномоченных по правам
ребёнка в зарубежных странах 250

Вишнякова А. И.

Актуальные проблемы и перспективы
муниципально-правового регулирования
общественных отношений 252

Власова Р. А.

Проблемы идентификации сторон
при заключении гражданско-правовых
сделок в электронной форме 254

Гагишвили Э. Д.

Проблема определения
правосубъектности искусственного
интеллекта в авторском праве 257

Гердт Э. Е.

Механизмы контроля добросовестности
в крупных акционерных обществах: опыт
зарубежных стран и российские реалии..... 259

Гомбожапова Н. Б.

Маркетплейсы как субъекты гражданского права: проблемы законодательного регулирования и перспективы развития 262

Гриньков В. А.

Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в работе органов правосудия 266

Давыдов А. А.

Коммерциализация интеллектуальной собственности: как извлечь прибыль из патента 271

Данилина М. Ю.

Порядок и процедурные особенности оспаривания сделок должника в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) 272

Дударов Г. Т.

Право отдельно проживающего родителя на общение с ребенком: актуальные проблемы 274

Дюсетаев Ж. К.

Правовой режим особых экономических зон в Российской Федерации 276

Евграфов А. В.

Прямые формы государственного регулирования предпринимательства как источник конфликта частных и публичных интересов 277

Зозуля В. А.

Особенности применения астрента при защите права на информацию 281

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовая природа деловой репутации юридического лица

Аброськин Александр Алексеевич, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье автор исследует подходы к определению правовой природы деловой репутации юридического лица.

Ключевые слова: правовая природа деловой репутации юридического лица, деловая репутация.

На основании положений, закрепленных в п. 1 ст. 152 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом [1]. Однако возникает следующий вопрос: а если были распространены сведения, имеющие порочащий характер в отношении юридического лица, что делать в этом случае, поскольку в п. 1 ст. 152 ГК РФ идет речь про сведения, которые были распространены только в отношении гражданина. В связи с этим следует обратиться к п. 11 ст. 152 ГК РФ, в соответствии с которым, правила, закрепленные в данной статье о защите деловой репутации гражданина, за исключением правила о возмещении морального вреда, также применяются к защите деловой репутации юридического лица.

Таким образом, в отличие от гражданина, который может защищать честь, достоинство и деловую репутацию, юридическое лицо может защищать только деловую репутацию. Это напрямую связано с отличительными особенностями юридического лица как субъекта гражданских правоотношений, а также его правовой природы. Юридическое лицо является полноправным субъектом гражданских правоотношений наравне с физическими лицами и публично-правовыми образованиями. На основании п. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Отсутствие у юридического лица таких категорий как честь и достоинство связано, как уже было сказано выше, с его правовой природой. Как пишет Е. А. Суханов, юриди-

ческое лицо представляет собой не что иное, как особый способ организации хозяйственной деятельности, заключающийся в обособлении, персонификации имущества, т. е. в наделении законом обособленного учредителями имущества качествами «персоны» (субъекта), признании его особым, самостоятельным товаровладельцем [2, с. 76]. Иными словами, юридическое лицо — это не субъект в традиционном понимании, каким, например является физическое лицо. Юридическим лицом является объединение имущества (капитала) для осуществления хозяйственной деятельности. Юридическое лицо является «фикцией», поскольку юридического лица не существует в физическом, осязаемом виде. В связи с этим, у юридического лица не может быть чести и достоинства — только деловая репутация.

Теперь необходимо поговорить о правовой природе деловой репутации. Деловая репутация является нематериальным благом, что следует из содержания п. 1 ст. 150 ГК РФ: «жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом».

Понятие нематериальных благ не закреплено в законе и является достаточно дискуссионным в теории гражданского права. С. С. Алексеев указывал, что нематериальные блага принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми [3, с. 94]. Как в своей работе указывает В. В. Долинская, нематериальные блага — это блага, лишенные экономического (имущественного) содержания и неразрывно связанные с субъектом права [4, с. 425].

Как указывает И. В. Кушнир эти блага не имеют экономического содержания и не обусловлены товарно-денеж-

ными отношениями. Соответственно, правовая защита чести, достоинства и деловой репутации не может быть соединена с какими-либо имущественными взысканиями в пользу носителей этих благ [5, с. 102].

Если проанализировать приведенные выше определения нематериальных благ, а также положения закона, то можно выделить следующие признаки:

- 1) невозможность имущественной оценки;
- 2) неразрывная связь с личностью;
- 3) неотчуждаемость и непередаваемость.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что нематериальные блага могут принадлежать исключительно физическим лицам, что прямо вытекает из содержания п. 1 ст. 150 ГК РФ и рассмотренных выше доктринальных определений. Отсюда вытекает следующая проблема: если нематериальные блага могут принадлежать только физическим лицам, а деловая репутация как указано законодателем в ст. 150 ГК РФ является нематериальным благом, как тогда юридическое лицо может иметь и защищать свою деловую репутацию?

По-нашему мнению, возможны следующие подходы к определению деловой репутации юридического лица. Либо деловая репутация является единственным возможным нематериальным благом, которое может принадлежать юридическому лицу, либо деловая репутация юридического и физического лица имеют разную правовую природу. Рассмотрим подробнее.

Если говорить про деловую репутацию в качестве единственного возможного нематериального блага юридического лица, то невозможно игнорировать тот факт, что нематериальные блага в силу своей правовой природы могут принадлежать только физическим лицам, как пишут многие авторы (Е. А. Суханов, И. В. Кушнир и др.) и как в п. 1 ст. 150 ГК РФ прямо указал законодатель.

Если же говорить про деловую репутацию юридического лица в качестве самостоятельной и отличной от деловой репутации физического лица категории, то и в этом случае имеется пробел, который заключается в том, что в ГК РФ отсутствует разграничение деловой репутации физического и юридического лица. Т. е. исходя из буквального толкования закона это одна и та же категория за некоторыми исключениями, а именно невозможность взыскания морального вреда при нарушении деловой репутации юридического лица. В остальном же отличий нет.

Нам представляется возможным развить и продолжить вторую концепцию относительно определения правовой природы деловой репутации юридического лица. Мы считаем, что деловая репутация юридического и физического лица имеет различную правовую природу и, по-нашему мнению, деловая репутация в данном случае имеет некоторое имущественное содержание, в отличие от деловой репутации гражданина. Деловая репутация юридического лица, как нам кажется, имеет схожую правовую природу с приравненным к результату интеллектуальной деятельности средством индивидуализации, а именно с таким приравненным к РИД средством инди-

видуализации как товарный знак. Товарный знак сам по себе не может переходить от одного лица к другому. Переходит исключительное право на товарный знак. Несмотря на то, что оборотоспособностью обладает именно исключительное право, сам товарный знак не лишен имущественного содержания. Мы считаем, что с деловой репутацией юридического лица ситуация обстоит аналогично. Сама по себе деловая репутация (как и товарный знак) не может переходить к другому лицу, однако может переходить право на использование деловой репутации. Т. е. в отношении граждан деловая репутация является нематериальным благом, а в отношении юридических лиц — иной не названной в законе категорией, имеющей имущественное содержание и схожую правовую природу с приравненным к результату интеллектуальной деятельности средством индивидуализации.

На различную правовую природу и наличие экономического содержания деловой репутации юридического лица также намекает п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» в соответствии с которым, право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц одним из условий их успешной деятельности [6]. В одном случае — конституционное право гражданина (нематериальное благо), в другом — условие успешной деятельности.

Также доводом относительно имущественной природы деловой репутации юридического лица может служить положение, закрепленное в п. 2 ст. 1027 ГК РФ, в соответствии с которым договор коммерческой концессии предусматривает использование комплекса исключительных прав, деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя [7]. Это означает, что деловая репутация юридического лица может использоваться контрагентом по договору коммерческой концессии, что не свойственно для нематериального блага и больше похоже на приравненное к результату интеллектуальной деятельности средство индивидуализации.

Еще одним аргументом в пользу имущественной природы деловой репутации юридического лица может являться то, что деловая репутация может быть внесена в качестве вклада товарища по договору простого товарищества (п. 1 ст. 1042 ГК РФ).

Иными словами, деловая репутация юридического лица напрямую связана с его производственной, экономической деятельностью, может использоваться по договору или быть вкладом товарища по договору простого товарищества и в принципе иметь экономическое содержание.

К сожалению, единого точного ответа на вопрос какова правовая природа деловой репутации юридического лица нет. Но мы больше склоняемся к тому, что деловая репутация юридического лица все-таки имеет имущественную природу в отличие от деловой репутации граждан.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон № 51-ФЗ: [принят Государственной думой 21 октября 1994 года: одобрен Советом Федерации 30 ноября 1994 года]: (ред. от 31 июля 2025 года). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Суханов, Е. А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. — Москва: Статут, 2011. — 961 с.
3. Алексеев, С. С. Гражданское право: учебник / С. С. Алексеев // 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2009. — 379 с.
4. Долинская, В. В. Нематериальные блага как объекты неимущественных прав / В. В. Долинская // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, Рязань, 27 апреля 2017 года / Под общей редакцией Д. А. Пашенцева. — Рязань: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Концепция», 2017. — С. 424–427.
5. Кушнир, И. В. Гражданское право: учебник / И. В. Кушнир // М.: Юстиция, 2015. — 602 с.
6. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 3: [принято 24 февраля 2005 года]: (ред. от 9 декабря 2025 года). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.02.2026).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон № 51-ФЗ: [принят Государственной думой 22 декабря 1995 года: одобрен Советом Федерации 26 января 1996 года]: (ред. от 24 июня 2025 года). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

Особенности реализации государственного управления в сфере природопользования и охраны окружающей среды

Алексий Нил Михайлович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует подходы в осуществлении государственного управления в сфере природопользования и охраны окружающей среды.

Ключевые слова: государственное регулирование, природопользование, окружающая среда, охрана окружающей среды, экологическая безопасность, эффективность, экологическая политика.

Государственное управление в сфере природопользования и охраны окружающей среды в Российской Федерации характеризуется комплексом правовых, организационных, экономических и административных мер, направленных на обеспечение экологической безопасности, рациональное использование природных ресурсов и сохранение благоприятной окружающей среды.

Государственное управление в сфере природопользования и охраны окружающей среды представляет собой сложный и многогранный процесс, который включает в себя взаимодействие различных государственных органов на федеральном, региональном и местном уровнях.

Перечисленные действия направлены на обеспечение устойчивого развития, которое сочетает экономические интересы с необходимостью защиты окружающей среды для будущих поколений.

В соответствии со статьёй 72 Конституции Российской Федерации, охрана окружающей среды, экологическая безопасность и вопросы особо охраняемых природных территорий относятся к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов. Это создаёт определённые вызовы и возможности для эффективного управления природными ресурсами и охраны окружающей среды.

Следует определить основные аспекты рационального распределения полномочий

Необходима ясная и чёткая регламентация полномочий между федеральными и региональными органами власти. Это включает в себя определение сфер ответственности, чтобы избежать дублирование функций и конфликтов.

Эффективное управление требует координации между различными уровнями власти. Это может быть достиг-

нуто через создание межведомственных комиссий, рабочих групп и других форм сотрудничества.

Органы власти субъектов Российской Федерации должны иметь возможность адаптировать федеральные нормы к местным условиям, учитывая специфику природных ресурсов, экосистем и социально-экономических факторов.

Субъекты Федерации могут разрабатывать собственные программы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, которые будут учитывать местные потребности и приоритеты.

Необходимость в квалифицированных специалистах в области экологии и управления природными ресурсами требует создания образовательных программ и повышения квалификации работников органов власти.

Эффективное распределение полномочий между федеральными органами и органами власти субъектов Российской Федерации является ключевым фактором для достижения устойчивого развития и защиты окружающей среды. Это требует постоянного диалога, обмена опытом и готовности к адаптации в условиях изменяющихся экологических и социальных реалий.

Государственное управление окружающей средой включает в себя несколько ключевых функций, таких как распорядительная, организующая и административная. Эти функции направлены на защиту окружающей среды и создание безопасной среды обитания для человека.

Распорядительная функция включает в себя разработку и внедрение нормативных актов, законов и правил, касающихся охраны окружающей среды. Она направлена на регулирование поведения как физических, так и юридических лиц в отношении использования природных ресурсов, защиты экосистем и минимизации негативного воздействия на окружающую среду.

Организующая функция заключается в создании и координации структур, ответственных за охрану окружающей среды. Это может включать в себя создание экологических агентств, инспекций и других организаций, которые будут заниматься мониторингом состояния окружающей среды, контролем за соблюдением экологических норм и проведением экологической экспертизы.

Административная функция связана с управлением ресурсами и реализацией экологической политики. Это включает в себя распределение бюджетных средств на охрану окружающей среды, управление проектами по восстановлению экосистем, а также взаимодействие с общественными организациями и бизнесом для решения экологических проблем.

В контексте управления окружающей средой важно выделить несколько ключевых субъектов, которые играют значительную роль в этом процессе.

Государственные органы — это центральные и региональные органы власти, которые разрабатывают и реализуют экологическую политику, устанавливают нормы и стандарты охраны окружающей среды.

Следующим субъектом, являются экологические ведомства. Специализированные учреждения, такие как министерства или агентства по охране окружающей среды, занимающиеся мониторингом состояния экологии, проведением экспертиз и контролем за соблюдением экологических норм.

Местные власти, а именно муниципалитеты, которые отвечают за реализацию экологических инициатив на местах, включая управление отходами, благоустройство территорий и защиту местных экосистем, также относятся к ключевым субъектам охраны окружающей среды.

Также субъектами являются неправительственные организации (НПО), например, экологические активисты и организации, которые занимаются защитой окружающей среды, проводят кампании по повышению осведомлённости и лоббируют изменения в законодательстве [1].

Общественность также является одним из субъектов охраны окружающей среды. Граждане и сообщества, которые могут влиять на политику через участие в общественных слушаниях, акциях протеста или волонтерских инициативах по охране окружающей среды.

Эти субъекты взаимодействуют между собой, создавая систему управления, направленную на минимизацию. Негативного воздействия на окружающую среду и устойчивое развитие.

Субъекты управления в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов могут быть представлены как на федеральном, так и на региональном уровнях.

На федеральном уровне разрабатываются общие экологические политики, стратегии и законодательные инициативы, которые направленные на защиту окружающей среды и устойчивое развитие. Региональные органы власти, в свою очередь, адаптируют эти политики к специфическим условиям своих территорий, учитывая местные экологические проблемы и ресурсы.

Система управления охраной окружающей среды включает в себя: законодательство, контроль и мониторинг, образование и просвещение, сотрудничество. То есть эффективное управление в этой сфере требует комплексного подхода и координации действий на всех уровнях.

Окружающая среда является сложной социоэкологической системой, в которой взаимодействуют множество факторов, включая природные ресурсы, экосистемы, экономические и социальные процессы. Управление этой системой требует учёта различных аспектов и интересов [2].

Следует также перечислить результаты эффективного управления окружающей средой:

— экологическое равновесие — состояние, при котором экосистемы способны поддерживать свою устойчивость и функционировать без значительных изменений в результате человеческой деятельности.

— баланс уровня загрязнений и темпов роста промышленного производства. Это означает, что экономический рост должен происходить с минимальным воздействием на окружающую среду. Важно находить

компромисс между развитием промышленности и сохранением экологии, что может быть достигнуто через внедрение чистых технологий и устойчивых практик.

— разрешение обострений экологических проблем. Эффективное управление также включает в себя быстрое реагирование на экологические кризисы, такие как загрязнение, утрата биоразнообразия или изменение климата. Это требует создания механизмов для мониторинга,

оценки рисков и разработки стратегий по предотвращению и смягчению негативных последствий.

Таким образом, успешное управление окружающей средой требует интегрированного подхода, который учитывает экологические, экономические и социальные аспекты, а также активное участие всех заинтересованных сторон — от государственных органов до сетных сообществ и бизнеса.

Литература:

1. Махотлова, М. Ш. Охрана окружающей среды и природопользования // Московский экономический журнал. 2024. № 13. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosnnoe-upravlenie-v-oblasti-ohrany-okruzhayushey-sredy-i-prirodopolzovaniya> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Закаускас, Р. П. Минаев, А. В. Правовые основы государственного управления природопользованием и охраной окружающей среды // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 12–1 (87). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-gosudarstvennogo-upravleniya-prirodopolzovaniem-i-ohranoy-okruzhayushey-sredy> (дата обращения: 25.05.2025).

Особенности применения мер ответственности за нарушение законодательства в сфере природопользования и охраны окружающей среды

Алексий Нил Михайлович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор анализирует подходы в применении мер ответственности законодательства в сфере природопользования и охраны окружающей среды.

Ключевые слова: государственное регулирование, ответственность, природопользование, окружающая среда, охрана окружающей среды, экологическая безопасность, эффективность, экологическая политика.

Вопросы применения законодательства об охране окружающей среды и обеспечения права на благоприятное состояние окружающей среды являются важной частью судебной практики. Судебные органы рассматривают различные категории дел, связанных с охраной окружающей среды, что подчёркивает значимость этой темы в правоприменительной практике.

Рассмотрим несколько примеров из судебной практики и определим особенность применения мер ответственности за нарушение законодательства в сфере природопользования и охраны окружающей среды.

Основанием для привлечения лица к имущественной ответственности является причинение им ущерба, проявляющегося в негативных изменениях состояния окружающей среды. В ситуациях, когда вред причиняется несколькими субъектами совместно, обязанность по возмещению ущерба природе возлагается на них солидарно. Департамент лесного хозяйства субъекта Российской Федерации подал иск в суд против хозяйственного общества с требованием взыскания в денежной форме ущерба, нанесённого окружающей среде в результате деятельности общества, связанной со строительством автомобильной

дороги на территории государственного природного заказника. Решением суда первой инстанции, которое осталось без изменения в результате рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб, иск был отклонён [1].

Возмещению подлежит экологический ущерб, причинённый каждому элементу природной среды. В случаях, когда вред затрагивает несколько компонентов, расчёт суммы, подлежащей возмещению, осуществляется на основе соответствующих тарифов и методик для каждого из них.

Управление Росприроднадзора инициировало судебный процесс лесопользователя, ссылаясь на пункт 1 статьи 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды». Иск был подан с целью взыскания ущерба, причинённого среде обитания животного мира, и исчислен в соответствии с Методикой определения размера ущерба, нанесённого объектам животного мира, занесённым в Красную книгу Российской Федерации, а также другим видам животных, не относящимся к объектам охоты и рыболовства, и их среде обитания, утверждённой приказом Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 107.

Восстановление природных запасов недр в результате естественных процессов не может служить основанием для освобождения недропользователя от ответственности за причинённый ущерб. Продолжение эксплуатации недр после истечения срока действия лицензии, включая период её переоформления, строго запрещено.

Дело № 11 «О признании незаконным и отмене распоряжения Правительства Рязанской области об изъятии земельных участков для государственных нужд по ходатайству недропользователя» связан с применением норм о принудительном изъятии земельных участков. Согласно определению Верховного Суда РФ от 17 марта 2025 года № 310-ЭС24–22890 (судья Борисова Е. Е.), принудительное изъятие земельных участков у собственников и иных законных владельцев допустимо лишь при наличии объективных публичных интересов, оправдывающих необходимость такого изъятия. Эта правовая позиция закреплена в п. 2 Обзора судебной практики ВС № 1, утверждённого 13 апреля 2016 года, а также в определении Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2019 года № 2438-О. Для законности изъятия земельного участка необходимо доказать наличие публичных интересов, оправдывающих такое изъятие, а не ограничиваться лишь формальным наличием ходатайства недропользователя или его лицензии [2].

Уполномоченный орган, осуществляющий контроль в сфере природопользования, подал в суд иск к коммерческой организации с требованием возместить ущерб, нанесённый недрам в результате незаконной добычи минерального сырья без надлежащего оформления лицензии на пользование недрами. Судебное решение удовлетворило иски частично [1].

По делу о возмещении ущерба среде обитания животного мира можно сделать вывод, что действия Управления Росприроднадзора правомерны. Согласно пункту 1 статьи 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды», лица, причинившие вред окружающей среде, обязаны возместить его в полном объёме. В качестве законного инструмента для расчёта размера вреда [3], причинённого объектам животного мира и их среде обитания, выступает Методика № 107, утверждённая приказом Минприроды РФ от 28 апреля 2008 года № 107. Её наличие обеспечивает единообразие и предсказуемость расчётов, поскольку она прямо предусмотрена для случаев, когда необходимо определить размер вреда объектам животного мира, не относящимся к объектам охоты и рыболовства, а также их среде обитания.

Принцип полного возмещения вреда подкрепляет позицию Управления Росприроднадзора. Законодательство устанавливает обязанность компенсировать ущерб окружающей среде в полном объёме независимо от того, была ли деятельность ответчика правомерной с точки зрения других норм. Например, наличия лицензии на основную деятельность. Кроме того, важен принцип раздельного учёта компонентов природной среды: возмещение вреда одному компоненту окружающей среды не заменяет обязанности компенсировать ущерб другим компонентам,

таким как животный мир и его среда обитания. Это положение подтверждается позицией Верховного Суда РФ.

Аналогичные принципы прослеживаются и по делу о возмещении ущерба недрам, где частичное удовлетворение иска выглядит обоснованно. В соответствии со статьёй 51 Закона «О недрах», лица, причинившие вред недрам вследствие нарушения законодательства, обязаны его возместить добровольно или в судебном порядке. При этом восстановление природных запасов недр в результате естественных процессов не освобождает недропользователя от ответственности.

Позиция уполномоченного органа подкрепляется рядом аргументов.

Во-первых, эксплуатация недр после истечения срока лицензии, запрещена законом, и продолжение добычи минерального сырья в таких условиях является нарушением.

Во-вторых, даже если недропользователь предпринял какие-то меры по устранению последствий, это все равно считается нарушением.

В-третьих, порядок расчёта размера вреда, причинённого недрам, устанавливается Правительством РФ в частности, Правилами, утверждёнными постановлением от 04.07.2013 № 564. Если истец представил расчёт, соответствующий этим правилам, а ответчик не оспорил его, суд вправе удовлетворить иск.

Частичное удовлетворение иска могло быть обусловлено рядом обстоятельств. Например, суд мог счесть доказанность размера ущерба недостаточной из-за отсутствия точных данных о объёмах добычи или стоимости ресурсов. Также учитывались могли смягчающие обстоятельства со стороны ответчика, такие как частичное возмещение вреда до суда, либо ошибки в расчётах истца и противоречия в представленных доказательствах.

Анализ судебной практики по аналогичным делам показывает, что по спорам о возмещении вреда объектам животного мира и их среде обитания суды уделяют особое внимание установлению причинноследственной связи: необходимо доказать, что действия ответчика привели к гибели, сокращению численности или нарушению среды обитания животных. Кроме того, суды проверяют правильность расчёта ущерба с учётом действующих методик и такс. Если методика неприменима, размер вреда определяется по фактическим затратам на компенсацию ущерба. Конституционный Суд РФ также указал, что при исчислении вреда лесам необходимо учитывать ущерб, нанесённый как экосистеме в целом, так и отдельным её компонентам, включая животный мир [1].

По делам о возмещении вреда недрам судебная практика имеет ряд характерных черт. Прежде всего, основанием для взыскания ущерба служит противоправность действий: самовольная добыча полезных ископаемых без лицензии или с нарушением условий лицензии влечёт ответственность [4]. Суды опираются на утверждённые правила и методики расчёта вреда, включая стоимость утраченных запасов, затраты на восстановление недр и другие факторы. При этом даже если недропользова-

тель начал мероприятия по устранению нарушений, это не освобождает его от обязанности возместить уже причинённый вред.

Таким образом, оба рассмотренных дела соответствуют принципам экологического законодательства, на-

правленным на полную компенсацию причинённого окружающей среде ущерба. При разрешении подобных споров суды учитывают конкретные обстоятельства дела, правильность применения методик расчёта и наличие доказательств вины ответчика.

Литература:

1. Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420075/ (Дата обращения: 04.02.2026.)
2. Обзор судебной практики Решение по делу № 2–11/2025 от 15.01.2025 — о возмещении вреда, причиненного почвам, как объекту охраны окружающей среде. Ольхонский районный суд (Иркутская область) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-f40e3779-66ed-5fde-bc57-b6a16efc44de/> (Дата обращения: 04.02.2026.)
3. Российская Федерация. Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причинённого объектам животного мира, занесённым в Красную книгу Российской Федерации, а также иным объектам животного мира, не относящимся к объектам охоты и рыболовства и среде их обитания Приказ Минприроды РФ от 28.04.2008 № 107 (ред. от 12.12.2012) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти — 2008 — № 26.
4. Определение Верховного Суда РФ от 1 июля 2021 года №308-ЭС21-6747 по делу №А63-6914/2020.

Смертная казнь: дискуссия и конституционно-правовая природа

Алкеева Ксения Сергеевна, студент

Научный руководитель: Фомичева Ольга Анатольевна, доктор юридических наук, профессор

Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассматривается дискуссионный вопрос применения смертной казни. Указываются две точки зрения: «за» и «против» ее применения. Делается вывод о целесообразности применения данной меры наказания. При написании работы были использованы следующие методы: анализ, измерение, синтез и сравнение.

Ключевые слова: мораторий, наказание, смертная казнь.

Конституция Российской Федерации (далее — РФ) в ч. 2 ст. 20 закрепляет возможность применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания, установленной на определённый период с целью её последующей отмены. Она предусмотрена за следующие виды преступлений: убийство (ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ)), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) и геноцид (ст. 357 УК РФ).

Применение смертной казни остается дискуссионным вопросом на протяжении многих лет, но после 2022 г. он стал актуальнее, поскольку до сих пор эта мера наказания не применяется на практике. Этот вопрос характеризуется принципиальными разногласиями между главой государства и Федеральным Собранием РФ [1, с. 74]. В связи с этим возникают разные мнения о ее применении. С одной стороны, отмечается, что, во-первых, этот вид наказания негуманен и нарушает право граждан на

жизнь, которое должно защищаться, так как преступник не лишается данного конституционного права.

Во-вторых, этот вид наказания необратим, а судебная система несовершенна. Следовательно, если человек будет казнен, а в дальнейшем окажется, что он невиновен, то признание его таковым ничего не изменит.

В-третьих, смерть преступника противоречит целям наказания: исправлению осужденного, восстановлению социальной справедливости и предупреждению совершения новых преступлений. Исправить мертвого невозможно. Кроме того, маньяки и серийные убийцы, как правило, не исправляются, а продолжают совершать преступления после отбытия наказания. Социальная справедливость — весьма субъективное понятие, она может быть разной у судьи и у потерпевшего. Предупреждение совершения новых преступлений, как правило, не оказывает должного эффекта для тех, кто уже совершал преступления и прекращать их не собирается [4].

Стоит отметить, что люди, не сталкивающиеся с последствиями «бесчеловечных поступков», не могут по-

нять необходимость применения смертной казни [2, с. 246–247]. Смертная казнь как мера наказания может как стать, так и не стать причиной для лица, которое задумывается совершить преступление, за которое эта мера применяется, не совершать противоправных действий. Это подтверждается существованием государств, где казнь

разрешена законом и применяется (Китайская Народная Республика, Исламская Республика Иран, Королевство Саудовская Аравия, Республика Беларусь и др.). Статистику за 2024 [3] и 2025 [4] гг. в странах с наибольшим опубликованным количеством применений данного вида наказания можно просмотреть на диаграмме (рис. 1).

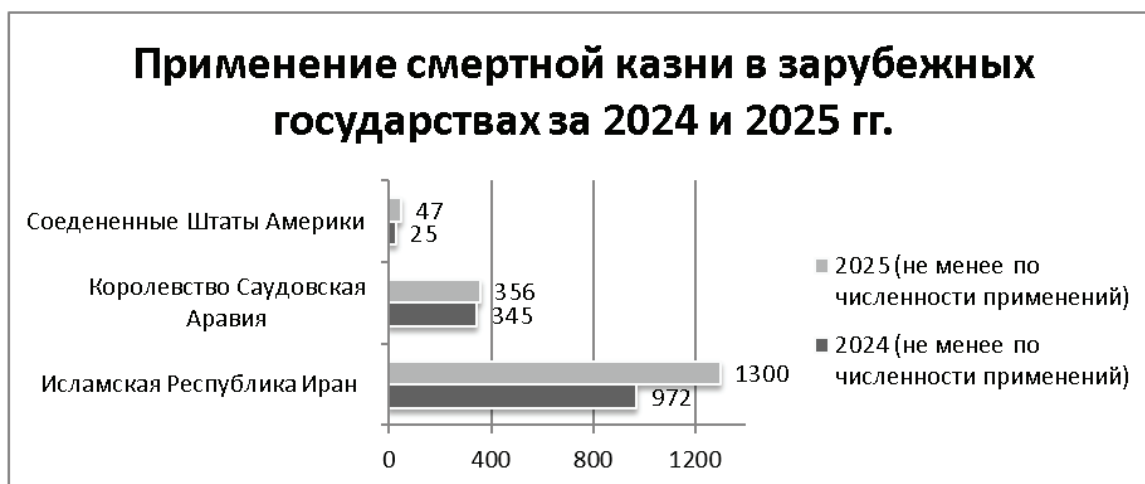

Рис. 1. Применение смертной казни в зарубежных государствах за 2024 и 2025 гг.

В 2025 году в Исламской Республике Иран были казнены не менее 700 человек за преступления в сфере наркотиков. В Саудовской Аравии установлен рекорд: казнены 356 человек, причем 80 % — за преступления в сфере наркотиков.

В-четвертых, наличие палачей, непублично расстреливающих преступников, создает «узаконенных» серийных убийц.

В-пятых, физическое уничтожение преступников не решит проблему совершения преступлений.

В 1996 г. Президент РФ Ельцин Борис Николаевич издал Указ № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» (далее — Указ № 724). Смертная казнь не применяется в РФ с 16.04.1997 г. в соответствии с этим указом. Причина издания Указа № 724 — подписание «Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни» от 01.11.1998 г. [5] в связи с входом РФ в состав Совета Европы, из которого это государство вышло 16.03.2022 г. [6]. Однако ст. 2 данного Протокола устанавливает возможность применения смертной казни за действия, совершенные во время или при неизбежной угрозе войны. Это значит, что даже при подписании этого акта отмена исключительной меры наказания не предполагалась.

Конституционный Суд РФ в 2009 г. отмечал, что происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни [7]. Это подтверждается ее неприменением после выхода РФ из Совета Европы. Акты 1999 [8] и 2010 гг. [9] (Постановление и Определение соответственно) указанного судебного органа показывают, что

неприменение смертной казни исходит больше из гуманистических соображений, чем из выполнения международно-правового обязательства. Это объясняется нератификацией указанного ранее «Протокола № 6» и тем, что в 1999 г. не во всех субъектах РФ были суды с участием присяжных заседателей.

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, указывает, что раз правоохранительная система позиционирует себя в качестве гуманной, то и не должно существовать «этого варварского наказания» в мирное время [1, с. 75].

Доктор юридических наук Рахманова Екатерина Николаевна, анализируя зарубежный опыт применения смертной казни, считает, что это наказание временное и в долгосрочной перспективе оно будет отменяться во многих государствах [10, с. 83–85].

Президент РФ Путин Владимир Владимирович, пресс-секретарь президента РФ Песков Дмитрий Сергеевич, председатель Конституционного Суда РФ Зорькин Валерий Дмитриевич, бывшие председатели Верховного Суда РФ Лебедев Вячеслав Михайлович и Подносова Ирина Леонидовна [11], председатель Верховного Суда РФ Краснов Игорь Викторович [12] отмечают, что применение на практике смертной казни после долгого моратория возможно только после принятия новой Конституции.

С другой стороны, существует мнение, что применение смертной казни — это справедливое наказание за соответствующие особо тяжкие преступления. Многие ученые-юристы придерживаются этой точки зрения. Доктор юридических наук Захарцев Сергей Иванович, отмечая

противоречивость смертной казни, указывает, что она эффективна в качестве устрашения, поскольку немногие преступники не ценят свою жизнь. Следовательно, попытки лишить правоохранительные органы такого средства устрашения означают «идеологически смотреть на сущность вещей» [2, с. 246].

По поводу нарушения конституционного права на жизнь Захарцев С. И. отмечает мнение кандидата юридических наук Кулешова Антона Александровича: «те, кто совершают преступления, за которые предусмотрено такое наказание, не люди, и, следовательно, право на жизнь не нарушается». Это «злокачественные опухоли», избавление от которых «и есть подлинная гуманность» [2, с. 247]. В заключение Захарцев С. И. указывает, что применять смертную казнь следует, но только в том случае, если: нет сомнений в виновности лица; лицо невозможно исправить; лицо совершило преступление, за которое предусмотрена казнь как мера наказания.

Представленные точки зрения ученых основаны на анализе российской и зарубежной истории, а также современного применения рассматриваемого наказания. К примеру, Государство Израиль, в котором 30.03.2026 г. были приняты поправки в Закон об уголовном праве Израиля, предполагающие смертную казнь для террористов за убийство по мотивам расизма или ненависти к обществу (62 депутата проголосовали «за», 48 депутатов — «против») [13].

Рассматривая смертную казнь, можно провести сравнение с пожизненным заключением. У них одна цель — ликвидировать источник опасности. При пожизненном заключении осужденный страдает на протяжении всей своей жизни, что негуманно. Проблему создает и то, что заключенные содержатся за счет налогов населения страны.

На вопрос о применении смертной казни граждане РФ (1600 человек), опрошенные в 2010, 2021 и 2025 гг. Всероссийским центром изучения общественного мнения, в большинстве проголосовали за применение (44 %, 50 % и 49 % соответственно). На втором месте — «мораторий» (29 %, 21 % и 26 % соответственно), на третьем месте — «отмена смертной казни» (18 %, 15 % и 15 % соответственно),

и на четвертом месте — «затрудняюсь ответить» (10 %, 14 % и 10 % соответственно). При рассмотрении возраста опрошенных ответ «применять» преобладает у граждан, родившихся в период с 1948 по 1967 гг. (62 %), за ними следуют опрошенные, родившиеся до 1947 г. (57 %), а далее: чем моложе население, тем ниже процент [14].

Предполагается, это происходит из-за того, что для граждан молодого поколения смертная казнь — негуманное, бесчеловечное наказание, а пожизненное заключение — наиболее эффективно. Старшее же поколение видело ужасы войны, послевоенного времени, когда казни и насилие были широко распространены. Следовательно, мнения граждан исходят из их восприятия окружающей действительности, психологического состояния, то есть они субъективны, в то время как решение о применении или неприменении данного наказания должно быть объективным.

Мнение автора частично совпадает с обоими приведенными ранее вариантами, показывающими дискуссионность рассматриваемой проблемы. Однако автор склоняется к снятию моратория, но при введении в ст. 59 УК РФ ч. 4 со следующей формулировкой: «Смертная казнь применяется только при наличии в совокупности следующих условий:

1) при проведении расследования в обязательном порядке должен быть установлен факт отсутствия обстоятельств, влияющих на принятие решения совершить преступление (отсутствуют все виды принуждения);

2) при принятии решения о назначении смертной казни суд должен быть уверен, что отсутствует возможность применения иного вида наказания, то есть лицо, в силу своего психологического видения мира, не может достичь исправления;

3) при принятии решения о назначении смертной казни суд должен быть уверен, что отсутствует возможность невинности лица».

Если же суды не будут применять смертную казнь после снятия моратория в течение 10 лет, то предполагается, что смертную казнь следует отменить, так как этот вид наказания будет являться пережитком прошлого.

Литература:

1. Астафичев П. А. Гуманистический и демократический потенциал Конституции Российской Федерации 1993 года: от основания к историко-правовому осмыслению в связи с ее 30-летием / П. А. Астафичев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 6. — С. 70–79.
2. Захарцев С. И. К дискуссии о смертной казни / С. И. Захарцев // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 1 (205). — С. 245–248.
3. Овчиникова Юлия. Amnesty International сообщила о рекордном числе смертных казней в мире [Электронный ресурс] / Юлия Овчиникова // РБК: [сайт]. — 2025. — URL: <https://www.rbc.ru/society/08/04/2025/67f4c8439a79471c656992a1?ysclid=mhnrnb2nfg272558946> (дата обращения: 09.05.2026).
4. В 2025 году во всем мире резко возросло число казней [Электронный ресурс] // ООН: [Официальный сайт]. — 2026. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2026/01/1467202?ysclid=mnxcil0nr4417026743> (дата обращения: 30.04.2026).
5. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни ETS 114» от 01.11.1998 г. [Электронный ресурс] // Гарант: [Официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://base.garant.ru/2540804/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 09.05.2026).

6. О выходе России из Совет Европы (справочный материал [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [Официальный сайт]. — 2006–2025. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 09.05.2026).
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 48. — Ст. 5867.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно — процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 6. — Ст. 867.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 09.11.2010 № 1536-О-Р «По ходатайству Президиума Верховного Суда Российской Федерации о разъяснении положения пункта 4.3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р о разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [Официальный сайт]. — 2012–2025. — URL: https://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-09112010-n_7/?ysclid=mhrjiyofxm511104754 (дата обращения: 05.05.2026).
10. Рахманова Е. Н. Отмена смертной казни: состояние и перспективы / Е. Н. Рахманова // КриминалистЪ. — 2025. — № 2 (51). — С. 80–86.
11. Даничев Алексей. КС подтвердил неизменность позиции по смертной казни [Электронный ресурс] / Алексей Даничев // РИА Новости: [сайт]. — 2025. — URL: <https://ria.ru/20251109/zelenskiy-2053736910.html> (дата обращения: 09.05.2026).
12. Нефедова Алена. Краснов раскрыл позицию насчет смертной казни в России [Электронный ресурс] / Алена Нефедова // РБК: [сайт]. — 2025. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2025/68d25f699a794765ae14f171?ysclid=mhrfocje4x253747959> (дата обращения: 09.05.2026).
13. «Ориентирован на палестинцев»: в Израиле приняли закон, допускающий смертную казнь [Электронный ресурс] // TENRI NEWS ВЦИОМ: [Официальный сайт]. — 2008–2026. — URL: https://tengrinews.kz/near_east/orientirovan-palestintsev-izraile-prinyali-zakon-595914/?ysclid=mp4xc6xn6200864560 (дата обращения: 14.05.2026).
14. Казнить нельзя помиловать [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [Официальный сайт]. — 2025. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kaznit-nelzja-pomilovat?ysclid=mhrrovnmr979600653> (дата обращения: 10.05.2026).

Взяточничество: понятие и уголовно-правовая характеристика

Аллазова Эльвина Низамиевна, младший инспектор отдела охраны
УФСИН России по Вологодской области (г. Вологда)

В статье исследуется понятие взяточничества как одного из ключевых проявлений коррупции в уголовном праве Российской Федерации. Раскрываются нормативно-правовые основы противодействия коррупции, анализируются положения уголовного законодательства, а также научные подходы к определению сущности взяточничества. Особое внимание уделяется соотношению «узкого» и «широкого» понимания данного явления. На основе трудов отечественных

ученых обосновывается необходимость комплексного подхода к определению взяточничества, включающего не только получение, но и дачу взятки, а также посредничество.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, уголовное право, получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, должностные преступления, противодействие коррупции, УК РФ.

Bribery: the concept and criminal law characteristics

The article examines the concept of bribery as one of the key manifestations of corruption in the criminal law of the Russian Federation. The article reveals the regulatory framework for combating corruption, analyzes the provisions of criminal legislation, as well as scientific approaches to determining the essence of bribery. Special attention is paid to the ratio of the «narrow» and «broad» understanding of this phenomenon. Based on the works of Russian scientists, the need for an integrated approach to the definition of bribery is substantiated, including not only receiving, but also giving bribes, as well as mediation.

Keywords: bribery, corruption, criminal law, receiving a bribe, giving a bribe, mediation in bribery, official offenses, anti-corruption, Criminal Code of the Russian Federation.

Современная система противодействия коррупции в Российской Федерации базируется на совокупности нормативных правовых актов различного уровня. К их числу относятся Конституция Российской Федерации [1], международные договоры, а также федеральные законы, в том числе Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3] и Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [4], а также иные нормативные правовые акты, регулирующий контроль за расходами должностных лиц.

Для обеспечения эффективного уголовно-правового механизма противодействия коррупции, а также в соответствии с международными обязательствами, которые Россия приняла на себя, законодательство страны сталкивается с необходимостью предохранить общество от коррупционных проявлений. В этой связи законодатель устанавливает четкую и строгую ответственность за совершение преступлений, связанных с коррупцией.

Центральное место в системе правового регулирования занимает Уголовный кодекс Российской Федерации [2], который закрепляет меры уголовной ответственности за коррупционные преступления. В их числе выделяются злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), а также служебный подлог (ст. 292 УК РФ). В соответствии с действующим законодательством коррупция представляет собой использование должностного положения вопреки законным интересам общества и государства с целью извлечения имущественной выгоды. В данном контексте взяточничество выступает одной из наиболее распространенных и общественно опасных форм коррупционных проявлений.

Прежде чем переходить к уголовно-правовой характеристике данного деяния, необходимо четко определить само понятие взяточничества и его правовую сущность.

Это является ключевым шагом, который позволит создать прочную основу для дальнейшего анализа признаков преступления и разработки критериев его квалификации. Без решения этих фундаментальных вопросов любые попытки систематизировать подходы к борьбе со взяточничеством рискуют остаться поверхностными и недостаточно эффективными.

Следует отметить, что уголовное законодательство не содержит прямого определения понятия «взяточничество», ограничиваясь закреплением составов соответствующих преступлений и санкций за их совершение. В связи с этим содержание данного явления раскрывается посредством анализа норм, регулирующих ответственность за получение и дачу взятки. Так, получение взятки согласно ст. 290 УК РФ выражается в незаконном получении должностным лицом денежных средств, имущества или имущественных выгод за совершение действий (либо бездействие), входящих в его служебные полномочия либо связанных с его должностным положением.

Для более глубокого понимания сущности взяточничества представляется целесообразным обратиться к историко-правовым источникам. В частности, в толковом словаре В. И. Даля взятка рассматривается как незаконное вознаграждение должностному лицу, направленное на склонение его к совершению определённых действий, а именно ««срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы, пешкеш, бакшиш, хабару, магарычи, плата или подарок должностному лицу во избежание стеснений или подкуп его на незаконное дело» [7]. При этом подчёркивается, что юридическое значение имеет именно фактическое получение вознаграждения, тогда как обещание его передачи не образует завершенного деяния.

В научной литературе сформировались различные подходы к определению взяточничества. Наиболее распространёнными являются «узкое» и «широкое» толкования. Сторонники узкого подхода ограничивают содержание взяточничества исключительно получением взятки. Такая позиция частично находит отражение и в международных документах, например в Кодексе пове-

дения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г. [5], где акцент делается на противоправных действиях должностного лица, обусловленных получением вознаграждения. Однако данный подход подвергается обобщенной критике. Игнорирование дачи взятки как неотъемлемого элемента коррупционного взаимодействия приводит к упрощенному пониманию рассматриваемого явления. Получение и дача взятки находятся в неразрывной взаимосвязи и образуют единый механизм противоправного поведения.

В связи с этим в отечественной уголовно-правовой науке преобладает широкий подход к пониманию взяточничества. В рамках данного подхода оно рассматривается как совокупность взаимосвязанных преступлений, включающих получение взятки, её дачу, посредничество во взяточничестве, а также иные формы содействия незаконному вознаграждению.

Так, А. В. Наумов и А. Г. Кибальник определяют «взяточничество — это собирательное понятие, включающее в себя получение взятки, дачу взятки, посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество» [10]. Аналогичной позиции придерживается В. В. Сверчков, который указывает «предусмотренное ст. 290–291.2 УК противоправное умышленное активное поведение виновного, которое состоит в незаконных передаче или получении денег, ценных бумаг, другого имущества, оказании услуг имущественного характера, предоставлении иных имущественных прав, а равно содействии этому, подрывает авторитет органов власти, нарушает интересы государственной службы либо службы в органах местного самоуправления» [9].

Широкое понимание взяточничества позволяет более полно отразить его сложную социально-правовую природу. Оно охватывает не только юридические признаки преступления, но и реальные механизмы взаимодействия между участниками коррупционных отношений. Анализ причин распространения взяточничества позволяет выделить несколько ключевых групп факторов [6].

Во-первых, социально-психологические причины, связанные с терпимым отношением общества к коррупционным проявлениям, недостаточным уровнем правовой культуры и слабой эффективностью антикоррупционного воспитания.

Во-вторых, экономические факторы, включающие нестабильность экономики, высокий уровень инфляции, социальное неравенство, а также низкий уровень материального обеспечения отдельных категорий должностных лиц. Указанные обстоятельства формируют мотивацию к извлечению незаконной выгоды как со стороны взяткополучателей, так и взяткодателей.

В-третьих, политические причины, выражающиеся в недостаточной развитости институтов гражданского общества, бюрократизации государственного аппарата и низком уровне политической культуры населения, на что указывает, в частности, А. И. Долгова [8].

Кроме того, важным аспектом является характеристика субъектов взяточничества. Среди взяткополучателей выделяются лица, систематически осуществляющие коррупционную деятельность, лица, действующие под влиянием обстоятельств, а также лица, вовлечённые в преступление извне. В свою очередь, взяткодатели могут преследовать как корыстные цели, так и действовать вынужденно, стремясь ускорить или упростить административные процедуры.

Таким образом, взяточничество представляет собой сложное и многогранное явление, включающее различные формы незаконного взаимодействия между гражданами и должностными лицами. Его сущность заключается в нарушении принципов законности, подрыве авторитета государственной власти и деформации системы публичного управления.

В заключение следует подчеркнуть, что эффективное противодействие взяточничеству требует не только совершенствования уголовно-правовых норм, но и реализации комплексных мер, направленных на устранение социальных, экономических и политических предпосылок коррупции.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228
4. Федеральный закон от 03.12.2012 N 230-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (часть 4). Ст. 6953.
5. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка: принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_enforcement.shtml (дата обращения: 15.04.2026).
6. Алтухов В. Основные детерминанты коррупционной преступности // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. по материалам междунар. симпозиума (Курск, 27–28 мая 2021 г.) / отв. ред. А. А. Горюхов. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2021. С. 13–18.

7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Русский язык, 1989–1991.
8. Долгова А. И. Преступность, её организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2003. — 572 с.
9. Сверчков, В. В. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В. В. Сверчков. — 12-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 421 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20221-2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/557819> (дата обращения: 15.04.2026).
10. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 448 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18585-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/562612> (дата обращения: 15.04.2026).

Криминологические и психолого-педагогические аспекты уязвимости несовершеннолетних для воздействия криминальной идеологии в интернете

Ассельборн Артем Иванович, студент магистратуры

Научный руководитель: Анохин Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Данная статья посвящена комплексному анализу факторов уязвимости несовершеннолетних для вовлечения в криминальную идеологию через интернет. Выделяются три группы взаимосвязанных факторов: психологические, общесоциальные и криминологические, являющиеся составной частью предыдущих. Особое внимание уделяется физиологическим и психологическим особенностям развития подростков. Исследование демонстрирует, как внутренние личностные особенности несовершеннолетних входят во взаимодействие с неблагоприятными условиями социальной среды, создавая повышенный риск. В заключение статьи делается вывод, что именно сочетание данных факторов в условиях анонимности цифровой среды создает наиболее благоприятную почву для успешного деструктивного воздействия на несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, криминальная идеология, интернет-пространство, группа риска, девиантное поведение

Criminological, psychological and pedagogical aspects of the vulnerability of minors to involvement in criminal ideology through the Internet

Asselborn Artem Ivanovich, Master's student

Scientific advisor: Anokhin Yury Vasilyevich, Doctor of Law, Professor

Altai State Pedagogical University (Barnaul)

This article provides a comprehensive analysis of the factors that make minors vulnerable to online criminalization. Three groups of interrelated factors are identified: psychological, general social, and criminological factors, which are integral parts of the previous ones. Particular attention is paid to the physiological and psychological developmental characteristics of adolescents. The study demonstrates how the internal personality traits of minors interact with unfavorable social conditions, forming a high-risk group. The article concludes that it is the combination of these factors, in the anonymity of the digital environment, that creates the most fertile ground for successful destructive influence on minors.

Keywords: minors, criminal ideology, Internet space, risk group, deviant behavior

Изучение уязвимости несовершеннолетних для криминальной идеологии в интернет-пространстве требует комплексного анализа, учитывающего взаимовлияние психологических, общесоциальных и криминологических факторов. Подростковый возраст, характеризующийся стремительными физиологическими, психологическими

и социальными изменениями, создает специфическую почву для потенциального манипулятивного воздействия на личность несовершеннолетнего. В данном контексте следует говорить не только о несовершеннолетних преступниках, но и о группе риска: детях и подростках, обладающих повышенной уязвимостью для деструктивного влияния.

Психологические факторы, такие как уровень самооценки, мотивация, эмоциональная стабильность и способность к эмпатии, безусловно, играют решающую роль в формировании моделей поведения и определяют степень восприимчивости к стороннему влиянию [6, с. 134]. Необходимо рассмотреть эти особенности подробнее.

Ключевой особенностью личности несовершеннолетнего является стремление к самоидентификации и самореализации через группу. Чувство принадлежности к определенной социальной группе или субкультуре становится для несовершеннолетних одним из наиболее привлекательных путей исследования собственной личности [7, с. 319]. Наиболее распространенным способом реализации этой потребности является экспериментирование со всевозможными социальными группами, субкультурами, которые позволяют детям и подросткам примерить на себя новые, ранее неизвестные роли и понять, кем они хотят стать в будущем.

Отсюда проистекает такая особенность несовершеннолетних, как подверженность влиянию сверстников. Несовершеннолетние (особенно подростки) наиболее чувствительны к мнению окружающих. Давление с их стороны может играть решающую роль в принятии решений. Несовершеннолетние легко поддаются соблазну, испытывая желание соответствовать ожиданиям группы, что лишь повышает для них риск быть вовлеченными в деструктивную онлайн-активность [9, с. 91]. Анонимность, характерная для общения в интернете, лишь усиливает такое желание, потому что повышает вероятность совершения действий, которые несовершеннолетние вряд ли совершили бы в реальной жизни.

Эмоционально-волевая сфера личности несовершеннолетних, особенно из группы риска, часто характеризуется низким уровнем эмпатии, высокой импульсивностью, аффективностью, эмоциональной неустойчивостью или, наоборот, холодностью, низким эмоциональным интеллектом [5, с. 635].

Социальные факторы создают среду, которая способна либо нивелировать, либо усугубить психологическую уязвимость несовершеннолетнего. Тем не менее очевидно, что социальная среда и ее влияние все же являются неотъемлемой частью мотивационного компонента, побуждающего несовершеннолетних попадать под воздействие криминальной идеологии [4, с. 371]. Влияние окружения и сверстников может служить сильным фактором, побуждающим несовершеннолетних к преступному поведению.

Наиболее значимым социальным институтом, формирующим склонность к девиантному поведению, является, конечно, семья [12, с. 233].

Прежде всего, следует отметить, что лица, вовлеченные в криминальную идеологию, как правило, воспитывались в довольно сложных семейных условиях. Под этим зачастую подразумевается тот факт, что такие несовершеннолетние проживали в распавшейся или несозданной семье (развод родителей, рождение ребенка вне брака). Многие из них воспитывались в неполных семьях:

только с матерью или отцом, с отцом и мачехой, с матерью и отчимом. Не вызывает сомнений, что воспитание несовершеннолетнего в неполной семье — серьезный фактор риска, негативно влияющий на нормальную социализацию подростка [3, с. 154].

Отсутствие одного из родителей отрицательно сказывается на воспитании. Представляется бесспорным, что мать-одиночка, воспитывающая сына одна, никогда не сможет в полной мере заменить ему отца. Мальчик в результате утрачивает ориентир, образец мужского поведения. В итоге у мальчика в будущем будут деформированы представления о ролевых функциях мужчины, мужа, отца. То же самое применительно и к девочкам, воспитывающимся только с отцом. Одному родителю чрезвычайно сложно воспитывать ребенка, так как приходится много работать, чтобы прокормить семью. Воспитанию в такой семье уделяется крайне мало времени, ребенок предоставлен сам себе. К тому же распад семьи, вызванный уходом отца или матери, способствует формированию у несовершеннолетнего, остающегося со вторым родителем, таких негативных черт характера, как недоверие к людям, грубость, равнодушное отношение к ним и, наконец, озлобленность. Немаловажную роль в формировании склонности к противоправному поведению у несовершеннолетнего играет и наличие в семье родственников, ранее вступивших на преступный путь, чрезмерное употребление взрослыми алкоголя, наркотиков [11, с. 405].

Иные семейные факторы, определяющие склонность несовершеннолетних к приобщению к криминальной идеологии, многообразны: пробелы в организации контроля поведения таких подростков, снижение уровня и интенсивности помощи в учебе, создание напряженности внутри и вокруг семьи, легкомыслие, аморальное поведение оставшегося с ребенком родителя и, наконец, ухудшение материально-бытовых условий семьи.

Безусловно, насилие в семье также является серьезным фактором, который может оказать отрицательное воздействие на несовершеннолетнего. Ребенок или подросток, ставший свидетелем насилия в семье или его непосредственной жертвой, рискует получить глубокую психологическую травму, что неизбежно негативно скажется на его дальнейшем социальном поведении. Под влиянием насилия у несовершеннолетнего может развиться агрессивное поведение, усилится недоверие к окружающим, а также появятся проблемы с установлением здоровых контактов [10, с. 474].

Среди семейных факторов, влияющих на склонность несовершеннолетних к совершению противоправных деяний, следует отметить и такое неочевидное обстоятельство, как снижение количества детей в семье. Положение единственного ребенка развивает у несовершеннолетнего эгоизм, корыстные, собственнические устремления. Заблуждением следует считать то, что многодетные семьи ввиду нехватки у родителей времени и сил на воспитание каждого ребенка более склонны к утрате связи с ними, нежеле семьи, где проживает один-два ребенка. В данном

случае ограничение воспитательных возможностей многодетной семьи объясняется не наличием множества детей или нехваткой времени, а низкой социальной защищенностью таких семей в материальном плане, что серьезно затрудняет досуговое времяпрепровождение. К тому же в многодетных семьях женщина серьезно перегружена, что негативно влияет на отношения в семье.

Таким образом, сказанное выше наглядно демонстрирует тесную взаимосвязь психологических и социальных факторов, которые комплексно влияют на приобщение несовершеннолетнего к криминальной идеологии.

Однако влияние социальных факторов не ограничивается семейным окружением. Для подростков, склонных к воздействию криминальной идеологии, характерно отсутствие стремления к общественно полезной деятельности. Отсутствие стремления таких несовершеннолетних к успехам в учебе или трудовой деятельности зачастую замещено досуговыми интересами и потребностями. Такое времяпрепровождение, как правило, является бесцельным и бесполезным, что формирует негативный интерес, который удовлетворяется различными экстремистскими идеологиями и движениями [1, с. 64]. Впрочем, для данной категории несовершеннолетних типична и неустойчивость интересов. Даже к занятиям спортом — одному из наиболее социально одобряемых видов досуга в среде несовершеннолетних правонарушителей — они проявляют лишь кратковременный интерес.

В поведении наблюдаются устойчивые асоциальные признаки:

- открытое пренебрежение социальными нормами (использование ненормативной лексики, распитие спиртосодержащих напитков в общественных местах, оскорбительное поведение по отношению к другим, повреждение общественного имущества);
- различные формы зависимого поведения (алкогольная, никотиновая, наркотическая, игровая зависимость);

— бродяжничество, систематические побеги из дома, учебно-воспитательных учреждений;

— раннее вступление в сексуальные отношения;

— стандартные негативные эмоциональные проявления (злобность, мстительность, грубость, насилие в отношении других);

— открытое неподчинение требованиям родителей, регулярные ссоры в семье, демонстрация враждебности к представителям просоциальных групп (отличникам учебы, членам молодежных патриотических организаций) [2, с. 209].

Важным криминологическим признаком является наличие прочных контактов с криминальными агентами социализации, то есть с организованными группами, которые пропагандируют безнаказанность преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Часть участников групп криминальной направленности также пересекаются с аудиторией радикальных фанатских групп и других социально опасных сообществ. Данный факт значительно облегчает манипуляторам и вербовщикам доступ к потенциальной аудитории. Несовершеннолетних, тесно связанных с радикальными фанатскими либо иными социально опасными сообществами, значительно легче вовлечь в организацию массовых беспорядков, силовых акций на основе ценностей криминальной идеологии.

Криминологические аспекты уязвимости непосредственно вытекают из психологических и общесоциальных предпосылок и характерны для группы повышенного риска. Эмпирической проверкой этого послужило статистическое исследование. Было проведено сравнение динамики преступности несовершеннолетних в Российской Федерации за 2021–2025 годы с учетом гендерного фактора. Полученные данные представлены в таблице, где указано общее количество выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, а также отдельно количество лиц мужского и женского пола с указанием их удельного веса [8, с. 55]:

Таблица 1. Количество несовершеннолетних мужского и женского пола, совершивших преступления в Российской Федерации (2021–2025)

Год	Всего выявлено несовершеннолетних, совершивших преступления	Выявлено несовершеннолетних мужского пола, совершивших преступления	Удельный вес, %	Выявлено несовершеннолетних женского пола, совершивших преступления	Удельный вес, %
2021 [17]	29 126	24 466	83,8	4660	16,2
2022 [16]	26 305	22 017	83,7	4288	16,3
2023 [15]	22 340	18 565	83,1	3775	16,9
2024 [14]	21 069	17 256	81,9	3813	18,1
2025 [13]	22 321	17 968	79,5	4353	20,5

Анализ полученных данных позволяет выделить следующие закономерности.

Во-первых, с 2021 по 2024 год наблюдается устойчивая тенденция к снижению общего количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления. Однако в 2025 году фиксируется незначительный рост показателя, что может свидетельствовать о возможном изменении общей тенденции.

Во-вторых, на протяжении всего анализируемого периода абсолютное большинство среди несовершеннолетних преступников составляют лица мужского пола. Несмотря на сохранение доминирующего положения, прослеживается устойчивая тенденция к постепенному снижению удельного веса несовершеннолетних мужского пола в структуре преступности.

В динамике количества несовершеннолетних правонарушителей женского пола за 2021–2025 годы наблюдается обратная тенденция. Их удельный вес неуклонно возрастает. Данная тенденция не может не вызывать беспокойства, так как вовлечение несовершеннолетних женского пола в преступную деятельность несет в себе особую общественную опасность.

Таким образом, доля лиц мужского пола среди несовершеннолетних преступников по-прежнему значительно выше, несмотря на устойчивый рост доли лиц женского пола. Данное обстоятельство обусловлено физиологическими и психологическими особенностями несовершеннолетних лиц мужского пола. Так, мальчики, прежде всего, физически сильнее девочек. Мальчики всегда более склонны к подражанию взрослым, но нередко присваивают лишь внешние атрибуты их поведения, особенно отклоняющегося. Таким образом, пол является одним из важнейших содержательных признаков, характеризующих особенности поведения несовершеннолетних преступников.

В криминальное движение, как правило, вовлекаются воспитанники интернатов, учащиеся учреждений среднего профессионального образования, однако в зоне риска оказываются и подростки из внешне благополучных семей. Криминальная идеология становится привлекательной для определенной части несовершеннолетних, так как предлагает:

- возможности для самоутверждения и компенсации неудачного жизненного опыта, например при сложных взаимоотношениях со сверстниками и родителями;
- рискованность и привлекательность криминального образа жизни;
- наличие экстремальных ситуаций при недостатке адреналина в подростковом возрасте;
- отсутствие запретов на любую информацию, прежде всего, интимную;
- отсутствие сковывающих моральных установок;
- переживание чувства собственной важности из-за причисления себя к закрытому, тайному сообществу;
- компенсацию состояния одиночества, переживаемого подростком;
- возможности реализовать себя в социуме себе подобных ребят, противопоставляя себя «несправедливому обществу» [10, с. 473].

Криминальная идеология в данном случае предоставляет несовершеннолетнему возможности для рискованного поведения, в котором есть, прежде всего, испытание себя на прочность, попытка преодолеть максимальные трудности, связанные с совершением преступления или других видов противоправных действий.

Таким образом, уязвимость несовершеннолетних для приобщения к криминальной идеологии формируется под совокупным воздействием трех факторов. Психологические факторы (стремление к идентификации, подверженность влиянию, эмоционально-волевые особенности, слабость критического мышления) создают внутреннюю предрасположенность. Социальные факторы (неблагополучие семьи, разрыв связей с учебным, трудовым коллективом, влияние девиантного окружения) формируют среду, усугубляющую эту предрасположенность. Криминологические факторы (пол, социальный статус, наличие криминальных связей) определяют конкретные характеристики группы риска и механизмы ее вовлечения. Именно сочетание этих факторов, помноженное на анонимность и массовость интернет-среды, формирует высокую степень опасности успешного деструктивного воздействия на несовершеннолетних.

Литература:

1. Вострокнутов, А. Л. Анализ причин распространения среди молодежи субкультуры АУЕ и меры противодействия общеобразовательными организациями вовлечению подростков в запрещенное в России движение / А. Л. Вострокнутов, М. А. Деянов, А. Д. Евсеев // Актуальные проблемы теории и практики специальной подготовки в органах внутренних дел: сборник научных статей. Всероссийская научно-практическая конференция, Москва, 6 октября 2021 г. — Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. — С. 62–67.
2. Газизьянов, Т. А. «Группы риска» обучающихся, подверженных воздействию деструктивных идеологий / Т. А. Газизьянов // Итоги учебно-методической деятельности за 2023–2024 учебный год и перспективы развития образовательной среды Уфимского юридического института МВД России: сборник материалов учебно-методического сбора профессорско-преподавательского состава института, Уфа, 1 января 2023 г. — 31 декабря 2024 г. — Уфа, 2025. — С. 207–212.
3. Ережепалиев, Д. И. Личность несовершеннолетнего преступника: монография / Д. И. Ережепалиев, Р. В. Жубрин, Е. Н. Карабанова и др. — Москва: Проспект, 2024. — 375 с.

4. Зырянов, И. В. Причины и условия, способствующие вовлечению несовершеннолетних в деструктивную, в том числе экстремистскую деятельность / И. В. Зырянов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. — 2024. — № 4. — С. 369–375.
5. Ильянкова, Е. И. Личностные особенности несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления / Е. И. Ильянкова, А. В. Морозов // Человек: преступление и наказание. — 2023. — № 4. — С. 630–646.
6. Ищенко, В. В. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность: психологические детерминанты / В. В. Ищенко // Проблемы права: теория и практика. — 2021. — № 56. — С. 132–144.
7. Кочин, А. А. Особенности личности представителей молодежного криминалитета современной России / А. А. Кочин, В. С. Харламов // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 1. — С. 318–321.
8. Миронов, К. А. Социально-демографические характеристики несовершеннолетних преступников / К. А. Миронов // Юридический факт. — 2021. — № 147. — С. 54–57.
9. Нго, Д. Т. Влияние психологических факторов на формирование личности несовершеннолетних преступников / Д. Т. Нго, Т. Н. Ч. Ле // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2023. — № 2. — С. 89–96.
10. Платицына, Л. В. Причины формирования криминальной идеологии у молодежи / Л. В. Платицына // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 7. — С. 472–476.
11. Фабрика, Т. А. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника / Т. А. Фабрика, У. П. Копанева // Молодой ученый. — 2021. — № 22. — С. 404–406.
12. Хадикова, И. М. Проблемы семейного воспитания, влияющие на формирование личности несовершеннолетних преступников / И. М. Хадикова, М. Б. Цаликова // ЦИТИСЭ. — 2021. — № 2. — С. 232–240.
13. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения: 26.01.2026).
14. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 25.05.2026).
15. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 25.05.2026).
16. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 25.05.2026).
17. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 25.05.2026).

Сравнительно-правовой анализ моделей регулирования цифровых платформ: опыт США, Китая и Японии

Бавин Дмитрий Евгеньевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье представлен сравнительно-правовой анализ трех моделей регулирования цифровых платформ, сложившихся в США, Китае и Японии по состоянию на 2025 год. Рассмотрены ключевые нормативные правовые акты, институциональная структура и правоприменительная практика в каждой юрисдикции. Выявлены принципиальные различия в подходах: ex-post модель, основанная на судебном правоприменении и антимонопольных исках (США); государственно-центричная модель с многоуровневым контролем и регистрацией алгоритмов (Китай); сбалансированная модель, сочетающая требования прозрачности и мягкое саморегулирование с элементами ex-ante регулирования в мобильных экосистемах (Япония). Сделан вывод о постепенной конвергенции подходов, выражающейся в усилении регуляторного давления на технологические компании при сохранении национальной специфики правовых инструментов.

Ключевые слова: цифровые платформы, антимонопольное регулирование, цифровая экономика, DMA, TFDPA, SSCPA, сравнительное правоведение, Big Tech, персональные данные, платформенная экономика.

Введение

Стремительное развитие цифровых платформ и их трансформация в системообразующие элементы глобальной экономики актуализировали проблему поиска оптимальных моделей правового воздействия на их деятельность. К середине 2020-х годов в мире оформились три принципиально различающиеся модели регулирования, каждая из которых отражает фундаментальные особенности правовой системы, экономической политики и стратегических приоритетов государства. Целью настоящей статьи является сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию цифровых платформ, сформировавшихся в Соединенных Штатах Америки, Китайской Народной Республике и Японии. Выбор юрисдикций обусловлен их значимостью в мировой цифровой экономике и выраженной спецификой используемых правовых механизмов — от либеральной *ex-post* модели до жесткого государственно-центричного контроля и промежуточного варианта, основанного на принципах прозрачности и стимулирования саморегулирования.

Ex-post модель регулирования в США. Американский подход к регулированию цифровых платформ исторически тяготеет к модели *ex-post*, предполагающей применение мер государственного воздействия только после выявления фактов нарушений, преимущественно через судебную систему и антимонопольные органы. Ключевой идеологической предпосылкой выступает вера в способность рынка к саморегуляции: хозяйствующим субъектам предоставляется свобода самостоятельного развития, а государственное вмешательство рассматривается как исключительная мера, допустимая лишь в случаях нанесения доказанного ущерба конкуренции. В 2024–2025 годах США сохранили исключительно реактивный подход, полагаясь на судебные иски Министерства юстиции (DOJ) и Федеральной торговой комиссии (FTC), основанные на Sherman Act и Section 5 FTC Act, без принятия новых специальных законодательных актов. Кульминацией данной стратегии стало полное поражение FTC в процессе против Meta (решение федерального судьи Джеймса Боасберга от 18 ноября 2025 года): иск о принудительной продаже Instagram и WhatsApp был отклонен ввиду признания отсутствия у Meta монопольного положения на рынке социальных сетей, поскольку сохраняется высокая конкуренция со стороны TikTok, YouTube и других платформ, а сделки по приобретению активов в 2012 и 2014 годах не были доказаны в качестве антиконкурентных.

Одновременно провалились все попытки внедрения профилактических (*ex-ante*) законодательных механизмов. Законопроекты American Innovation and Choice Online Act (AICOA) и Open App Markets Act, предусматривавшие пороги капитализации на уровне 550–600 миллиардов долларов, запрет *self-preferencing* и закрытых экосистем, так и не вышли из комитетов Конгресса, что подтвердило приверженность США судебному, а не законодательному пути регулирования крупных технологических компаний. Вместе с тем

в американской правовой системе формируются предпосылки для сближения с европейским подходом: обсуждаемые инициативы направлены на ограничение антиконкурентных практик доминирующих платформ, однако сохраняют акцент на правоприменение через суды, в отличие от заблаговременного установления четких правил, характерного для ЕС. В качестве критериев отнесения платформ к категории, подлежащей особому контролю, предлагаются четкие количественные пороги, например, объем продаж в 600 миллиардов долларов. Важным прецедентом, иллюстрирующим адаптацию фискальных правил к цифровой экономике, стало решение Верховного Суда по делу «Южная Дакота против Wayfair», которым признано право штата взимать налог с продаж с онлайн-продавца, не имеющего физического присутствия на его территории, что создало основу для налогообложения электронной коммерции в масштабах всей страны.

Государственно-центричная модель Китая. Китайская модель регулирования характеризуется активной ролью государства, сочетанием жестких антимонопольных методов и непрерывной адаптацией правового поля к специфике цифровых платформ. Сущностной особенностью выступает реализация политики государственного протекционизма, позволившей национальным технологическим гигантам (Alibaba, JD.com, Tencent) укрепить позиции в условиях внутренней конкуренции с последующим выходом на международные рынки. Базовым элементом правовой системы остается Закон КНР «Об электронной коммерции» (2018), определяющий статус платформ, права потребителей и механизмы досудебного урегулирования споров. Регулирование строится на многоуровневой основе с жестким государственным контролем и осуществляется на национальном, провинциальном и местном уровнях при координирующей роли Госсовета КНР. Непосредственный надзор распределяется между тремя ключевыми органами: Администрацией киберпространства Китая (CAC), контролирующей данные, алгоритмы, контент и защиту несовершеннолетних (к 2025 году зарегистрировано более 5000 алгоритмов, введены обязательные PIPO-аудиты и требование отчетности о киберинцидентах в течение двух часов); Государственной администрацией по регулированию рынка (SAMR) — главным антимонопольным органом, усилившим в 2025 году контроль через поправки к Закону о противодействии недобросовестной конкуренции (15 октября) и новые антимонопольные руководства для интернета (15 ноября), прямо запрещающие алгоритмическую дискриминацию и блокировку конкурентов; Министерством промышленности и информатизации (MIIT), выдающим лицензии и требующим от всех платформ, включая зарубежные, отчетности о сотрудниках и налогах.

Особого внимания заслуживает подход Китая к регулированию алгоритмов. Согласно принятым положениям, операторы обязаны предоставлять регуляторам информацию об используемых алгоритмах (рекомендательных, поисковых, ранжирующих), области их применения и механизмах работы. К ноябрю 2025 года через национальную платформу CAC зарегистрировано более 5000 алгоритмов

(против 262 в мае 2023 года), что свидетельствует о стремительном расширении сферы регуляторного охвата. Система существенно усилена поправками к Anti-Unfair Competition Law и новыми Anti-Monopoly Guidelines for the Platform Economy, прямо запрещающими использование алгоритмов для ценовой дискриминации, блокировки конкурентов и манипулятивных практик. Данный опыт представляет значительный интерес для государств, стремящихся установить эффективный контроль над алгоритмическими системами платформ. В целом китайская модель позволяет одновременно поддерживать рост национальных платформенных лидеров и сохранять полный государственный контроль над цифровой экономикой.

Сбалансированная модель Японии. Япония демонстрирует один из наиболее сбалансированных и относительно мягких подходов к регулированию цифровых платформ среди развитых стран, делая акцент на прозрачности и стимулировании саморегулирования, в отличие от жестких запретов, характерных для европейского DMA и китайской модели. Базовым нормативным правовым актом выступает Закон о повышении прозрачности и справедливости цифровых платформ (Act on Improving Transparency and Fairness of Digital Platforms, TFDPA), принятый в 2020 году и вступивший в силу с февраля 2021 года. Действие закона распространяется на специально обозначенные (designated) платформы, включая Amazon.co.jp, Rakuten, App Store, Google Play, Google Ads, Meta Ads и другие. Установленные обязанности носят преимущественно информационный и процедурный характер: раскрытие условий обслуживания, критериев ранжирования и принципов обработки данных; создание внутрикорпоративной системы рассмотрения жалоб; представление ежегодных отчетов в Министерство экономики, торговли и промышленности (METI) с самооценкой соблюдения установленных требований. Характерной особенностью японской модели выступает публикация METI независимой цветовой оценки платформ, создающей мощное репутационное давление при относительно символических штрафных санкциях (до 1 миллиона иен). В 2025 году надзорная практика была усилена, однако сам закон не претерпел изменений.

С июня 2024 года действует Закон о стимулировании конкуренции в сфере программного обеспечения для смартфонов — японский аналог европейского DMA, полностью вступающий в силу 18 декабря 2025 года. Регулятором выступает Комиссия по справедливой торговле Японии (JFTC), designated-компаниями признаны Apple и Google. Закон устанавливает требования, ранее нехарактерные для японского правового порядка: обязанность разрешить sideloading и альтернативные магазины приложений, использование альтернативных платежных систем

внутри приложений, запрет self-preferencing, обеспечение доступа к функциям операционной системы, предоставление пользователю выбора поисковой системы и браузера по умолчанию. SSCPA стал первым японским законом в данной сфере, предусматривающим серьезные финансовые санкции — до 20 процентов японского оборота компании-нарушителя. В налоговой сфере с 1 апреля 2025 года платформы приобрели статус «deemed suppliers» (условных поставщиков) и обязаны собирать японский потребительский налог (10 процентов, действующий с 2019 года) за иностранных продавцов. Таким образом, к концу 2025 года Япония перешла от чисто мягкого регулирования прозрачности, основанного на TFDPA, к комплексному подходу, включающему реальные инструменты защиты конкуренции в мобильных экосистемах (SSCPA), при сохранении общей философии минимального вмешательства и поддержки инноваций.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать сосуществование трех качественно различных моделей регулирования цифровых платформ, каждая из которых отражает глубинные особенности национальной правовой культуры и экономической стратегии.

Американская модель по-прежнему опирается преимущественно на ex-post подход, основанный на судебном правоприменении, и последовательно отвергает попытки введения ex-ante регулирования. Это наглядно проявилось как в поражении FTC в деле против Meta, так и в фактической приостановке продвижения AICOA и Open App Markets Act. В отличие от неё, китайская модель демонстрирует устойчивое наращивание государственного контроля: обязательная регистрация тысяч алгоритмов, введение регулярных аудитов и прямые законодательные запреты алгоритмической дискриминации. Японский подход развивается по иному пути — от преимущественно мягкого регулирования, ориентированного на прозрачность, к более комплексной системе, которая включает отдельные элементы ex-ante регулирования в сфере мобильных экосистем, при этом сохраняя приоритет репутационных и рыночных механизмов. Общей чертой 2024–2025 годов стало постепенное ужесточение регуляторного давления на ведущие технологические компании во всех трёх юрисдикциях. В дальнейшем, по всей видимости, основная задача регуляторов будет заключаться в поиске оптимального баланса между стимулированием инноваций, защитой конкуренции и обеспечением общественных интересов. Опыт рассмотренных стран может оказаться полезным при дальнейшем совершенствовании российского законодательства в этой области.

Литература:

1. Закон Китайской Народной Республики «Об электронной коммерции» от 31 августа 2018 г. (в ред. 2025 г.) // Официальный сайт Государственного комитета по делам интернет-информации КНР. URL: <http://www.cac.gov.cn> (дата обращения: 25.05.2026).

2. Закон Китайской Народной Республики «О противодействии недобросовестной конкуренции» в ред. от 27 июня 2025 г. (вступ. в силу 15 октября 2025 г.). URL: <https://www.chinaiplawupdate.com/2025/06/chinas-national-peoples-congress-passes-amended-anti-unfair-competition-law/> (дата обращения: 25.05.2026).
3. Руководящие принципы по противодействию монополистической практике в сфере платформенной утв. Госсоветом КНР, 2025 г.
4. *South Dakota v. Wayfair, Inc.*: 585 U.S. (2018) // Supreme Court of the United States. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/17pdf/17-494_j4el.pdf (дата обращения: 25.05.2026).
5. *Federal Trade Commission v. Meta Platforms, Inc.*: Memorandum Opinion (D. D. C., 18 ноября 2025 г.). URL: <https://www.courtlistener.com/docket/18735353/federal-trade-commission-v-facebook-inc/> (дата обращения: 25.05.2026).
6. Акт о повышении прозрачности и справедливости цифровых платформ: Закон Японии № 38 от 2020 г. // Japanese Law Translation. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/ja/laws/view/4532/en> (дата обращения: 25.05.2026).
7. Акт о содействии конкуренции в сфере определенного программного обеспечения для смартфонов: Закон Японии № 73 от 2023 г. (принят в 2024 г.) // Japan Fair Trade Commission. URL: <https://www.jftc.go.jp/en/pressreleases/yearly-2024/June/240612.html> (дата обращения: 25.05.2026).

Арбитражные заседатели в судопроизводстве: генезис, проблемные аспекты и пути модернизации института

Балякин Алексей Алексеевич, студент магистратуры;

Данилова Ольга Андреевна, кандидат юридических наук, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Институт арбитражных заседателей появился в России сравнительно недавно. В отличие от многих зарубежных стран, где участие непрофессионалов в отпращивании правосудия имеет давнюю традицию.

В России данный институт начал формироваться лишь после судебной реформы 1864 года, а в современном виде арбитражном процессе появился в 1995 году в качестве эксперимента, с введением Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) [1]. Данные обстоятельства были отмечены первым Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным в Распоряжении Президента РФ от 21.12.1993 «О совершенствовании организации и деятельности арбитражных судов Российской Федерации» [2]. Привлечение представителей предпринимательских кругов к рассмотрению дел должно было обеспечить единство правоприменительной практики и повысить доверие к судебной системе. Эксперимент признали успешным, так как по итогам трех лет в апелляционной инстанции было изменено (отменено) 4,1 % судебных актов, принятых с участием арбитражных заседателей, в кассационной — 1,9 %, в порядке надзора — 0,3 % [3]. Эти данные свидетельствовали о достаточно высоком качестве правосудия с участием представителей бизнеса. Несмотря на скромные значения эксперимент действительно был успешен, поскольку представители бизнеса, граждане Российской Федерации принимали участие в правосудии.

После советского этапа развития арбитражной системы с советской системой государственного арбитража, который, вопреки спорам, формально являлся больше административным органом, чем судебным, участие гра-

ждан в арбитражном процессе с полномочиями судьи, с особыми правами и обязанностями было открытием. Так, в 2001 году был принят Федеральный закон № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» [4], который закрепил требования к кандидатам (возраст от 25 до 70 лет, высшее образование, стаж не менее пяти лет в сфере экономики, финансов, юриспруденции или предпринимательства) и их процессуальный статус.

Со времени введения института система была подвергнута изменениям, бизнес развивался, а также развивалась система экономического правосудия. Сегодня, несмотря на все преимущества, институт арбитражных заседателей представляет собой рудимент. Статистические данные последних лет показывают, что арбитражные заседатели практически перестали привлекаться к рассмотрению дел. Так, в 2017 году с их участием было рассмотрено всего два дела, а с 2018 по 2021 год — ни одного. В 2022 и 2023 годах ситуация не изменилась, а в сводках 2024–2025 годов данная категория уже не выделяется отдельной строкой [5]. Для сравнения: в 2010 году количество дел с участием арбитражных заседателей превышало 4 тысячи. Причин такого резкого спада несколько. Однако сперва хотелось бы рассмотреть и выделить несколько преимуществ, которые позволили данному институту обрести свое воплощение в современной модели экономического правосудия в Российской Федерации. Стоит начать с того, что участие арбитражных заседателей реализовывало принцип ст. 32 Конституции Российской Федерации [6] (право граждан на участие в отпращивании право-

судия). Также в соответствии со ст. 2 Федерального закона № 70-ФЗ арбитражными заседателями становились высококлассные специалисты в своей отрасли, которые имели стаж работы и безупречную репутацию. Данные обстоятельства должны были многократно увеличить доверие к суду и правосудию. Кроме того, в качестве преимущества необходимо отметить реализацию такого принципа организации судебного разбирательства, как коллегиальность рассмотрения дел. Коллегиальность снижала нагрузку на профессиональных судей и повышала объективность рассмотрения спора. Данные тезисы позволяют свидетельствовать о том, что появление института арбитражных заседателей для Российской Федерации является действительно значительным достижением.

Однако сегодня институт арбитражных заседателей имеет ряд недостатков. Во-первых, как указывал Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении № 70 от 10 ноября 2011 года [7], стороны стали злоупотреблять правом на заявление ходатайств о привлечении заседателей исключительно с целью затягивания процесса. Неявка арбитражного заседателя без уважительной причины влекла отложение судебного заседания, что нарушало принцип разбирательства в разумный срок. Во-вторых, порядок формирования списков заседателей оказался несовершенным. Кандидатуры выдвигаются торгово-промышленными палатами и объединениями предпринимателей, но законодательно не закреплена обязанность этих организаций направлять своих специалистов, отсутствует процедура обжалования отказа во включении в список. В-третьих, как отмечает В. Б. Черенцов [8], появились сомнения в независимости арбитражных заседателей, поскольку они, в отличие от профессиональных судей, не обладают достаточными гарантиями иммунитета и могут находиться под влиянием отраслевых или корпоративных интересов.

Следует также обратить внимание на сущностную проблему, связанную с заимствованием зарубежной модели без учета российской правовой действительности. В Германии, например, существует институт торговых судей-непрофессионалов (*Handelsrichter*), которые привлекаются к рассмотрению экономических споров в составе коллегии с профессиональным судьей. Кандидатуры назначаются торгово-промышленной палатой и министерством юстиции земли, причем министерство не вправе отказать в назначении. Важно, что немецкие *Handelsrichter* имеют специальные знания и опыт именно в той сфере, где возник спор, и обладают теми же правами, что и председательствующий судья. Во Франции коммерческие суды (*tribunaux de commerce*) формируются исключительно из выборных арбитражных заседателей — коммерсантов с хорошей деловой репутацией, достигших 30 лет, причем избирательная коллегия сама состоит из опытных предпринимателей, а кандидаты не должны иметь судимостей за преступления против чести и нравственности. В России же, как пишет П. В. Сидорова [9], требования к кандидатам формально высоки, но на практике отсутствует механизм проверки их реальной квалификации примени-

тельно к конкретному делу. Юрист с пятилетним стажем может быть привлечен к рассмотрению сложного строительного спора, не имея никаких технических познаний, что обесценивает саму идею привлечения специалиста.

Таким образом, сегодня институт арбитражных заседателей формально существует, но не применяется. Однако мы полагаем, что отказываться от него полностью было бы неверно. Потенциал участия представителей бизнеса и специалистов в экономическом правосудии остается востребованным, особенно с учетом усложнения экономических отношений и создания специализированных судов, например, Суда по интеллектуальным правам. Как справедливо отмечают И. В. Свечникова, Р. В. Фомичева и Л. Г. Щербакова [10], для качественного рассмотрения дел об интеллектуальной собственности судьям зачастую не хватает специальных технических и естественно-научных знаний, а существующие механизмы (консультации специалиста по ст. 55.1 АПК РФ [11] или направление запросов) не всегда эффективны. Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать изменение функционала арбитражных заседателей.

Нашим предложением является отказ от модели, в которой арбитражный заседатель наделяется правами и обязанностями судьи и участвует в принятии решения наравне с профессиональным судьей. Вместо этого целесообразно преобразовать институт в систему обязательных экспертных консультантов. Арбитражный заседатель не должен голосовать при вынесении решения. Его задача — давать письменное мотивированное заключение по вопросам, требующим специальных знаний в конкретной отрасли (строительство, экология, фармацевтика, финансы и т. д.). Судья, в свою очередь, принимает решение единолично, но с учетом этого заключения. Такой подход имеет ряд преимуществ. Во-первых, он исключает возможность затягивания процесса через неявку заседателя, поскольку его отсутствие не блокирует рассмотрение дела. Во-вторых, сохраняется участие граждан в правосудии, но в той форме, в которой они действительно полезны — как носители специальных знаний, а не как имитация судебной власти. В-третьих, повышается качество решений по сложным категориям дел без риска внесения в процесс непрофессионализма. Подобная модель успешно применяется в Англии, где заседатель (*assessor*) консультирует судью по спорным вопросам, не обладая правом голоса, а его консультация приобщается к материалам дела и раскрывается сторонам.

Для реализации этого предложения предлагается внести точечные изменения в Федеральный закон от 30.05.2001 N 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации». Думается, что из названия закона следует исключить указание на «субъектов Российской Федерации», чтобы распространить возможность привлечения консультантов на все арбитражные суды, включая специализированные. Статью 1 закона предлагается изложить в следующей редакции: «Арбитражными заседателями являются граждане Российской Федерации, привлекаемые к участию в рассмотрении дел в арбитражных судах первой инстанции для дачи за-

ключений по вопросам, требующим специальных знаний в области экономической, финансовой, управленческой, технической или иной профессиональной деятельности. Заключение арбитражного заседателя носит рекомендательный характер, не имеет заранее установленной силы и оценивается судом наряду с другими доказательствами». В случае внесения указанных изменений в Закон № 70-ФЗ необходимо будет исключить положения о том, что арбитражные заседатели пользуются правами и несут обязанности судьи, и дополнить процессуальный кодекс нормой, согласно которой неявка арбитражного заседателя без уважительной причины не является основанием для отложения судебного разбирательства, если суд не признал его участие обязательным по ходатайству стороны.

Предложенные изменения не требуют кардинальной перестройки судебной системы, но позволяют «оживить» мертвый институт, наполнив его реальным содержанием. Граждане в результате будут участвовать в отправлении правосудия, но теперь в измененном качестве — в качестве оказания судьям квалифицированных консультаций по сложным вопросам, что должно повысить обоснованность судебных актов и доверие к арбитражной системе в целом. Опыт зарубежных стран показывает, что такая модель вполне жизнеспособна. Полагаем, что российскому законодателю стоит обратить внимание на это направление реформы, прежде чем принимать решение об упразднении института арбитражных заседателей, созданного более двадцати лет назад.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 05.05.1995 N 70-ФЗ (ред. от 24.07.2002) // Собрание законодательства РФ. 1995. N 19, ст. 1709.
2. Распоряжение Президента РФ от 21.12.1993 N 775-рп «О совершенствовании организации и деятельности арбитражных судов Российской Федерации» // Российская газета. 1993. N 239.
3. Нарутто С. В., Смирнова В. А. Присяжные и арбитражные заседатели: теория и практика: монография. М.: Проспект, 2024. С.255
4. Федеральный закон от 30.05.2001 N 70-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. N 23, ст. 2288.
5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов. — <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 11.03.2026)
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 10.11.2011 N 70 «О некоторых вопросах, связанных с участием арбитражных заседателей в осуществлении правосудия» // Вестник ВАС РФ. 2012. N 1.
8. Черенцов В. Б. Преимущества и недостатки института арбитражных заседателей в арбитражном процессе // Вестник науки. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimushchestva-i-nedostatki-instituta-arbitrazhnyh-zasedateley-v-arbitrazhnom-protsesse> (дата обращения: 11.03.2026).
9. Сидорова П. В. Арбитражные заседатели: праздник зрелости общества или чужеродный элемент в российском арбитражном процессе // Вопросы российской юстиции. 2024. № 29. С. 563–575. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arbitrazhnye-zasedateli-prazdnik-zrelosti-obschestva-ili-chuzherodnyy-element-v-rossiyskom-arbitrazhnom-protsesse> (дата обращения: 11.03.2026).
10. Щербакова Л. Г., Фомичева Р. В., Свечникова И. В. О компетенции и компетентности Суда по интеллектуальным правам // Вестник МУ им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2020. № 2 (24). С. 44.
11. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30, ст. 3012.

К вопросу о понимании сущности института выморочного имущества

Башнанов Геннадий Саналович, студент магистратуры

Научный руководитель: Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В представленном тексте рассматривается институт выморочного имущества в российском наследственном праве. Особое внимание уделено понятию выморочного имущества, закрепленному в статье 1151 ГК РФ, а также основаниям перехода такого имущества в собственность публично-правовых образований. Автор анализирует основные доктринальные

подходы к правовой природе выморочного имущества и сопоставляет наследственно-правовую и вещно-правовую концепции его перехода. Отдельно раскрывается распределение выморочного имущества между Российской Федерацией, субъектами РФ и муниципальными образованиями. По итогам исследования подчеркивается значение данного института для защиты имущественного оборота и пополнения бюджетов соответствующих публично-правовых образований.

Ключевые слова: наследование, выморочное имущество, универсальное правопреемство.

Институт выморочного имущества является одним из самых древнейших в наследственном праве, однако и по настоящее время продолжают дискуссии относительно понимания правовой природы данного явления, а также о способах его правовой регламентации.

Признание имущества выморочным предотвращает мошеннические действия с имуществом, которое осталось без собственника и не переходит к наследникам, именно в этой связи государство обращает его в свою собственность, а в дальнейшем направляет на те цели, которые принесут пользу как обществу, так и государство. Следовательно, выморочное имущество способствует пополнению бюджета, что в условиях дефицита является актуальным [3, с. 50].

Понятие выморочного имущества содержится в ст. 1151 ГК РФ и определяется как имущество умершего, в отношении которого отсутствуют наследники, как по закону, так и по завещанию либо же в случае, когда никто из наследников не обладает правом наследования или же данные наследники отстранены от наследования по основаниям, которые отражены в содержании ст. 1117 ГК РФ, либо никто из наследников не принял наследства, либо наследники отказались от принятия наследства. Перечень случаев непринятия наследства является исчерпывающим, и он не может подлежать расширительному толкованию со стороны правоприменительных органов.

В то же время несмотря на наличие легальной дефиниции выморочного имущества, в теории гражданского права по-прежнему продолжают дискуссии касательно понимания природы данного института права. Стоит признать, что норма в ч. 1 ст. 1151 ГК РФ весьма объемна, а это является недостатком юридической техники. С данным положением стоит согласиться, так как объемная конструкция усложняет его понимание и как следствие применение на практике, то есть может приводить к существенным ошибкам в правоприменении.

В доктрине права можно обнаружить две основные позиции относительно института выморочного имущества. Первый подход сводится к тому, что публично-правовое образование наследует выморочное имущество в порядке закона, то есть выступает неким последним наследником в таком случае. Следовательно, в таком случае речь идет о приобретении права собственности производным способом — универсальное правопреемство. Именно такой подход существует в отечественном праве, а также во многих зарубежных странах, к примеру, в Испании, Германии, а также в Италии [1, с. 12].

Второй подход заключается в отождествлении института «выморочного имущества» и «бесхозности», то есть

отсутствует субъект права, а потому государство приобретает на такое имущество право. Следовательно, здесь уже речь идет о приобретении права собственности первоначальным способом, поскольку переход выморочного-бесхозного имущества не сопровождается возникновением каких-либо обременений. Данный подход в основном распространен в странах англо-саксонской правовой системы, то есть речь идет про США, Англию и т. д. Согласно доктрине, существующей в англо-саксонской системе права, государство является носителем «конечного титула собственности» на любое имущество (особенно недвижимое). Поэтому если после смерти собственника его имущество никем не унаследовано, происходит своего рода возврат имущества государству (escheat) [2, с. 91].

Первый приведенный подход свидетельствует о том, что у государства нет как таковой заинтересованности в приобретении имущества, однако если это происходит, то государство выполняет обязательства перед заинтересованными субъектами права, а именно речь идет про кредиторов умершего собственника такого имущества. Государство не может отказаться от принятия такого имущества, следовательно, долги обязательно будут выплачены [5, с. 187].

При втором подходе государство непосредственно заинтересовано в поиски и получении такого имущества, однако желание нести перед кем-либо ответственности отсутствует.

Сторонники второго подхода заявляют, что выморочное имущество является бесхозным, а такое имущество принадлежит государству, следовательно, переход имущества должен осуществляться не по правилам наследования. Более того современная доктрина наследственного права гласит то, что его нормы в первую очередь призваны обеспечивать переход имущества умершего к физическим лицам (гораздо реже — к юридическим), нежели к государству, как это было в советский период [4, с. 53].

Следовательно, такая позиция приводит к тому, что институт «выморочности» является не нужным в современном праве, а потому его надо исключить. Однако такой подход представляется ошибочным. Юридическое толкование нормы ст. 1151 ГК РФ снимает все сомнения относительно того, что в современном законодательстве переход выморочного имущества государству трактуется исключительно в качестве наследования.

В положениях ст. 1151 ГК РФ законодатель четко обозначил субъектов, которым может поступить имущество в рамках признания его выморочным: Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования.

Состав имущества влияет на то, какой субъект унаследует выморочное имущество. Так, по смыслу ч. 2 ст. 1151 ГК РФ жилое помещение, земельный участок, расположенные на земельном участке здания, сооружения, иные объекты недвижимости, а также доля в праве общей долевой собственности — все это наследуют муниципальные образования.

В том случае, когда вышеуказанные объекты расположены в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, то такие объекты переходят в собственность субъекта РФ.

Иное выморочное имущество переходит в порядке наследования по закону в собственность РФ.

Признание за муниципальными образованиями соответствующего права оценивается крайне положительно, так как фактически федеральным органам весьма сложно выявлять выморочное имущество, более того вполне целесообразно оставлять выморочное имущества в месте его нахождения, а не обращать его в федеральную собственность. Более того извлечение дополнительных доходов посредством признания права собственности на выморочное имущество является весьма позитивной мерой, которая направлена на поддержание муниципальных бюджетов, что в условиях дефицита местных бюджетов является достаточно эффективной и правильной мерой.

Литература:

1. Гибадуллина, А. А. Эволюция понятия выморочного имущества в Российской Федерации / А. А. Гибадуллина. — Текст: непосредственный // Наследственное право. — 2020. — № 2. — С. 11–14.
2. Демичев, А. А. Проблемы наследования выморочного имущества в Российской Федерации / А. А. Демичев. — Текст: непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2014. — № 1 (25). — С. 88–92.
3. Елизаров, А. Б. Проблемы выморочного имущества в современном российском законодательстве / А. Б. Елизаров. — Текст: непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. — 2011. — № 14. — С. 48–50.
4. Кравченко, К. В. К вопросу о правовой природе перехода выморочного имущества / К. В. Кравченко. — Текст: непосредственный // Сибирский юридический вестник. — 2009. — № 2. — С. 52–59.
5. Нагаев, А. П. Наследование выморочного имущества / А. П. Нагаев. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: взгляд молодого исследователя: сборник материалов межвузовской студенческой научно-практической конференции, Пермь, 19 января 2022 года. — Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. — С. 185–187.

Проблемы правового режима выморочного имущества: основания перехода, возможность отказа и ответственность публично-правовых образований

Башнанов Геннадий Саналович, студент магистратуры

Научный руководитель: Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

В статье рассматриваются основания признания имущества выморочным, а также проблемы его перехода к публично-правовым образованиям. Особое внимание уделяется вопросу возможности отказа государства от малоценного или обременительного имущества. Анализируются вопросы ответственности по долгам наследодателя, охраны, учета и передачи выморочного имущества. По итогам исследования обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования данного института.

Ключевые слова: наследование, основания признания имущества выморочным, последствия признания имущества выморочным.

Основания признания имущества выморочным закреплены в пункте 1 статьи 1151 ГК РФ. К ним относятся отсутствие наследников как по закону, так и по завещанию; отсутствие у наследников права наследования; отстранение наследников от наследования по основаниям, предусмотренным статьей 1117 ГК РФ; непринятие наследства наследниками; а также отказ наследников от принятия наследства.

Таким образом, основания перехода имущества в категорию выморочного являются достаточно многообразными. Одни из них могут существовать еще до открытия наследства, например, когда наследодатель не имеет наследников ни по закону, ни по завещанию. Другие основания возникают уже после смерти наследодателя, когда наследники имеются, однако не принимают наследство либо прямо отказываются от его принятия. Это свиде-

тельствует о том, что выморочность имущества может быть обусловлена как объективным отсутствием наследников, так и их волевым поведением после открытия наследства [2, с. 28]

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности отказа государства от принятия выморочного имущества. Как известно, наследодатель вправе завещать свое имущество Российской Федерации. В таком случае Российская Федерация, как и иные участники наследственных правоотношений, обладает правом отказаться от принятия наследства. Однако если имущество признается выморочным, публично-правовое образование не вправе отказаться от его принятия. В результате имущество переходит в государственную или муниципальную собственность независимо от его экономической ценности, состояния и возможной обременительности.

В юридической литературе данное положение нередко подвергается критике. На практике возможны ситуации, когда в состав выморочного имущества входят вещи, не представляющие значительной имущественной ценности либо требующие дополнительных расходов на хранение, учет, содержание или утилизацию. Например, речь может идти об одежде, предметах домашнего обихода, старой мебели, бытовой технике в неудовлетворительном состоянии и иных вещах, реализация которых фактически нецелесообразна. В подобных случаях принятие такого имущества государством или муниципальным образованием может не иметь ни экономического, ни социального смысла [1, с. 30]

В связи с этим в науке гражданского права высказывается предложение предоставить государству право отказаться от принятия малоценного или чрезмерно обременительного выморочного имущества. При таком подходе имущество, оставшееся после смерти лица и не принятое ни наследниками, ни публично-правовым образованием, могло бы признаваться бесхозным. Для реализации данной идеи потребовалось бы внести изменения в статью 225 ГК РФ, дополнив ее положением о том, что к бесхозным вещам могут относиться также вещи, оставшиеся после смерти гражданина, если они не были приняты наследниками и от их принятия отказалось соответствующее публично-правовое образование.

Однако указанное предложение является дискуссионным и порождает ряд дополнительных вопросов. Прежде всего необходимо определить критерии, по которым имущество может быть признано малоценным или обременительным. Одного показателя рыночной стоимости в данном случае недостаточно. Следует учитывать не только цену имущества, но и расходы на его хранение, содержание, транспортировку, возможную реализацию, а также наличие долгов наследодателя и иных обременений. Кроме того, требуется установить процедуру принятия решения об отказе от такого имущества, круг уполномоченных органов и порядок документального оформления соответствующего отказа [3, с. 53]

Не менее важным является вопрос о дальнейшей судьбе такого имущества. Если публично-правовое образование отказывается от его принятия, необходимо предусмотреть механизм уведомления иных заинтересованных лиц. Например, имущество могло бы переходить в режим бесхозного, а в дальнейшем приобретаться иными лицами по правилам приобретательной давности либо в ином специально установленном порядке. Без урегулирования этого вопроса отказ государства от выморочного имущества может привести к неопределенности правового режима таких вещей и возникновению новых споров [4, с. 150]

Следовательно, идея о предоставлении государству права отказа от выморочного имущества имеет определенное практическое значение, однако требует тщательной законодательной проработки. Она не может быть реализована без установления четких критериев малоценности и обременительности имущества, а также без создания понятной процедуры его дальнейшего учета и передачи заинтересованным лицам.

После перехода выморочного имущества к публично-правовому образованию к нему переходят не только права на соответствующее имущество, но и связанные с ним обязанности и обременения. При этом важно учитывать, что публично-правовое образование считается наследником с момента открытия наследства, независимо от того, знало ли оно о наличии такого имущества и совершало ли какие-либо действия по его принятию. Данная особенность отличает выморочное имущество от обычного порядка принятия наследства, при котором наследник выражает свою волю на принятие наследственной массы.

Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование как наследник несет ответственность по долгам наследодателя, однако такая ответственность ограничивается стоимостью перешедшего к нему выморочного имущества. До принятия наследства требования кредиторов могут быть предъявлены к наследственному имуществу, исполнителю завещания либо нотариусу. В случае отсутствия наследников или до момента перехода имущества к соответствующему публично-правовому образованию рассмотрение таких требований может быть приостановлено до определения надлежащего ответственного субъекта [5, с. 35]

За счет выморочного имущества также подлежат возмещению необходимые расходы, связанные с наследством. В частности, к ним относятся расходы на достойные похороны наследодателя, охрану наследственного имущества и управление им. Данное положение вытекает из статьи 1174 ГК РФ и имеет важное практическое значение, поскольку до перехода имущества в собственность публично-правового образования оно нуждается в сохранении и надлежащем учете.

Вместе с тем вопросы охраны, учета и передачи выморочного имущества в настоящее время урегулированы недостаточно полно. На практике это может приводить к затягиванию процедур, утрате имущества, ухудшению его

состояния либо возникновению споров между органами публичной власти, нотариусами, кредиторами и иными заинтересованными лицами. В этой связи представляется целесообразным принятие единого федерального

акта, который бы комплексно регулировал порядок выявления, учета, охраны, оценки и передачи выморочного имущества соответствующим публично-правовым образованиям.

Литература:

1. Кирилловых, А. А. Некоторые аспекты наследования выморочного имущества публично-правовыми образованиями / А. А. Кирилловых. — Текст: непосредственный // Наследственное право. — 2025. — № 4. — С. 29–32.
2. Кожевина, Е. В. Ответственность государства по долгам наследодателя при наследовании выморочного имущества / Е. В. Кожевина. — Текст: непосредственный // Семейное и жилищное право. — 2011. — № 4. — С. 28–30.
3. Кравченко, К. В. К вопросу о правовой природе перехода выморочного имущества / К. В. Кравченко. — Текст: непосредственный // Сибирский юридический вестник. — 2009. — № 2. — С. 52–59.
4. Осипова, С. С. Основные проблемы законодательного урегулирования выморочного имущества в Российской Федерации / С. С. Осипова, Л. Ю. Галяутдинова. — Текст: непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 5–1. — С. 147–150.
5. Серенко, С. Б. Правовая природа права публично-территориальных образований на выморочное имущество / С. Б. Серенко. — Текст: непосредственный // Наследственное право. — 2025. — № 1. — С. 33–36.

Компенсация морального вреда при нарушении личных неимущественных прав в семейных отношениях

Белоус Варвара Юрьевна, студент магистратуры
Московский гуманитарно-экономический университет

В статье рассматриваются проблемы применения компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав в семейных отношениях. Обосновывается, что семейный конфликт сам по себе не должен признаваться достаточным основанием для взыскания компенсации морального вреда. Такая компенсация допустима тогда, когда нарушение семейной обязанности одновременно посягает на самостоятельное нематериальное благо или личное неимущественное право: достоинство личности, личную неприкосновенность, личную и семейную тайну, право на уважение родственных и семейных связей, право ребенка на общение с родителями. На основе анализа законодательства, доктрины и судебной практики делается вывод о реляционной особенности морального вреда в семейных отношениях.

Ключевые слова: моральный вред, семейные отношения, личные неимущественные права, нематериальные блага, родственные и семейные связи, право на общение с ребенком, компенсация морального вреда.

Проблема компенсации морального вреда в семейных отношениях занимает промежуточное положение между гражданско-правовой и семейно-правовой защитой личности. С одной стороны, моральный вред традиционно относится к гражданско-правовым способам защиты, применяемым при нарушении личных неимущественных прав или посягательстве на нематериальные блага. С другой стороны, именно семейное право регулирует значительную часть отношений, в которых личность наиболее уязвима: отношения между супругами, родителями и детьми, усыновителями и усыновленными, отдельно проживающим родителем и ребенком. Поэтому полное исключение компенсации морального вреда из сферы семейных отношений выглядит юридически необоснованным, однако ее автоматическое применение к любому семейному конфликту также было бы ошибочным.

Гражданско-правовая основа рассматриваемого института закреплена в ст. 150, 151, 1099 и 1101 ГК РФ. К числу нематериальных благ относятся жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, имя гражданина и иные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона [1]. Ст. 151 ГК РФ связывает компенсацию морального вреда с физическими или нравственными страданиями, причиненными действиями, нарушающими личные неимущественные права либо посягающими на нематериальные блага [1]. В семейном законодательстве специальное указание на компенсацию морального вреда содержится, по существу, лишь применительно к добросовестному супругу при признании брака недействительным [2]. Однако это не означает, что в иных семейных ситуациях такой способ защиты невозможен. Ст. 4 СК РФ допускает

применение гражданского законодательства к семейным отношениям, если они не урегулированы семейным законодательством и если это не противоречит существу семейных отношений [2].

Существенное значение для рассматриваемой темы имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33. Верховный Суд прямо указал, что отсутствие в законе специального указания на возможность компенсации морального вреда по конкретному виду правоотношений само по себе не исключает такую компенсацию, если нарушены личные неимущественные права или нематериальные блага гражданина [3]. Кроме того, в числе охраняемых благ Пленум назвал право на уважение родственных и семейных связей [3]. Это положение позволяет рассматривать нарушение отдельных семейных прав не только как нарушение предписаний СК РФ, но и как посягательство на нематериальное благо, охраняемое гражданским законодательством.

В научной литературе сформировались два подхода к вопросу о допустимости компенсации морального вреда в семейных отношениях. В первом случае компенсация морального вреда в семейной сфере допустима только в прямо предусмотренных законом случаях, поскольку семейные отношения основаны на личном доверии, а чрезмерная имущественная ответственность может усилить конфликтность между членами семьи. Вторая позиция, напротив, исходит из необходимости расширения гражданско-правовых средств защиты семейных прав. Так, О. Г. Павлова и О. В. Моисеева отмечают, что семейное законодательство фиксирует личные права супругов, детей и родителей, но не формирует полноценного механизма компенсации морального вреда при их нарушении [6]. И. А. Михайлова применительно к отношениям между супругами указывает, что близость семейной связи не исключает, а в отдельных случаях усиливает интенсивность нравственных и физических страданий, причиняемых унижениями, угрозами, побоями или иными неправомерными действиями [8]. Более специальная позиция предложена Е. Л. Невзгодиной и Н. А. Темниковой: при нарушении права на уважение родственных и семейных связей компенсация морального вреда может применяться, но с обязательным учетом интересов ребенка и поведения самого потерпевшего [7].

Что касается судебной практики, наиболее показательными являются решения по спорам, связанным с препятствованием общению отдельно проживающего родителя с ребенком. Ст. 66 СК РФ закрепляет право такого родителя на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения образования, а родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению, если оно не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка и его нравственному развитию [2]. По своему содержанию данное право связано с личным неимущественным интересом родителя и ребенка в сохранении семейной связи. Судебная практика

по данной категории противоречива. В ряде дел суды отказывают во взыскании компенсации морального вреда, исходя из того, что нарушение порядка общения с ребенком не названо законом в качестве самостоятельного основания для компенсации морального вреда либо истец не доказал прямую причинную связь между действиями ответчика и нравственными страданиями. Такой подход прослеживается, например, в Решении Одинцовского городского суда Московской области от 15 декабря 2021 г. по делу № 2–9898/2021 [13]. В то же время встречаются решения, в которых суды признают, что систематическое воспрепятствование общению с ребенком причиняет отдельно проживающему родителю нравственные страдания. Так, Решением Кореновского районного суда Краснодарского края от 13 мая 2022 г. по делу № 2–496/2022 требование о компенсации морального вреда было удовлетворено, поскольку ответчик неоднократно препятствовал исполнению решения суда о порядке общения с ребенком [12]. Однако последующая апелляционная практика демонстрирует неустойчивость такого подхода: Апелляционным определением Краснодарского краевого суда от 6 сентября 2022 г. по делу № 33–26304/2022 решение в части компенсации морального вреда было отменено [11].

Такая неоднородность практики показывает, что суды пока не выработали единой позиции относительно вопроса о том, является ли препятствование общению с ребенком только нарушением семейно-правовой обязанности либо одновременно посягает на нематериальное благо — право на уважение родственных и семейных связей. Представляется, что второй подход более соответствует современным разъяснениям Верховного Суда РФ. Если право на уважение родственных и семейных связей признано личным неимущественным правом, то системное и виновное разрушение такой связи не может оставаться без гражданско-правовой реакции. При этом компенсация морального вреда не должна подменять собой определение порядка общения, меры ответственности за неисполнение судебного акта или административную ответственность. Ее функция иная: компенсировать нравственные страдания, вызванные именно утратой или существенным ограничением личной семейной связи и она является гражданско-правовым последствием.

Отдельное значение имеет позиция Конституционного Суда РФ. В Постановлении от 2 марта 2023 г. № 7-П Конституционный Суд признал, что ребенок, родившийся после смерти отца, не может быть лишен возможности требовать компенсации морального вреда, связанного с нарушением его личных неимущественных прав и нематериальных благ [5]. Значение этой позиции выходит за пределы конкретного дела. Суд фактически подтвердил, что нравственный вред в семейной сфере может быть связан не только с уже сложившимся фактическим общением, но и с лишением лица самой возможности иметь семейную связь, заботу, поддержку и личное участие родителя. Это усиливает аргумент о том, что право на се-

мейную связь имеет самостоятельное неимущественное значение.

Вместе с тем компенсация морального вреда в семейных отношениях не может быть построена по модели презумпции страданий при любом нарушении семейной обязанности. Юридически значимым должен признаваться не сам факт семейного конфликта и проявления эмоций, а наличие квалифицирующих обстоятельств: системность нарушения, длительность ограничения семейной связи, неисполнение судебного решения, злоупотребление родительскими правами, игнорирование интересов ребенка, унижение достоинства члена семьи, нарушение личной или семейной тайны, причинение вреда здоровью либо доказанное ухудшение психоэмоционального состояния потерпевшего.

При определении размера компенсации суду следует учитывать не только общие критерии разумности и справедливости, но и специфику семейной связи. В частности, Пленум ВС РФ указывает на необходимость оценки характера родственных связей, длительности неблагоприятного воздействия, возраста и состояния здоровья потерпевшего, наличия отношений между причинителем вреда и потерпевшим [3]. Для семейных споров эти критерии имеют повышенное значение. Нарушение, совершенное посторонним лицом, и нарушение, совершенное супругом или родителем, не всегда равноценны по своим последствиям: во втором случае вред причиняется лицом, от которого потерпевший объективно ожидает заботы,

уважения и добросовестного поведения. Поэтому семейно-правовая близость должна учитываться не как основание для освобождения от ответственности, а как обстоятельство, влияющее на характер и интенсивность нравственных страданий.

Таким образом, особенность компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав в семейных отношениях состоит в ее реляционном характере. Компенсируется не абстрактная обида, возникшая из семейного конфликта, и не само по себе нарушение нормы СК РФ, а нравственные страдания, вызванные посягательством на личное неимущественное благо, существующее внутри семейной связи. Иначе говоря, семейное нарушение приобретает гражданско-правовое значение тогда, когда оно затрагивает достоинство личности, семейную тайну, личную неприкосновенность, право ребенка и родителя на сохранение родственной связи либо иное нематериальное благо. Поэтому перспективным является не механическое расширение перечня случаев компенсации морального вреда в СК РФ, а закрепление общего правила: компенсация морального вреда допускается при виновном нарушении семейных прав, если такое нарушение одновременно посягает на личные неимущественные права или нематериальные блага участника семейных отношений. Такой подход позволит сохранить границу между обычным семейным конфликтом и юридически значимым вредом, а также обеспечит более последовательную судебную защиту личности в семейной сфере.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ; часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 22.05.2026)
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 22.05.2026)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 22.05.2026)
4. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2022 г. // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434362/ (дата обращения: 22.05.2026)
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой». // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_441191/ (дата обращения: 22.05.2026)
6. Павлова О. Г., Моисеева О. В. Проблемы компенсации морального вреда в семейном праве Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 1. С. 251–257.
7. Невзгодина Е. Л., Темникова Н. А. Компенсация морального вреда при нарушении прав на уважение родственных и семейных связей // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 1. С. 92–101.
8. Михайлова И. А. Компенсация морального вреда, причиненного супругами друг другу: взаимодействие гражданского и семейного права // Семейное и жилищное право. 2023. № 5. С. 17–20.
9. Долинская В. В. Защита семейных прав: природа и тенденции развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 1. С. 3–9.
10. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 508 с.

11. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 6 сентября 2022 г. по делу № 33–26304/2022. // СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=261864#Q8jEMKVNuBuyHAED> (дата обращения: 22.05.2026)
12. Решение Кореновского районного суда Краснодарского края от 13 мая 2022 г. по делу № 2–496/2022. // Кореновский районный суд Краснодарского края. — URL: https://korenovsk-krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=90122917&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 22.05.2026)
13. Решение Одинцовского городского суда Московской области от 15 декабря 2021 г. по делу № 2–9898/2021. // Одинцовский городской суд Московской области. — URL: https://odintsovo-mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=574800809&case_uid=ce15328b3c4d-46a6-802c-0067931857e0&delo_id=1540005 (дата обращения: 22.05.2026)
14. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Кемеровского областного суда от 13 мая 2021 г. по делу № 33–4072/2021. // Кемеровский областной суд. — URL: https://oblsud-kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=56947100&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 12.05.2026).

Проблемы формирования вопросного листа при производстве в суде присяжных заседателей

Бердникова Вероника Сергеевна, студент

Научный руководитель: Коротыш Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье исследуется вопрос формирования вопросного листа при производстве в суде присяжных заседателей. На основе анализа судебной практики 2024–2025 гг. выделяются три группы типичных ошибок: юридико-технические, процессуальные и психологические. Предлагается классификация указанных нарушений, обосновывается необходимость законодательного закрепления «принципа разумной достаточности» при постановке частных вопросов, а также внедрения конкретных изменений в ст. 338 и 339 УПК РФ и детализированных рекомендаций Пленума ВС РФ.

Ключевые слова: присяжные заседатели, вопросный лист, процессуальная объективность, противоречивость, юридические формулировки, принцип разумной достаточности.

Как известно, суд присяжных заседателей традиционно рассматривается как важнейший институт реализации принципа демократии в государстве, обеспечивающий непосредственное участие граждан в отправлении правосудия и выступающий гарантией защиты прав и свобод человека. При этом эффективность его работы во многом зависит от качества вопросного листа, который представляет собой процессуальный документ, где судья в письменном виде формулирует вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями.

По мнению А. А. Турапиной «вопросный лист как бы направляет присяжного, помогает последовательно для уголовного дела дать те ответы, которые приведут к окончательному вердикту присяжных заседателей, оправдательному или обвинительному» [11]. Вопросный лист «направляет» присяжных, что создаёт риск суггестивности.

Такой процессуальный документ устанавливает пределы компетенции присяжных заседателей: они отвечают только на поставленные перед ними вопросы и не должны выходить за их рамки. Корректная же формулировка вопросов обеспечивает, чтобы они оценили именно

те фактические обстоятельства, которые имеют юридическое значение для правильного разрешения дела. Стоит отметить, что значение данного документа трудно переоценить, потому что он служит основанием вердикта, который, в свою очередь, лежит в основе приговора. Прозрачность и доступность вопросного листа для сторон гарантирует соблюдение принципа состязательности, поскольку стороны вправе высказывать замечания по его содержанию и формулировке вопросов.

Расширение подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей, рост числа коллегий присяжных в районных судах требует массового и единообразного применения норм, регулирующих производство в данной форме судопроизводства [12]. Как верно отмечает И. В. Плотников, процедура составления вопросного листа является «одной из самых сложных сфер уголовного судопроизводства, требующей от юристов высочайшей квалификации и скрупулезности» [9]. Так, ошибки, которые могут быть допущены при формировании данного документа, вводят в заблуждение присяжных заседателей, а это создает огромный риск нарушения объективности,

появления противоречивых вердиктов, и, как следствие, отмена приговора вышестоящими судебными инстанциями.

На основе обобщения судебной практики за 2024–2025 гг. представляется возможным выделить три группы ошибок, допускаемых при формировании вопросного листа.

К первой группе относятся ошибки юридико-технического характера: нарушение баланса точности и доступности формулировок. Закон требует, чтобы сложные юридические категории: например, составы преступлений, виновность, доказанность, интерпретировались в доступной для граждан форме, но судьям часто трудно соблюсти баланс между правовой точностью и доступностью языка. Результатом становится запутанность вопросного листа, которая не позволяет присяжным дать осмысленный ответ.

Показательным примером является позиция Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ), выраженная в кассационном определении от 25.01.2024 г. по делу № 41-УД23–33СП-К4, где прямо указано, что «умысел, намерения виновного и квалификация его действий» являются исключительно правовыми вопросами и не подлежат включению в вопросный лист, поскольку разрешаются судьей единолично на основании вынесенного вердикта, поскольку требуют юридических познаний [6].

Разделяя позицию ВС РФ в части недопустимости смешения правовых вопросов с фактическими, тем не менее полагаем, что сам по себе запрет на постановку перед присяжными вопроса о форме вины или наличии умысла не снимает проблему юридической сложности языка. Присяжные не должны оценивать абстрактные категории, но они обязаны ответить на вопрос, подтверждается ли фактическими обстоятельствами целенаправленный характер действий подсудимого. Для решения этой проблемы требуется разработка типовых формулировок вопросов, адаптированных под различные категории преступлений, что позволило бы судьям использовать проверенные и разъясненные присяжным формулировки. В этой связи заслуживает поддержки позиция И. И. Лодыженской и Д. Д. Малышевой, выступающих за возвращение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) бланков процессуальных документов, что существенно упростило бы процесс и уменьшило количество ошибок [7].

В качестве второго вида ошибок стоит выделить процессуальные: нарушение правил постановки вопросов, предусмотренных ст. 339 УПК РФ.

К числу таких ошибок относится постановка вопросов о допустимости доказательств. Присяжные отвечают только на вопросы факта: было ли деяние, совершил ли его подсудимый, виновен ли он. Подмена компетенций не только незаконна, но и опасна: присяжные могут отказать в доверии к доказательству из-за эмоций, хотя юридически оно безупречно. В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от

05.09.2024 г. № 45-УДП24–37-К7 была отмечена систематическая практика, когда подсудимый и его адвокат в присутствии присяжных допускали высказывания, подвергающие сомнению допустимость доказательств, в частности, указывали на то, что «протокол осмотра места происшествия сфальсифицирован», а при проведении экспертиз «нарушен порядок исследования доказательств» [4].

Таким нарушением требований уголовно-процессуального закона является использование наводящих формулировок. Наводящий вопрос может проявляться в различных формах: использование оценочных терминов (злостно, жестоко), включение в описание события недоказанных обстоятельств, использование слов, создающих определенную эмоциональную установку [10]. Стоит отметить, что в ст. 338 УПК РФ отсутствует прямой запрет на наводящие вопросы, что создает правовую неопределенность.

Третьим видом ошибок представляются психологические: неоправданное дробление и сложность конструкций. Данная группа ошибок обусловлена сложностью психологического восприятия «длинных» вопросов присяжными — гражданами, не имеющими профессиональной юридической подготовки.

Показателен пример в Определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 05.06.2024 г. № 66-УД24–2СП-К8, где присяжные дали противоречивые ответы на вопросы № 2 и 3, сочтя доказанным одновременно, что «подсудимый произвел неприцельный выстрел в потерпевшего» и что «до выстрела у подсудимого с потерпевшим была драка, потерпевший бросился с ножом на подсудимого» [5]. Несмотря на явную противоречивость вердикта, судья не указал присяжным на неясность и не предложил вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений (ч. 2 ст. 345 УПК РФ), что повлекло отмену приговора. Это наглядно демонстрирует, как психологическая сложность восприятия вопросов приводит к юридическим последствиям — отмене судебных актов.

При этом С. А. Насонов отмечает, что «чрезмерное сокращение вопросного листа до одного вопроса о виновности — опасная тенденция» [8]. Он считает, что это фактически лишает присяжных права признавать отдельные факты недоказанными: как они их исключат, если они не отражены в вопросном листе. Представляется, что дилемма «один вопрос или длинный список» ложна, потому что это не две изолированные категории, а количество вопросов определяется объемом предъявленного обвинения. Речь идет не о выборе шаблона, а о «разумной достаточности», где решение принимает судья, который в каждом случае находит свой баланс.

Анализ практики позволяет выделить три основные причины описанных нарушений. В качестве первой выделяется низкая квалификация судей. Судьи районных судов не имеют достаточного опыта рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, что приводит к техническим ошибкам при составлении вопросного листа и нарушению процедуры.

Вторым аспектом представляется стремление «раздробить» обвинение для перестраховки или «запутывания». Сторона обвинения нередко инициирует постановку большого количества частных вопросов, чтобы максимально детализировать вину, что перегружает лист и вводит присяжных в заблуждение. Как указал ВС РФ, «частные вопросы могут ставиться лишь в случае, если подсудимый признает совершение действий по предъявленному обвинению, но при иных обстоятельствах» [3].

Также стоит отметить несовершенство нормативного регулирования. Отсутствие формализованных критериев, закрепленных в законе, оставляет вопросы терминологии на усмотрение судьи, а отсутствие прямого запрета на «наводящие» формулировки создает почву для злоупотреблений.

Для решения поставленных проблем представляется целесообразным устранение пробелов в правовом регулировании. Предлагается дополнить ч. 8 ст. 339 УПК РФ следующим содержанием: вопросы, содержащие оценочные термины, например, злостно, жестоко, цинично, или термины, несущие эмоциональную окраску, если они не являются неотъемлемой частью диспозиции уголовно-правовой нормы, не подлежат постановке перед присяжными заседателями.

Ч. 5 ст. 338 УПК РФ дополнить положением о том, что сторонам предоставляется право именно письменного согласования черновика вопросного листа до удаления судьи в совещательную комнату, с обязательным приобщением замечаний к протоколу судебного заседания.

Также следует внедрить в УПК РФ «принцип разумной достаточности» или «запрет на избыточную детализацию, не влияющую на существо обвинения». Судья при этом не ограничен в количестве формально, но обязан мотивировать необходимость каждого частного вопроса. Если детализация не меняет квалификацию и не влияет на наказание, судья вправе отклонить такие вопросы как

избыточные, формально не ограничивая при этом права сторон.

Важным представляется формализовать требования к юридической технике. Например, рекомендовать Пленуму ВС РФ принять постановление «О применении судами норм УПК РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» в новой редакции, где дать четкие критерии недопустимости оценочных и подсказывающих формулировок и методические рекомендации по упрощению сложных юридических терминов в вопросных листах, включая примерный перечень общепотребимых терминов. А также вернуть в судебную систему типовые бланки вопросных листов для наиболее распространенных категорий уголовных дел.

Таким образом, вопросный лист является ключевым процессуальным документом, обеспечивающим реализацию принципа разделения компетенции между профессиональным судьей и присяжными заседателями в российском уголовном процессе. От его правильного составления напрямую зависит законность и обоснованность приговора, основанного на вердикте присяжных. Сложность языка, наводящие вопросы, излишняя детализация и смешение факта с правом — каждая из этих проблем порождает противоречия в роли института присяжных заседателей.

Комплексное решение указанных проблем лежит в выработке четких, детализированных рекомендаций Пленумом ВС РФ и систематическом повышении квалификации судей, рассматривающих дела с участием присяжных заседателей, а также в законодательном закреплении «принципа разумной достаточности» и классификации ошибок. Только при условии качественного, логически выверенного и доступного для понимания присяжных, вопросного листа суд присяжных заседателей сможет в полной мере реализовать свою правовую природу, как форма правосудия, сочетающая профессионализм судьи с непосредственным участием граждан в отправлении правосудия.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // СПС «Консультант-плюс». — Версия Проф. — М., 2026.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (ред. от 15.05.2018) // СПС «Консультант-плюс». — Версия Проф. — М., 2026.
3. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 01.08.2024 N 222-УД24-45СП-А6 // СПС «Консультант-плюс». — Версия Проф. — М., 2026.
4. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2024 г. N 45-УДП24-37-К7 // СПС «ГАРАНТ». — Версия Проф. — М., 2026.
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.06.2024 N 66-УД24-2СП-К8 // СПС «Консультант-плюс». — Версия Проф. — М., 2026.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2024 N 41-УД23-33СП-К4 // СПС «Консультант-плюс». — Версия Проф. — М., 2026.
7. Лодыженская И. И., Малышева Д. Д. Противоречия в вердикте присяжных заседателей как основание для отмены приговора суда. // Ленинградский юридический журнал — СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2018. № 1. С. 153–164.

8. Насонов С. А. Особенности уголовной защиты в суде присяжных: процессуальные возможности и запреты // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovnoy-zaschity-v-sude-prisyazhnyh-protsessualnye-vozmozhnosti-i-zaprety> (дата обращения: 29.04.2026).
9. Плотников И. В. Нюансы постановки частных вопросов защиты присяжным // Уголовный процесс. № 9. 2011. — Текст: электронный // Наука для практиков: [сайт]. — URL: <https://e.ugpr.ru/264061> (дата обращения: 28.04.2026).
10. Стойко Н. Г., Баянов А. Н., Назаров А. Д., Шагинян А. С., Смирнова И. Г. Процессуальные последствия наводящих вопросов в уголовном судопроизводстве // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2025. № 2. — Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-posledstviya-navodyaschih-voprosov-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 28.04.2026).
11. Турапина А. А. Процессуальные проблемы формирования вопросного листа при производстве в суде присяжных // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. — Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-problemy-formirovaniya-voprosnogo-lista-pri-proizvodstve-v-sude-prisyazhnyh> (дата обращения: 28.04.2026).
12. Павлова, З. И. ВС отменил обвинительный приговор на основе вердикта присяжных из-за противоречий в вопросном листе / З. И. Павлова. — Текст: непосредственный // Адвокатская газета. — 2022. — № 18. — С. 45–52.

Особенности квалификации преступлений в сфере экономической деятельности

Быкадорова Дарья Вячеславовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Спектор Людмила Александровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты (Ростовская область)

В статье автор рассматривает особенности квалификации преступлений в сфере экономической деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: квалификация преступления, преступление в экономической сфере, элементы квалификации, экономические преступления.

Актуальность темы, обусловлена ростом масштабов экономической преступности, вызванной трансформацией рыночных отношений, развитием цифровых технологий и усложнением финансово-хозяйственных схем. Особое значение приобретает квалификация преступлений в сфере экономической деятельности, поскольку от правильного определения состава преступления зависит не только применение уголовного закона, но и итоговое формирование правовой оценки деяния.

Квалификация преступлений в сфере экономической деятельности — один из наиболее сложных и динамично развивающихся направлений уголовного права. Она основывается на системном применении норм Уголовного кодекса РФ, в первую очередь статей 159–172, которые регулируют наиболее распространённые виды экономической преступности: мошенничество, растрата, злоупотребление полномочиями, уклонение от уплаты налогов и иные нарушения финансово-хозяйственной деятельности.

Одной из ключевых особенностей квалификации является необходимость чёткого разграничения между преступными действиями, совершёнными в интересах организации, и деяниями, направленными на извлечение личной выгоды. Например, при квалификации мошенничества (ст. 159 УК РФ) суды обращают внимание на наличие умысла, объекта посягательства (чужое имущество), а также на размер причинённого ущерба. При этом

важно учитывать, что под «чужим имуществом» может пониматься как имущество организации, так и имущество третьих лиц, включая государственные средства.

Особую сложность представляет квалификация деяний, связанных с использованием служебного положения. Так, ст. 174 УК РФ «Незаконное получение кредита» и ст. 174.1 УК РФ «Незаконное получение кредита или иного имущества» часто применяются в отношении руководителей предприятий, однако их толкование варьируется в зависимости от того, были ли кредитные средства использованы в интересах компании или лично для себя. В ряде случаев суды признают действия преступными, если была нарушена процедура оформления кредита, даже при наличии уважительных причин, что подрывает принцип справедливости.

Не менее острым остаётся вопрос квалификации растраты (ст. 160 УК РФ). Здесь ключевую роль играет установление факта хранения или распоряжения чужим имуществом. При этом не имеет значения, каким образом лицо пришло к распоряжению имуществом — по доверенности, по решению органа управления или по иным основаниям. Критически важным является доказывание того, что имущество было использовано не по назначению или без согласия собственника.

Сложности возникают и при применении ст. 159.1 УК РФ («Мошенничество в сфере предпринимательской или иной деятельности»), где необходимо установить, что дей-

ствия совершены в целях получения имущества, а не в интересах организации. В судебной практике часто возникают споры по вопросу о том, является ли мошенничество признаком нарушения внутренних правил компании или же оно носит системный характер, характерный для определённых бизнес-моделей.

Важным элементом квалификации является и оценка степени тяжести преступления. Так, при наличии признаков особо тяжкого вида (например, крупный ущерб, групповое совершение, использование служебного положения) применяется часть 4 ст. 159 УК РФ, что влечёт наказание до 10 лет лишения свободы. Однако в ряде случаев суды прибегают к квалификации по более лёгким статьям, если не доказана цель — извлечение личной выгоды.

Параллельно с этим возрастает роль квалификации в контексте налоговых преступлений. Статьи 198–199.3

УК РФ, регулирующие уклонение от уплаты налогов и сборов, требуют тщательного анализа документов, подтверждающих факт уклонения. Особенно острые споры возникают при наличии нецелевого расходования средств, когда организация получила грант, но не использовала его по назначению — такие действия могут быть квалифицированы как мошенничество, если будет доказано, что цель была — получить имущество незаконным путём.

Таким образом, квалификация экономических преступлений требует не просто формального применения норм, а глубокого понимания сути деяний, контекста, мотивов и последствий. Это обуславливает необходимость повышения квалификации правоохранителей, судей и адвокатов, а также совершенствования законодательства с учётом вызовов цифровой экономики и развития корпоративного мошенничества.

Литература:

1. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по Уголовному праву России. — С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2007. — 765.
2. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. II. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 640 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // «Российская газета», N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.
4. Уголовное право. Особенная часть. Преступления в сфере экономики / под ред. В. И. Гладких, А. К. Есаяна. М.: Юрайт. 2024. 325 с.
5. Исаев С. С.-Х. К вопросу о классификации методик расследования экономических преступлений // «Чёрные дыры» в рос. законодательстве. — 2012. — N 2. — С.103–105.

Элементы азартных игр в компьютерных играх: вопросы уголовной ответственности

Вареница Кирилл Алексеевич, студент;

Каравайцев Никита Денисович, студент

Научный руководитель: Пропостин Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируются правовые признаки лутбоксов в компьютерных играх на предмет их отнесения к азартным играм по российскому законодательству. Рассматриваются элементы риска, случайности, ставки и выигрыша. Делается вывод об отсутствии достаточных оснований для квалификации лутбоксов как азартных игр и привлечения к ответственности по ст. 171.2 УК РФ.

Ключевые слова: лутбоксы, азартные игры, уголовная ответственность, виртуальное имущество, статья 171.2 УК РФ.

Поводом для новой волны дискуссий об элементах азартных игр в компьютерных играх стал иск генерального прокурора штата Нью-Йорк к Valve Corporation, в котором рассматриваются «лутбоксы», открытие которых позволяет получить случайный виртуальный предмет, что описывается как форма незаконной азартной игры [8]. Данной дискуссии в юридической науке было посвящено немалое количество работ, раскрывающих правовую природу «лутбоксов» и возможность их отнесения к элементам азартных игр. Однако, необходимо отметить,

что «лутбоксы», упомянутые в иске генерального прокурора штата Нью-Йорк имеют несколько иную природу, нежели те, что обсуждались в научной литературе. Предметы, полученные из таких «лутбоксов», имеют экономическую ценность, могут быть реализованы через внутриигровые площадки, а также через сторонние сайты, и конвертированы в денежные средства.

Указанный иск дает основание для постановки вопроса применительно к российскому законодательству: достаточно ли признаков, присущих «лутбоксам», чтобы

квалифицировать их как азартные игры по Федеральному закону от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [3] (далее — ФЗ № 244), а следовательно, при наличии иных условий ставить вопрос об уголовной ответственности по статье 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ).

Термин «лутбокс» является транслитерацией английского слова «lootbox» (loot — «добыча», box — «коробка»). Следовательно, для описания их сути можно провести аналогию, например, с новогодним подарком. Благодаря креативности игровых индустрий, система «коробок с лутом» оформляется в самые разнообразные вариации: «кейсы» (от англ. cases), «паки» (от англ. pack), «сферы» (от англ. spheres) и т. д. С целью терминологического единообразия авторы предлагают именовать подобные разновидности общими обозначениями: «лутбоксы», «контейнеры» и пр., так как все иные названия существенным образом обосновываются косметической составляющей. [7, с. 119]

«Лутбоксы» — это расходуемые виртуальные предметы в видеоиграх, которые игрок может «открыть» и получить случайную награду. Такая награда может быть косметической, а может серьёзнее влиять на игровой процесс: открывать дополнительный контент, усиливать персонажа или иным образом изменять положение игрока внутри игры. В широком смысле к лутбоксам относятся не только буквально «ящики», но и другие механики рандомизированной монетизации: сундуки, наборы карточек, капсулы, колёса удачи и иные формы случайной выдачи цифровых предметов. В некоторых играх полученные награды можно передавать другим пользователям, а потому они приобретают ценность и вне игры. [4, с. 27]

В современной игровой индустрии такие механики нередко являются платными: пользователь приобретает сам «контейнер», «ключ» к нему или иную возможность открытия за реальные деньги. В иске к «Valve» описана именно такая модель: пользователь оплачивает ключ, после чего получает один случайный предмет, вероятность выпадения которого заранее определяется оператором игры; при этом редкие предметы стоят значительно дороже массовых и обращаются как на внутренней торговой площадке, так и на сторонних ресурсах [8, пп. 42–45 — с. 9, пп. 61–65 — с. 15–17, пп. 77–84 — с. 21–24, пп. 107–118 — с. 30–35].

Из этого следует, что вопрос о «лутбоксах» не сводится к обычной продаже развлекательного контента — речь идет о механике, построенной вокруг платы, случайности и ожидания ценного результата.

В научной литературе также неоднократно отмечалось, что «лутбоксы» сочетают по меньшей мере три признака, традиционно ассоциируемые с азартной игрой: 1) внесение пользователем денежных средств; 2) зависимость результата от случая; 3) возможность получения объекта,

обладающего экономической ценностью [6, с. 267]. Вместе с тем одного внешнего сходства с казино или лотереей для правовой квалификации недостаточно. Требуется установить, совпадают ли эти признаки с легальной конструкцией азартной игры, закреплённой в законодательстве.

Согласно статье 4 ФЗ № 244 азартная игра — это основанное на риске соглашение о выигрыше, заключённое двумя или несколькими участниками между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором. В той же статье закреплёны понятия ставки и выигрыша: ставка — это денежные средства, передаваемые организатору и служащие условием участия; выигрыш — денежные средства или иное имущество, в том числе имущественные права, подлежащие выплате или передаче участнику при наступлении результата, предусмотренного правилами организатора.

Следовательно, для признания «лутбокса» азартной игрой необходимо наличие как минимум четырех элементов: 1) соглашения о выигрыше (отнесем сюда такие признаки как: наличие организатора и правила игры, установленные организатором); 2) риска и случайности результата; 3) ставки; 4) выигрыша в виде денег, иного имущества либо имущественного права.

В модели платного «лутбокса» пользователь принимает правила, установленные оператором игры: он вносит платеж, открывает «контейнер» и получает один из случайно распределяемых предметов. В этом смысле конструкция действительно напоминает соглашение о выигрыше: у игрока есть ожидание более ценного результата по сравнению с обычным предметом, а правила определения результата полностью задаются организатором.

Данный признак у «лутбоксов», в целом, присутствует. Игрок не просто оплачивает заранее известный товар, а соглашается на получение одного из нескольких результатов, отличающихся по ценности и выпадающих с разной вероятностью. Именно это отличает «лутбокс» от обычной внутриигровой покупки предметов, содержание которых известно заранее.

Элемент случайности для «лутбоксов» является базовым. В описанной в иске к «Valve» модели вероятность выпадения конкретного предмета задается самой платформой, а редкие предметы выпадают лишь в очень небольшом числе открытий [8, пп. 55–65 — с. 12–17]. Случайность результата обычно обеспечивается программным алгоритмом, а пользователь заранее не знает, какой именно предмет получит.

Этого достаточно, чтобы говорить о рисковом характере участия. Более того, именно доминирование случая, а не навыка пользователя, сближает «лутбокс» с азартной игрой сильнее всего. Следовательно, признак риска и случайности у «лутбоксов» также наличествует.

Ставкой по ФЗ № 244 являются денежные средства, передаваемые организатору азартной игры и служащие условием участия. В типичной модели «лутбокса» игрок действительно передает оператору денежные средства: приобретает сам «контейнер», «ключ» к нему либо иную

возможность открытия. Без внесения этой суммы участие в механике невозможно.

Поэтому признак ставки у «лутбоксов» в большинстве случаев также присутствует. Здесь важно оговорить, что речь идет именно о «лутбоксах», приобретаемых за реальные деньги, а не о бесплатных наградах, получаемых в ходе игрового процесса. Бесплатный «лутбокс» не образует ставки и потому не может рассматриваться как азартная игра.

Ключевая проблема сосредоточена именно на выигрыше в виде денег, иного имущества либо имущественного права. Для признания механики азартной игрой нужно, чтобы результатом выступал выигрыш по смыслу ФЗ № 244 — не психологически желанный или экономически привлекательный объект, а денежные средства, иное имущество либо имущественное право.

На первый взгляд может показаться, что «лутбокс» этому критерию соответствует. Редкие игровые предметы действительно имеют рыночную стоимость. В ряде игр они продаются на внутренней торговой площадке, а иногда и на внешних сайтах за суммы, многократно превышающие цену открытия «контейнера» [3, пп. 77–84 — с. 21–24, пп. 112–118 — с. 32–35]. Ряд авторов считает, что если бы средства от выигрыша «лутбоксов» можно было бы напрямую (насколько это возможно в современном мире) выводить на счета игроков, тогда бы однозначно можно было квалифицировать «лутбоксы» в качестве азартных игр, как следствие, попадающих под жесткое правовое регулирование [5, с. 88]. Так, в рассматриваемом нами деле (иске прокурора к «Valve»), действительно, предметы можно, практически, напрямую выводить на счета игроков — предметы, полученные в результате открытия «лутбоксов» имеют явную экономическую ценность (способны участвовать в обороте), но экономическая ценность объекта еще не тождественна его правовой квалификации как имущества или имущественного права. Именно на этом этапе и возникает главное препятствие для отнесения «лутбоксов» к азартным играм по действующему российскому законодательству.

Во-первых, статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее — ГК РФ) относит к объектам гражданских прав вещи, иное имущество, имущественные права, результаты работ и услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, нематериальные блага и ряд иных объектов. При этом статья 141.1 ГК РФ связывает цифровые права только с прямо названными в законе обязательственными и иными правами, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы. Игровые предметы прямо не поименованы в российском законодательстве ни как цифровые права, ни как самостоятельная категория объектов гражданских прав.

Во-вторых, в российской литературе отсутствует единый подход к правовой природе виртуальных объектов. Одни авторы предлагают рассматривать их как особую разновидность «иного имущества», другие — как договорные притязания пользователя к оператору игры,

третьи — как сугубо внутриигровой феномен, не выходящий за пределы пользовательского соглашения.

В-третьих, даже те исследования, которые признают высокую экономическую значимость виртуальных предметов, обычно указывают на господство в российской практике именно модели невмешательства или договорного подхода, а не на устойчивое признание игрового предмета полноценным объектом вещного права. Иначе говоря, пользователь может фактически контролировать такой предмет, распоряжаться им внутри игры или на связанных с ней площадках, но это еще не означает, что в соответствии с российским законодательством оно имеет статус имущества в том смысле, который требуется для применения законодательства об азартных играх.

Так, по состоянию на настоящее время российское законодательство не дает достаточно определенного основания считать стандартный внутриигровой предмет, выпадающий из «лутбокса», выигрышем в виде денег, иного имущества или имущественного права. Несомненно, в п. 2.2 постановления Конституционного суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича», Конституционный суд РФ указал, что цифровая валюта при определенных условиях может рассматриваться как «иное имущество» по смыслу статьи 128 ГК РФ. Но это решение касается цифровой валюты как объекта, уже вовлеченного в гражданский оборот, а не игровых предметов, существующих в рамках конкретной игровой экосистемы и зависящих от пользовательского соглашения и воли оператора платформы. Автоматическое распространение этого подхода на «лутбоксы» было бы недопустимой аналогией.

Именно поэтому по действующему российскому законодательству типичный «лутбокс» нельзя уверенно отнести к азартной игре: признаки риска, случайности и ставки у него есть, а вот признак выигрыша в требуемом законом смысле — в настоящий момент нормативно не подтвержден в достаточной степени.

Статья 171.2 УК РФ устанавливает ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Но применение этой нормы возможно только тогда, когда сама деятельность предварительно установлена как деятельность по организации и проведению именно азартных игр в смысле ФЗ № 244.

Если «лутбокс» не образует азартной игры по действующему законодательству, то и статья 171.2 УК РФ неприменима. По этой причине деятельность по организации «лутбоксов» в компьютерных играх в настоящее время не должна рассматриваться как преступная по статье 171.2 УК РФ. Это не означает, что такая деятельность не создает правовых рисков вообще. Напротив, она может ставить

вопросы о защите прав потребителей, добросовестности цифровой монетизации, защите несовершеннолетних, прозрачности алгоритмов выпадения, раскрытии вероятностей, а при определенных моделях оборота цифровых предметов — и о противодействии легализации преступных доходов [9]. Но именно как незаконная организация азартных игр такая модель по действующему российскому законодательству пока не квалифицируется.

Таким образом, «лутбоксы» действительно содержат ряд признаков, роднящих их с азартной игрой: игрок вносит денежные средства, участвует в механике, основанной на случайности, и рассчитывает получить более ценный результат. Однако по ФЗ № 244 для квалификации в качестве азартной игры этого недостаточно. Необходимо наличие выигрыша в виде денег, иного имущества либо имущественного права. Именно выигрыш в отношении стандартных внутриигровых предметов остается неопре-

деленным. Экономическая ценность игрового предмета и возможность его оборота на площадках еще не равны его легальному признанию имуществом или имущественным правом в том смысле, который требуется для законодательства об азартных играх. Отсюда следует, что по действующему российскому законодательству «лутбоксы» в их типичной модели не следует относить к категории азартных игр. Следовательно, в настоящее время организация такой деятельности сама по себе не образует состава преступления, предусмотренного статьей 171.2 УК РФ.

Если законодатель прямо урегулирует правовую природу внутриигровых цифровых предметов, а также установит специальные критерии для платных случайных игровых механик, подход к квалификации может измениться. На сегодняшний день проблема действительно существует, однако её разрешение связано прежде всего с совершенствованием законодательства.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
3. Федеральный закон от 29.12.2006 N 244-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
4. Xiao, L.Y. (2021). Regulating Loot Boxes as Gambling? Towards a Combined Legal and Self-Regulatory Consumer Protection Approach. *Interactive Entertainment Law Review*, 4(1), с. 27–47. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.4337/ieler.2021.01.02> (дата обращения 02.04.2026)
5. Андреев Н. Ю., Архипов В. В., Васильев А. А., Печатнова Ю. В. Правовые аспекты способов монетизации прав в индустрии компьютерных игр. *Правоприменение*. 2023;7(1):83–92. [Электронный ресурс] // URL: [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7\(1\).83-92](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7(1).83-92) (дата обращения 03.04.2026)
6. Варчук А. А. Зарубежный и российский опыт регулирования лутбоксов // *Вопросы российской юстиции*. 2020. № 5. С. 262–272. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-i-rossiyskiy-opyt-regulirovaniya-lutboksov> (дата обращения 01.04.2026)
7. Жуков В. Э., Щукина А. А. Проблемы правового регулирования лутбоксов и их соотношение с азартными играми // *Цифровые технологии в системе правовых отношений (молодежное пространство науки)*. 2023. С. 118–124. [Электронный ресурс] // URL: <https://inlibrary.uz/index.php/digteclaw/article/view/135161> (дата обращения 05.04.2026)
8. Нью-Йорк против Valve Corporation — жалоба — 2026 [Электронный ресурс] // URL: <https://ag.ny.gov/sites/default/files/court-filings/new-york-v-valve-corporation-complaint-2026.pdf> (дата обращения 21.03.2026).
9. Санина Л. В., Колбягина Л. В., Юнаковский С. Е. К вопросу противодействия легализации преступных доходов посредством игровых валют и игровых предметов // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7. С. 399–403. [Электронный ресурс] // URL: http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_7_399 (дата обращения 06.04.2026)

Виртуальное имущество как предмет хищения

Вареница Кирилл Алексеевич, студент

Научный руководитель: Пропостин Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена актуальной проблеме уголовно-правовой квалификации хищения виртуального имущества в условиях цифровизации экономического оборота. Автор анализирует эволюцию понятия «имущество» как предмета хищения в российском уголовном праве, отмечая постепенный отказ от обязательного физического признака.

В работе дается классификация объектов виртуального имущества: цифровые права (включая утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы), цифровая валюта (криптовалюта) и внутриигровые предметы. Исследуются их экономические и юридические признаки — стоимость, оборотоспособность, способность быть объектом преступного посягательства.

Особое внимание уделяется внутриигровым предметам, которые российским законодательством не отнесены к имуществу.

Ключевые слова: виртуальное имущество, предмет хищения, цифровые права, цифровая валюта, криптовалюта, внутриигровые предметы, безналичные денежные средства, электронные денежные средства, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы.

Предметом хищения является имущество (применение 1 к ст. 158 УК РФ). Однако традиционное определение имущества в уголовно-правовой науке, включающее три признака — физический, экономический и юридический, утратило актуальность. В настоящее время на первый план выдвигается экономический признак, а физический признак перестал быть определяющим после 2017 года, когда Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 отнес безналичные денежные средства к имуществу. В 2018 году ч. 3 ст. 158 УК РФ была дополнена пунктом «г», предусматривающим хищение с банковского счета или электронных денежных средств. Эти обстоятельства свидетельствуют об отказе и законодателя и правоприменителя от устоявшегося подхода к определению предмета хищения как имущества, на основании физического признака.

В связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий появилось виртуальное имущество, ранее неизвестное ни уголовно-правовой, ни гражданско-правовой наукам. Автор ставит перед собой задачу рассмотреть виртуальное имущество как предмет хищения. В настоящее время, виртуальное имущество можно определить как совокупность цифровых объектов, имеющих свойства имущественного характера, которые существуют в виртуальной среде. В научной литературе к виртуальному имуществу принято относить цифровые права, цифровые валюты, иные виртуальные объекты, приобретаемые пользователями информационных ресурсов за реальные деньги.

К цифровым правам относятся утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы. Утилитарные цифровые права — это права требования, облеченные в цифровую форму для удобства их оборота в сети Интернет в целях упрощения привлечения инвестиций от неопределенного круга лиц — пользователей сети Интернет через специально созданные для инвестиционных целей инвестиционные платформы [1, с. 102]. Цифровые финансовые активы — это не только обязательственные права в виде права требования, но и иные права, к которым относятся права участия в непубличных акционерных обществах. А. В. Архипов справедливо поднимает вопрос о расширении понятия имущества как предмета хищения за счет включения в него иных прав требования, помимо безналичных денежных средств. Автор предлагает отождествлять понятие имущества для хищения и вымога-

тельства. В частности, в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» к имуществу были отнесены безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, включая права требования. Кроме того, гражданское законодательство также признает их имуществом, поскольку цифровые права обладают стоимостью и способны участвовать в обороте. Они могут быть изъяты у владельца теми же способами, что и безналичные денежные средства [1, с. 102]. В ходе исследования судебной практики по хищению цифровых прав, дел, связанных с хищением такого имущества и права на имущество, выявлено не было. В ходе изучения и обобщения научной литературы, цифровые права имеется возможным отнести к предмету хищения по вышеуказанным признакам.

Определение цифровой валюты, к которой традиционно относят криптовалюту, содержится в ч. 3 ст. 1 ФЗ от 31.07.2020 № 259. В доктрине уголовного права цифровую валюту принято относить к квазивещи, которая не имеет физического признака, имеет экономическую ценность, не является документом, закрепляющим право. Существуют сложности с отнесением цифровой валюты к объектам гражданских прав, в связи с тем, что она не является вещью, так как не обладает физическим признаком, имущественными правами тоже не может быть признана, так как не удостоверяет какие-либо права, не может быть признана в чистом виде средством платежа, так как существует запрет на ее использование наравне с рублем в ст. 14 вышеуказанного ФЗ. Определение цифровой валюты как квазивещи позволяет отнести ее к предмету хищения, так как у нее есть экономический и юридический признак, позволяющие относить ее к имуществу. В подтверждение к этому следует обратиться к судебной практике. При анализе судебной практики можно выявить, что криптовалюта (цифровая валюта) в основном встречается в делах, связанных с наркотическими средствами, и в данных делах является средством платежа за предоставление наркотических средств. Но в судебной практике также известны случаи, где криптовалюта выступает предметом хищения. Так, Ленинский районный суд Омска приговорил к восьми годам и одному месяцу лишения свободы 48-летнего жителя Подмосковья за разбойное нападение и вымогательство биткоинов на сумму 181 миллион рублей [5].

Иные виртуальные объекты, приобретаемые пользователями информационных ресурсов за реальные деньги, под которыми традиционно принято считать внутриигровые предметы в отличие от цифровых прав и цифровых валют в российском законодательстве не относятся к имуществу. В гражданско-правовой науке ведутся дискуссии об отнесении их к имуществу, путем отождествления с цифровыми правами, однако до сих пор какого-то определенного решения принято не было, которое бы позволяло определить их правовой статус. Обладание такими виртуальными объектами находится вне сферы гражданско-правового регулирования, однако незаконным такое обладание назвать нельзя. По мнению В. В. Хилюты одной из основных проблем определения правовой природы внутриигровых предметов как имущества состоит в существовании пользовательских соглашений между правообладателем и пользователем, по которым пользователь не наделяется правом собственности на такие предметы [2, с. 70]. На данный момент, пока правовая природа таких предметов не определена, и они не отнесены к имуществу гражданским законодательством, предметом хищения, как отмечается в уголовно-правовой науке, их назвать нельзя. Однако, такие предметы подлежат уголовно-правовой охране, для их защиты предусмотрены составы в УК РФ: ст. 159.6, 163, 272, 273. В ходе изучения возможной судебной практики по делам о хищении таких предметов, дел, связанных с хищением таких предметов в России выявлено не было, такая практика существует в зарубежных странах, где внутриигровые предметы признаны имуществом и охраняются на законодательном уровне (США, Китай, Япония и др.). В основном любое посяга-

тельство на такие предметы было квалифицировано по статьям 272 и 159.6 УК РФ. На просторах интернета был найден пример разбойного нападения, где предметом хищения якобы выступили внутриигровые предметы. Так, в 2016 году в Красноярске было возбуждено уголовное дело по статье 162 УК РФ после нападения на киберспортсмена, играющего в Counter-Strike «Неизвестные лица под угрозой применения огнестрельного оружия потребовали передать игровые ножи» [4]. Однако, судебного решения по данному разбойному нападению найдено не было. Ко всему прочему, в доктрине отмечается, что завладение виртуальными объектами может быть сегодня квалифицировано как вымогательство в виде требования совершения действий имущественного характера, когда это требование подкреплено угрозами, указанными в ч. 1 ст. 163 УК РФ, в соответствии с ППВС № 56. Таким образом, на сегодняшний день внутриигровые предметы, являющиеся иными виртуальными объектами, приобретаемыми пользователями информационных ресурсов за реальные деньги к предмету хищения отнести нельзя.

Подводя итог, в соответствии с обобщенными выше исследованиями по отнесению виртуального имущества к предмету хищения и судебной практикой, в уголовно-правовой науке предлагается решение, а именно ввести в гл. 21 УК РФ самостоятельный состав преступления, предусматривающий наказуемость противоправного корыстного завладения безналичными деньгами и другими виртуальными объектами с помощью информационных технологий, а составы хищений в практике применения уголовного закона ограничить противоправным корыстным завладением чужим имуществом в виде вещи [3, с. 190].

Литература:

1. Архипов А. В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования / А. В. Архипов; под ред. Л. М. Прокументова. М, 2022. — 311 с.
2. Хилюта, В. В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество / В. В. Хилюта // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25, № 5. — С. 68–82.
3. Шеслер, А. В. Виртуальные объекты как предмет противоправного корыстного завладения / А. В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 188–196.
4. Новосибирца ограбили на турнире по Counter-Strike. [Электронный ресурс] // URL: <https://life.ru/p/950666> (дата обращения 09.03.2026).
5. Россиянин получил восемь лет за вымогательство биткоинов на 181 миллион рублей. [Электронный ресурс] // URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/18/omskk/> (дата обращения 10.03.2026).

Использование генетической генеалогии для раскрытия преступлений

Василенко Вадим Витальевич, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье автор исследует влияние и практическое применения генетической генеалогии в деятельности по раскрытию преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, генеалогия, генетика.

В последние годы все большую популярность набирает использование технологий, связанных с ДНК человека, а именно генетической генеалогией для раскрытия преступлений. Эта методика способна существенно облегчить работу следователей, занимающихся нераскрытыми убийствами, розыском пропавших лиц или идентификацией неопознанных останков. Данное мнение подкрепляет расширение федеральной базы данных геномной информации: с 01.01.2025 года Федеральным законом «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» следует обязательная регистрация лиц, подвергнутым административному аресту; более того, к 2030 году Министерство внутренних дел планирует расширить свою базу в 3,5 раза.

В 2025 году в Экспертно-криминалистическом центре МВД России по Краснодарскому краю с использованием современных ДНК-технологий выявлено более 100 лиц, причастных к ранее нераскрытым преступлениям, а также установлена личность сотен неопознанных трупов [1].

Наибольшую популярность данный метод получил в США и Австралии, там за последние пару лет было раскрыто множество «глухих» преступлений, например, присяжные суда в американском штате Вашингтон осудили Уильяма Тэлбота II за двойное убийство, совершенное в 1987 году. Это было первое судебное испытание для революционной технологии криминалистической генетической генеалогии, и в ходе суда защита подсудимого не оспорила её выводы [2]. Также, благодаря данному методу были раскрыты такие дела как: Убийца из Золотого штата, дело Роя Чарльза Уоллера, дело Риты Каррен из Барлингтона и др. В 2023 году благодаря генетической генеалогии была оправдана Кэтлин Фолбиг, ранее несправедливо обвиненная в серийном детоубийстве. Подобных случаев много. Большую роль в раскрытии преступлений сыграло новое массовое увлечение людей поиском своих предков и родственников через интернет.

В России тоже есть примеры успешного применения генетической генеалогии, так: после теракта в аэропорту Домодедово (2011 г.) были обнаружены следы террориста-смертника, что позволило выйти на организаторов и исполнителей; раскрытие дела новосибирского серийного педофила, поскольку было выявлено русско-бурятское происхождение преступника; была раскрыта серия убийств в Приволжском федеральном округе; серии изнасилований в Гомельской области и др.

Генетическая генеалогия — новая область на стыке генетики, истории и этнографии, изучающая прошлое людей через ДНК-анализ. В отличие от традиционной генеалогии, она использует образец слюны.

Благодаря данному анализу можно определить:

- Гаплогруппу и этническое происхождение.
- Регион, где чаще встречаются похожие ДНК.
- Генетических родственников (включая дальних).

Современные базы данных делают ДНК-исследования более точными и информативными, помогая раскрыть историю семьи [3].

Важно отметить, что развитие генетических технологий опережает правовое регулирование. В Российской Федерации нет четкой регламентации генетической информации и ее категорий. Это приводит к отсутствию единых стандартов и неопределенности в распределении полномочий между правоохранительными органами, судами и научными учреждениями. Однако, при рассмотрении данного вопроса стоит обратиться к следующим нормативно-правовым актам, которые так или иначе регулируют генетические исследования: Федеральный Закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан», Федеральный Закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», Федеральный Закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации».

Использование генетических баз данных для установления родственных связей ставит вопрос о конфиденциальности лиц, чьи образцы взяты без согласия. Доступ правоохранительных органов к генетической информации часто осуществляется через добровольную передачу данных родственниками, что нарушает право на неприкосновенность частной жизни.

Конституция РФ гарантирует право человека самостоятельно определять, какие сведения о его частной жизни подлежат разглашению. Конституционный Суд РФ в определениях № 248-О (2005), № 158-О-О (2010) и № 644-О-О (2010 г.) разъяснил, что частная жизнь включает сферу жизнедеятельности, не подлежащую контролю общества и государства, кроме случаев противоправных действий. Доступ к геномной информации может раскрыть личные данные не только подозреваемого, но и его родственников, включая предрасположенность к заболе-

ваниям и этническое происхождение. Важно ввести законодательные ограничения на обработку генетических данных для защиты прав граждан.

Обеспечение безопасности генетических данных — сложная и нерешенная проблема. Компании, занимающиеся генетическим тестированием, хранят большие базы данных, что делает их уязвимыми для кибератак. Необходимо строго защищать данные, используя шифрование, ограниченный доступ и другие меры. Важно законодательно закрепить право на удаление данных, определить сроки их хранения и цели использования.

Научные методы изучения генетической генеалогии точны, но не абсолютны. Их результаты могут быть ис-

пользованы как доказательства, но требуют научной валидации и воспроизводимости. Также, четкое определение требует и юридический статус генетических доказательств. В лучшем случае стоит разработать единые стандарты международной передачи данных, учитывающие национальные особенности.

Прогресс в ДНК-криминалистике открывает новые возможности, но порождает правовые и этические проблемы. Необходимо разработать нормативную базу для получения, хранения и использования генетической информации в судебной практике. Только комплексный подход, интегрирующий инновации в правосудие, позволит эффективно раскрывать преступления.

Литература:

1. Дерябина А. М., Мерешко А. В. Перспективные направления ДНК-исследований в раскрытии преступлений и проблемы реализации // *Мировая наука*, №. 1 (106), 2026, С. 143–151.
2. Генетика и генеалогия против «глухарей» // *Коммерсантъ*, 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6365445>
3. «Холодные» дела: криминалистическая генеалогия помогает полиции раскрыть старые преступления. URL: <https://dzen.ru/a/XRwwCXeCvwCtvjnj>

Психология судебного процесса (категория несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет)

Витвицкая Алёна Андреевна, студент магистратуры
Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Данная статья посвящена анализу психологических аспектов судебного процесса, с особым вниманием к участию несовершеннолетних. Рассматриваются основные психологические особенности участников разбирательств, влияние стрессовых факторов, проблемы практической реализации психологической поддержки, а также перспективы совершенствования судебной системы с учетом возрастных и психологических особенностей несовершеннолетних. На основе анализа научных исследований и статистических данных предложены рекомендации по повышению эффективности работы судебных органов, снижению риска ошибок и обеспечению правовой защиты несовершеннолетних.

Psychology of the judicial process (category of minors who have reached the age of 14 years)

This article is dedicated to the analysis of psychological aspects of the judicial process, with particular attention to the participation of minors. It examines the main psychological features of the participants in legal proceedings, the influence of stress factors, issues related to the practical implementation of psychological support, as well as prospects for improving the judicial system considering the age-related and psychological characteristics of minors. Based on an analysis of scientific research and statistical data, recommendations are proposed to enhance the effectiveness of judicial bodies, reduce the risk of errors, and ensure the legal protection of minors. The article emphasizes the need for systemic changes in the training of judges, experts, and psychologists, as well as the integration of modern technologies and methodologies for working with young participants in legal processes.

Современная система правосудия должна учитывать психологические особенности участников судебных процессов для повышения справедливости и эффективности разбирательств. В особенно динамичных условиях усиленного внимания к правам человека и гуманизации правосудия вопрос психологической поддержки участ-

ников, особенное внимание на несовершеннолетних, становится ключевым аспектом судебной практики. Цель исследования — провести системный анализ психологических аспектов судебного процесса с учетом участия представителей категории несовершеннолетних, а также выявить существующие проблемы и предложить направ-

ления их решения. Как известно, основной функцией суда выступает разрешение дела по существу. Данный процесс имеет свои особенности, отметим некоторые: особую нормативно-правовую регламентацию судебного процесса; активность всех участников судебного процесса в рамках нормативно-правового поля, а также пространственное и атрибутивное оформление судебного заседания [3, С.221].

Психология судебного процесса — это междисциплинарная область, объединяющая психологию, юриспруденцию и криминологию, глубоко изучающая психологические механизмы, направленные на активное взаимодействие участников разбирательств, влияние эмоций и когнитивных процессов на принятие решений. Последовательность всех этапов определяется и выстраивается в логическом направлении согласно Конституции и законам Российской Федерации. Кроме того, каждый этап подчиняется такому критерию, как время, поэтому особенностью любого из этапов следует считать и временные интервалы. [7, С.35].

Само судебное разбирательство является ядром судебного процесса, ведь, как известно, в ходе него исследуются уже имеющиеся доказательства и производится оценка позиции сторон. Данная стадия имеет ярко выраженную психологическую составляющую, поскольку все участники общаются лицом к лицу, что оказывает значительное воздействие на них [4, С.162]. Отметим, что ключевым инструментом в рассматриваемом вопросе будет являться психологическая экспертиза, которая помогает выявить внутренние состояния участников и дать рекомендации по организации судебных процедур. По данным Росстата (2023) около 70 % участников судебных процессов испытывают значительный стресс, что отрицательно сказывается на их способности давать точные показания и, несомненно, воспринимать информацию [3, С. 220]. Как педагог, имеющий некоторый опыт работы, отмечу, что психика несовершеннолетних находится в стадии формирования, делая их более восприимчивыми к стрессам и эмоциональному давлению. Поэтому, следуя считать обязательным, при проведении судебной деятельности учитывать следующие аспекты, которые касаются особенно категории несовершеннолетних: эмоциональную возбудимость; недостаточную зрелость когнитивных процессов; склонность к резким, внезапным, эмоциональным реакциям.

Ключевым фактором является страх перед судом, возможными последствиями, а также давление со стороны

взрослых участников процесса. Исследования показывают, что более 60 % несовершеннолетних свидетелей испытывают сильное тревожное состояние, что влияет на качество их показаний и восприятие ситуации [1, С. 184]. С целью избегания подобных ситуаций, считаю объективным внедрение в судебный процесс различных видов психологической поддержки и индивидуалистических методов работы с категорией несовершеннолетних. Это можно достичь через использование специальных техник допроса, таких как методики снижения тревожности, кроме того, необходимо создавать безопасную и располагающую атмосферу в зале суда путём привлечения профессиональных психологов для работы с детьми, и, конечно же, важно с точки зрения знаний и понимания качественно подготовить несовершеннолетних к судебным процедурам через информационные и психологические консультации.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что для эффективной работы с несовершеннолетними участниками судебного процесса необходимо учитывать их психологические особенности и страхи, а также внедрять специальные методы поддержки.

Эти меры способствуют снижению уровня стресса, повышению качества показаний и обеспечению правовой защиты несовершеннолетних. Несмотря на существующие нормативные акты, принятые в России, в практике является ряд системных особо острых проблем. Считаю, что именно это ограничивает многие возможности снижения общего психологического давления и повышения объективности [2, С.56]. Федеральная судебная служба по данным за последние семь лет отмечает, что около 45 % судебных ошибок связаны с неправильной интерпретацией показаний несовершеннолетних, что подчеркивает необходимость улучшения методов работы с этой категорией участников [5, С.174].

На основе проделанного анализа необходимо реализовать следующие меры: внедрение обязательных программ обучения судей, адвокатов и психологов по вопросам работы с детьми; разработка специальных методик допроса и психологической поддержки, адаптированных под особые возрастные особенности; использование актуальных современных технологий; внедрение видеозаписи допросов для снижения риска давления и повышения объективности и т. д. [6, С.103]. Таким образом, участие несовершеннолетних в судебных разбирательствах требует особого подхода, основанного на знании их психологических особенностей и соблюдении правовых гарантий.

Литература:

1. Ахметзянова, Э. Р. Создание судом условий по равенству прав сторон на стадии судебного разбирательства // Евразийское научное объединение. 2023. № 4–3 (50). С. 183–185.
2. Большаков Е. В., Назаров И. Д. Этические аспекты правосудия (философско-правовое исследование): Монография. Иваново: Ивановский издательский дом, 2024. 172 с.
3. Ильина, О.Ю., Туманова, Л.В. (2023). Правовые и психологические аспекты справедливости судебной деятельности. Психология и право, 13(4), С. 216–226.

4. Психология оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. 391 с.
5. Цветков Ю. А. Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 383 с.
6. Шавырина А. А. Психологические эксперименты. Реальные истории. М.: АСТ, 2023. 320 с.
7. Шапочанский В. Н., Еремеев С. Г. Психологические основы судебной деятельности // Юридические исследования. — 2024. — № 10. С.31–38.

Правовой статус уполномоченных по правам ребёнка в зарубежных странах

Витвицкая Алёна Андреевна, студент магистратуры
Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

В статье исследуется правовой статус уполномоченных по правам ребёнка в зарубежных странах. В глобальном контексте следует отметить, что права ребёнка являются универсальными и не зависят от национальности, расы, религии или социального статуса. Исследование особенностей правового статуса уполномоченных по правам ребёнка в разных странах позволяет выявить лучшие практики и найти оптимальные решения для защиты прав детей в глобальном масштабе. Таким образом, изучение правового статуса уполномоченных по правам ребёнка в зарубежных странах является актуальным как с точки зрения глобальных тенденций, так и с точки зрения российской специфики и способствует решению важной социальной проблемы защиты прав детей.

Ключевые слова: право, правовой статус ребёнка, защита прав, уполномоченный по правам ребёнка.

Legal Status of Child Rights Ombudspersons in Foreign Countries

The article examines the legal status of children's rights commissioners in foreign countries. In a global context, it should be noted that children's rights are universal and do not depend on nationality, race, religion or social status. A study of the specifics of the legal status of children's rights commissioners in different countries allows us to identify best practices and find optimal solutions for protecting children's rights on a global scale. Thus, studying the legal status of children's rights commissioners in foreign countries is relevant both from the point of view of global trends and from the point of view of Russian specifics and contributes to solving an important social problem of protecting children's rights

Keywords: law, legal status of a child, protection of rights, and the Commissioner for Children's Rights.

Институт уполномоченного по правам ребёнка в зарубежных странах может быть организован по-разному, что влияет на его полномочия и эффективность. Выделяется несколько форм: уполномоченный является самостоятельным органом, не входящим в структуру исполнительной или законодательной власти. Он обладает широкой автономией и подотчетен парламенту или другому независимому органу (например, в Швеции, Великобритании, Франции); уполномоченный является частью правительства или парламента, что может ограничивать его независимость, но обеспечивает близкое взаимодействие с решающими органами; уполномоченный не обладает исполнительными полномочиями, но имеет право давать рекомендации и участвовать в консультациях по вопросам защиты прав ребёнка; Независимо от формы организации, уполномоченные по правам ребёнка обладают рядом ключевых полномочий, направленных на защиту прав детей [3, с. 7].

Чтобы обеспечить независимость и эффективность деятельности уполномоченного по правам ребёнка, необходимо предоставить ему некоторые юридические га-

рантии: независимость от исполнительной и законодательной власти; финансовая независимость; юридические гарантии защиты от вмешательства в его деятельность; право на доступ к информации [1, с. 145]. Правовой статус уполномоченных по правам ребёнка в зарубежных странах значительно различается, но в целом отражает важность и необходимость обеспечения эффективной защиты прав детей. Независимость, широкие полномочия и взаимодействие с разными органами позволяют уполномоченным эффективно защищать интересы детей и способствовать их благополучию. В Швеции институт уполномоченного по правам ребёнка является независимым органом, назначаемым парламентом на шестилетний срок. Уполномоченный обладает широкими полномочиями, а именно: оценивает ситуацию с правами детей в стране, анализируя законодательство, политику и практику; проводит расследования по фактам нарушения прав детей, включая обращения от граждан, общественных организаций и государственных органов; разрабатывает рекомендации для правительства, парламента, судов и других

органов по улучшению законодательства и практики в отношении детей; в некоторых случаях уполномоченный может обратиться в суд для защиты прав ребёнка. Уполномоченный по правам ребёнка в Швеции обладает широкой автономией и независимостью, что гарантирует его эффективность в защите прав детей [4, с. 136].

В Великобритании уполномоченный по правам ребёнка является независимым органом, назначаемым правительством на четырехлетний срок. Уполномоченный обладает следующими полномочиями: следит за выполнением законодательства о правах ребёнка и разрабатывает рекомендации по его совершенствованию; выступает в качестве представителя интересов детей в правительстве, парламенте и других органах; проводит расследования по фактам нарушения прав ребёнка и публикует отчеты о результатах; проводит информационные кампании о правах ребёнка и способствует повышению осведомленности общественности [2, с. 87].

Уполномоченный по правам ребёнка в Великобритании имеет широкие полномочия по защите прав детей и активно участвует в процессах принятия решений в отношении детей.

Во Франции уполномоченный по правам ребёнка является независимым органом, назначаемым президентом республики на шестилетний срок. Он обладает следующими полномочиями: следит за выполнением законодательства о правах ребёнка и разрабатывает рекомендации по его совершенствованию; представляет интересы детей в судебных процессах и других инстанциях; проводит расследования по фактам нарушения прав ребёнка и публикует отчеты о результатах; сотрудничает с государственными органами, общественными организациями и международными организациями.

Уполномоченный по правам ребёнка во Франции имеет широкие полномочия и активно участвует в защите

прав детей и развитии законодательства в этой сфере [5, с. 110].

В Германии уполномоченный по правам ребёнка является независимым органом, назначаемым Бундестагом на пять лет. Уполномоченный обладает следующими полномочиями: следит за выполнением законодательства о правах ребёнка и разрабатывает рекомендации по его совершенствованию; предоставляет консультации правительству, парламенту и другим органам по вопросам защиты прав ребёнка; проводит информационные кампании о правах ребёнка и способствует повышению осведомленности общественности по этой теме. Уполномоченный по правам ребёнка в Германии имеет консультативный статус и оказывает влияние на развитие политики в отношении детей через рекомендации и консультации государственных органов.

В большинстве европейских стран уполномоченные по правам ребёнка обладают независимым статусом и широкими полномочиями по защите прав детей. Уполномоченные в Европе играют важную роль в формировании политики в отношении детей, разрабатывая рекомендации и участвуя в консультациях с государственными органами. Кроме того, они используют разнообразные механизмы для защиты прав детей, включая мониторинг, расследования, юридическую защиту, информирование общественности [3, с. 9].

Таким образом, опыт европейских стран показывает, что институт уполномоченного по правам ребёнка является эффективным механизмом защиты прав детей. Независимость, широкие полномочия и активное участие в политическом процессе позволяют уполномоченным эффективно защищать интересы детей и способствовать их благополучию. Опыт европейских стран может служить важным ресурсом для развития института уполномоченного по правам ребёнка в России.

Литература:

1. Международное право в документах: учеб. пособие. Сост.: Н. Т. Блатова, Г. М. Мельков, 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 2003. — С.139–148.
2. Права ребёнка: Международные стандарты и практика / Под ред. Е. И. Азаровой. — М.: Юрист, 2010. — 298 с.
3. Ржевская Л. В. Институт уполномоченного по правам ребенка: опыт России и зарубежных стран / Л. В. Ржевская. — Текст: электронный — URL: https://www.nbchr.ru/virt_pravo/pdf/20Ржевская %20Л.pdf (дата обращения: 30.05.2026).
4. Федорова О. В. Краткая характеристика деятельности уполномоченных по правам ребенка в некоторых зарубежных странах // Известия Байкальского государственного университета. — 2013. — №. 6. — С. 133–137.
5. Гаршина А. А., Дерявко А. А. Правовой статус уполномоченного по правам ребенка // Вестник магистратуры. — 2023. — № 2. — С. 110–111.

Актуальные проблемы и перспективы муниципально-правового регулирования общественных отношений

Вишнякова Алина Игоревна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматриваются актуальные проблемы муниципально-правового регулирования общественных отношений. Особое внимание уделено соотношению местного самоуправления и единой системы публичной власти. Раскрываются вопросы разграничения полномочий, финансового обеспечения и участия населения в решении местных вопросов. Сделан вывод о необходимости сохранения самостоятельности муниципального уровня при усилении согласованности публичного управления.

Ключевые слова: муниципально-правовое регулирование, местное самоуправление, единая система публичной власти, общественные отношения, муниципальные полномочия.

Муниципально-правовое регулирование общественных отношений является ярким примером проявления взаимодействия частноправовых (диспозитивных) и публично-правовых (императивных) способов правового регулирования. Диспозитивное, децентрализованное регулирование прежде всего подходит для упорядочения рыночных отношений, которые настолько динамичны, что правовая мысль не успевает за ними, и порой целесообразнее предоставить сторонам возможность самим установить режим правоотношения вместо того чтобы запускать в этих целях громоздкий и медлительный законотворческий процесс.

Вместе с тем необходимо отметить ограниченность договорного регулирования отношений, возникающих в сфере местного самоуправления, поскольку в муниципальном праве подавляющее большинство норм носит обязывающий характер. Отсюда можно говорить о специфическом сочетании публично-правовых и частноправовых режимов в сфере муниципально-правового регулирования. Ввиду многообразия и многочисленности видов муниципально-правовых режимов невозможно и, более того, нецелесообразно давать исчерпывающую характеристику каждому из них. Однако можно составить более полное представление о сочетании публично-правовых и частноправовых режимов в рамках муниципально-правового регулирования общественных отношений, если разделить их на виды по различным основаниям.

Первая актуальная проблема связана с определением самой природы муниципально-правового регулирования. В классическом понимании муниципальное право охватывает отношения, возникающие при организации местного самоуправления, формировании органов муниципальной власти, решении вопросов местного значения и участии населения в управлении территорией. Однако современная модель уже не ограничивается только местными вопросами. Муниципалитеты оказываются включены в реализацию государственных программ, национальных проектов, контрольных процедур, цифровых

сервисов и комплексных территориальных преобразований. П. Л. Килинкарров при анализе соотношения муниципального и государственного управления подчёркивает, что в условиях единой системы публичной власти прежнее противопоставление этих уровней становится недостаточным, поскольку муниципальное управление всё чаще действует не изолированно, а во взаимодействии с государственными механизмами [9].

В этой связи Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» стал не просто очередным актом о местном самоуправлении, а попыткой перестроить саму модель муниципального регулирования [2]. Закон закрепил местное самоуправление в единой системе публичной власти и задал переход к новой территориальной и компетенционной конструкции. И. Е. Кабанова, Е. В. Кискин, М. А. Клишина указывают, что данный закон подготовлен в развитие конституционных положений о единой системе публичной власти и направлен на совершенствование организации местного самоуправления [8].

Наиболее острым выглядит вопрос самостоятельности местного самоуправления. Конституция Российской Федерации закрепляет право населения самостоятельно решать вопросы местного значения, владеть, пользоваться и распоряжаться муниципальной собственностью, а также гарантирует судебную защиту местного самоуправления [1]. Но в реальной практике самостоятельность часто ограничивается финансовой зависимостью, передачей полномочий без достаточного ресурсного обеспечения и расширением контроля со стороны регионального уровня. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» усилил общую рамку единой публичной власти в субъектах РФ [3], а Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» развил эту логику применительно к муниципальному уровню. Проблема заключа-

ется не в самой координации. Единая система публичной власти объективно нужна для согласованного развития территории. Сложность возникает тогда, когда координация превращается в подчинение, а местное самоуправление фактически теряет возможность выбирать способы решения вопросов, которые формально остаются местными. О. А. Кожевников справедливо обращает внимание на дискуссионность включения местного самоуправления в единую систему публичной власти [10].

Второй крупный блок проблем связан с компетенцией муниципальных образований. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» долгое время строился вокруг вопросов местного значения, которые распределялись между поселениями, муниципальными районами, городскими округами и иными видами муниципальных образований [4]. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» усиливает тенденцию к одноуровневой модели и меняет подход к территориальной организации. Проблема компетенции тесно связана с финансами. Муниципалитет может иметь формальное полномочие, но не иметь достаточных доходов, кадров и инфраструктуры для его полноценного исполнения. В итоге правовое регулирование начинает расходиться с управленческой реальностью. Например, на муниципальный уровень могут возлагаться обязанности по благоустройству, содержанию территорий, ликвидации несанкционированных свалок, обеспечению доступности услуг, но собственная доходная база местного бюджета не позволяет выполнить эти задачи без поддержки региона.

Судебная практика подтверждает, что вопрос о пределах муниципальных обязанностей остаётся не теоретическим, а вполне практическим. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П рассматривалась ситуация, связанная с возложением на муниципальные образования расходов по ликвидации мест несанкционированного размещения твёрдых коммунальных отходов. Суд пришёл к выводу, что нельзя автоматически перекладывать финансовое бремя на муниципалитет, когда проблема возникла не как результат его собственной деятельности и когда законодательство не обеспечивает ясный механизм компенсации [5]. Схожая логика прослеживается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18.05.2026 № 33-П по жалобе администрации городского округа «Город Калининград» [6]. В нём снова затронут вопрос обязанностей органов местного самоуправления в сфере обращения с отходами, но уже в контексте очистки территорий, связанных с водными объектами. Суд фактически подтвердил, что муниципалитеты не могут рассматриваться как универсальный исполнитель любых публичных задач только потому, что проблема обнаружена на их территории.

Третья проблема выражается в неустойчивости муниципального нормотворчества. Муниципальные правовые

акты регулируют огромный массив локальных отношений, включая правила благоустройства, порядок проведения публичных слушаний, управление имуществом, размещение объектов, местные программы, административные регламенты. При этом качество таких актов часто неодинаково. В крупных городах есть юридические управления, цифровые базы, специалисты по антикоррупционной экспертизе и правовому мониторингу. В малых муниципальных образованиях подготовкой актов иногда занимается крайне ограниченный аппарат. Отсюда возникают коллизии, устаревшие нормы, противоречия федеральному и региональному законодательству, неточные формулировки полномочий.

Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2022 № 48-П хорошо показывает пределы муниципального самоконтроля [7]. Дело касалось применения части 1 статьи 48 Федерального закона № 131-ФЗ и возможности отмены муниципального правового акта, связанного с вводом индивидуального жилого дома в эксплуатацию. Конституционный Суд признал норму не противоречащей Конституции, но указал, что она не предполагает самостоятельной отмены органом местного самоуправления разрешения на ввод объекта индивидуального жилищного строительства после регистрации права собственности в ЕГРН. Е. С. Шугрина, анализируя исполнение решений Конституционного Суда РФ по делам, связанным с местным самоуправлением, подчёркивает особую сложность такого исполнения. Решение суда в муниципальной сфере часто требует не одного действия, а перестройки целой цепочки регулирования [11]. Нужно изменить закон, привести в соответствие муниципальные акты, пересмотреть правоприменительную практику, а иногда ещё и найти финансовый механизм.

Перспективы муниципально-правового регулирования во многом зависят от того, насколько новая модель сумеет соединить управляемость и местную самостоятельность. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» создаёт основу для унификации, но унификация не должна уничтожать территориальное разнообразие. Муниципальные акты должны не только приниматься, но и регулярно проверяться на актуальность, исполнимость и соответствие потребностям жителей. Сейчас правовой мониторинг чаще воспринимается как техническая работа по устранению противоречий. На деле он может стать механизмом оценки качества регулирования.

Таким образом, актуальные проблемы муниципально-правового регулирования сводятся к нескольким ключевым противоречиям. Самостоятельность местного самоуправления сталкивается с включением в единую систему публичной власти. Широкий круг полномочий не всегда обеспечен финансами. Формы участия населения есть в законе, но не всегда дают реальное влияние. Муниципальное нормотворчество охватывает значимые жизненные вопросы, но часто страдает от неравного качества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 04.08.2014. — № 31. — ст. 4398.
2. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. — 24.03.2025. — № 12. — ст. 1200.
3. Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 27.12.2021. — № 52. — ст. 8973.
4. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 06.10.2003. — № 40. — ст. 3822.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 N 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации”, пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и иных положений законодательства» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448265/ (дата обращения: 25.05.2026).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2026 N 33-П «По делу о проверке конституционности пунктов 11, 20, 24 и 25 части 1 статьи 16 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона “Об отходах производства и потребления” в связи с жалобой администрации городского округа “Город Калининград”» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_534379/ (дата обращения: 25.05.2026).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2022 N 48-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого части 1 статьи 48 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобой граждан Ю. А. Плахтеевой, А. Ю. Савушкиной и А. Ю. Яковлевой» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430931/ (дата обращения: 25.05.2026).
8. Кабанова И. Е., Кискин Е. В., Клишина М. А. и др. Новое законодательство о местном самоуправлении: инструкция по применению. — Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2025. — 200 с.
9. Килинкаров П. Л. К вопросу о соотношении понятий «муниципальное управление» и «государственное управление» в системе единой публичной власти // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 6. — С. 42–46.
10. Кожевников О. А. Местное самоуправление и единая система публичной власти: приглашение к дискуссии // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. — 2024. — № 3. — С. 4–9.
11. Шутрина Е. С. Особенности исполнения решений Конституционного Суда РФ по делам, связанным с местным самоуправлением // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2023. — № 5. — С. 54–71.

Проблемы идентификации сторон при заключении гражданско-правовых сделок в электронной форме

Власова Регина Александровна, студент

Научный руководитель: Кобичева Александра Максимовна, доктор экономических наук, доцент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

В статье исследуются правовые проблемы идентификации субъектов гражданского оборота при заключении сделок в электронной форме. Анализируются действующее законодательство РФ, доктринальные подходы и судебная практика в части установления волеизъявления конкретного лица в цифровой среде. Особое внимание уделяется рискам, связанным с применением простой электронной подписи, конклюдентными действиями в сети и мессенджер-коммуникацией. По итогам исследования формулируются предложения по совершенствованию гражданского законодательства.

Ключевые слова: электронная сделка, идентификация сторон, электронная подпись, волеизъявление, конклюдентные действия, аутентификация, цифровой оборот, простая электронная подпись.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий обусловило качественное преобразование гражданского оборота: цифровая среда из вспомогательного инструмента превратилась в самостоя-

тельное пространство, в котором участники оборота систематически совершают юридически значимые действия. Электронная торговля является лишь наиболее очевидным проявлением данной тенденции — по итогам

2024 года российский рынок e-commerce демонстрирует устойчивый рост, что неизбежно влечёт за собой увеличение числа споров, в центре которых находится вопрос о самом факте заключения сделки и надлежащей идентификации её участников.

Вместе с тем доктрина и практика всё настойчивее описывают электронные сделки не через аналогию с традиционной письменной формой, а через специфические признаки цифровой фиксации воли. В числе ключевых называются: способность содержания к точному воспроизведению в неизменном виде и возможность надёжного установления личности субъекта, выразившего волеизъявление. Именно второй элемент — идентификация — образует центральную научную и практическую проблему, которой посвящена настоящая статья.

В целях настоящего исследования под электронной сделкой предлагается понимать правомерное волевое действие участника гражданского оборота, выраженное с использованием электронных или иных технических средств, при котором содержание волеизъявления сохраняет возможность воспроизведения в неизменном виде, а личность выражающего волю устанавливается надлежащим способом, позволяющим связать цифровой документ или сообщение с конкретным субъектом и признать возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Обновлённая редакция статьи 160 ГК РФ имеет принципиальное значение для настоящего исследования, поскольку она прямо формулирует два условия признания электронного документа равнозначным письменному: содержание документа должно допускать точное воспроизведение, а лицо, выразившее волю, — поддаваться идентификации. Первое условие обеспечивает сохранность и доступность информации как таковой. Второе затрагивает самого субъекта и является определяющим с точки зрения действительности сделки: без надёжного установления личности невозможно утверждать, что юридически значимое намерение действительно исходило от конкретного участника оборота.

Идентификация в данном контексте не может рассматриваться исключительно как техническая процедура распознавания пользователя информационной системой. Речь идёт о юридически значимом процессе, от которого зависит действительность заключённого соглашения и возможность возложения соответствующих правовых последствий на конкретное лицо. При отсутствии физического контакта сторон, характерного для традиционных способов заключения сделок, именно инструменты идентификации и аутентификации выполняют функцию установления правовой связи между цифровым действием и его автором.

Аутентификация, в свою очередь, выполняет иную, но тесно связанную функцию: она позволяет верифицировать достоверность представленных сведений об идентичности субъекта и снизить риск вмешательства третьих лиц в процесс заключения договора. Совокупность идентификации и аутентификации образует нормативный

фундамент электронной формы сделки, без которого она утрачивает правовую надёжность. Принципиальным является и то, что сложность персональной идентификации в анонимной сетевой среде негативно влияет на распространение электронного договора: пользователь сети способен осуществлять деятельность из любой точки мира под псевдонимом или с использованием реквизитов, не связанных с его реальной личностью.

Основная сложность состоит в том, что ГК РФ не содержит единого стандарта идентификации применительно к конклюдентным действиям, совершаемым на цифровых платформах. Использование технологии «click-wrap» зачастую носит сугубо формальный характер: потребитель лишён реальной возможности ознакомиться с полным текстом условий, а предприниматель не может с необходимой степенью достоверности идентифицировать личность пользователя. В результате возникает разрыв между юридической фикцией состоявшегося волеизъявления и его фактическим содержанием.

Особую проблему представляют ситуации, когда юридически значимое действие в цифровой среде совершено не самим пользователем, а третьим лицом с использованием его учётных данных. Электронный формат ускоряет оборот, однако одновременно облегчает злоупотребления посредством подмены личности. При этом бремя доказывания реального волеизъявления смещается на профессионального участника рынка, который обязан объяснить, каким способом он верифицировал клиента и почему считал связь номера телефона, банковской карты и конкретного лица достоверной. Технологический прогресс в части способов заключения сделок на текущем этапе очевидно опережает развитие процессуальных механизмов установления авторства соответствующих действий.

В цифровом контексте возникает дополнительный вопрос о том, каким образом электронная сделка нотариально удостоверяется или проходит государственную регистрацию, поскольку даже при формальном приравнивании электронного документа к письменному механизм оформления таких документов не совпадает с традиционным бумажным. Отдельной процессуальной проблемой остаётся попытка участников оборота подменить требования к форме сделки иными доказательствами — в частности, аудио- и видеозаписями переговоров. Судебная практика занимает здесь однозначную позицию: использование аудио- и видеозаписей в процессе согласования условий не свидетельствует о соблюдении простой письменной формы. Данная позиция проводит чёткую границу между доказательством факта коммуникации и юридически значимой фиксацией содержания соглашения.

Обобщая судебную практику, можно выделить четыре основных узла проблем при признании действительности электронных сделок.

Первый и наиболее острый узел — идентификация и реальность волеизъявления, особенно в ситуациях мошенничества и подмены личности. Признание договора займа недействительным ввиду отсутствия воли истца

и неподтверждённой привязки используемых реквизитов к его личности (дело № 2–5735/2025) наглядно демонстрирует, насколько уязвимы дистанционные каналы заключения сделок.

Второй узел — согласованный сторонами режим электронного документооборота и корректность процедур проверки подписи. Как следует из позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, сформулированной применительно к делу № А60–24911/2013 (Определение ВАС РФ № ВАС–8833/14), действительность электронного документа зависит от совокупности условий: наличия соглашения об обмене электронными документами, корректности ключа, результатов проверки подписи и наличия связи подписи с сертификатом конкретного владельца.

Третий узел — стандарты доказывания при оценке электронных документов судом. Практика демонстрирует, что суд, как правило, не ограничивается формальной проверкой наличия цифрового атрибута, а исследует более широкий круг обстоятельств: выражалась ли воля именно данным лицом; возможно ли восстановление содержания договорённости без искажений; кто несёт риск компрометации электронных средств; насколько надёжно выстроена цепочка доказательств от идентификации стороны до подтверждения получения юридически значимых сообщений.

Четвёртый узел — специальные требования к форме и процедуре, которые электронный формат не отменяет. Риск недействительности многократно возрастает при попытке подменить императивный «единый документ» обменом электронными файлами.

На основании проведённого анализа представляется необходимым внесение ряда изменений в действующее гражданское законодательство Российской Федерации.

Во-первых, назрела потребность в уточнении положений статьи 160 ГК РФ в части установления минимальных правовых стандартов для способов идентификации сторон при совершении электронных сделок. В частности, предлагается законодательно закрепить презумпцию авторства волеизъявления при использовании двухфакторной аутентификации. Введение данной презумпции позволит снизить число споров, в которых недобросовестные участники оборота оспаривают сделку, ссылаясь на технический сбой или несанкционированный доступ третьих лиц к их учётным записям.

Во-вторых, обоснованным представляется законодательное закрепление возможности интеграции коммерческих торговых площадок и мессенджеров с Единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА). Предоставление участникам оборота права совершать юридически значимые действия через подтверждённые профили государственного портала обеспечит высокую степень достоверности данных о субъектах и существенно минимизирует риски мошенничества в цифровой среде.

В-третьих, в целях повышения прозрачности электронного оборота целесообразно разработать и внедрить типовые «цифровые оговорки» для гражданско-правовых договоров. Соответствующие условия должны содержать исчерпывающий перечень адресов электронной почты, телефонных номеров и учётных записей, признаваемых сторонами официальными каналами коммуникации, а также порядок верификации изменений в указанных реквизитах. Введение таких стандартизированных условий обеспечит большую предсказуемость правоприменения и снизит транзакционные издержки для добросовестных участников оборота.

Подводя итог, можно констатировать следующее. Судебная практика свидетельствует о том, что электронная сделка признаётся действительной тогда, когда возможно восстановить содержание волеизъявления и достоверно связать его с конкретным субъектом; сбои же почти всегда возникают в зоне идентификации, доставки юридически значимых сообщений и доказательственной чистоты цифровых следов.

Квалифицированная электронная подпись обеспечивает наиболее высокий уровень правовой защищённости, тогда как использование простой электронной подписи и неформализованных каналов коммуникации создаёт риски, главным среди которых является невозможность надлежащей аутентификации субъекта. Разнородность судебных подходов к оценке цифровых доказательств отражает в данном случае не судебное усмотрение само по себе, а объективное отставание нормативной базы от уровня технологического развития. Переход от формального признания электронных документов к созданию защищённой доверенной среды идентификации представляет собой главный вектор развития российского гражданского права на ближайшие годы.

Литература:

1. Гладкова С. Б. Трансформации законодательства в области заключения сделок в электронной форме / С. Б. Гладкова, Д. Е. Дробов, Е. С. Смирнова // Закон и право. — 2020. — № 5. — С. 85–89.
2. Доброхотова А. В. Проблемы гражданско-правового регулирования электронных сделок / А. В. Доброхотова // Молодой ученый. — 2021. — № 10 (300). — С. 32–34
3. Об электронной подписи Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 15. — ст. 2036.
4. Адаменко А. П., Пискунова Н. А. Электронная форма сделки: проблемы теории и практики // Юридическая наука. — 2023. — № 8. — С.22–28.
5. Викторов Н. А. Понятие электронной формы сделки / Н. А. Викторова //Символ науки. — 2023. — № 7–1. — С.11–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-elektronnoy-formy-sdelki> (дата обращения: 24.02.2026).

Проблема определения правосубъектности искусственного интеллекта в авторском праве

Гагишвили Этери Дмитриевна, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

В статье автор исследует проблему определения правосубъектности искусственного интеллекта в авторском праве РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, произведение.

Стремительное развитие нейросетевых технологий ставит перед юридической наукой фундаментальные вопросы. Алгоритмы генерируют тексты, пишут программный код и создают визуальные произведения. Результаты работы автономных систем визуально и структурно неотличимы от плодов человеческого труда. Данный факт провоцирует острую дискуссию о правовом статусе генерирующих систем. Традиционная парадигма права интеллектуальной собственности сталкивается с нетипичным явлением. Возникает проблема определения правового режима результатов работы компьютерных программ.

Главным вопросом современной цивилистики становится возможность признания программного обеспечения субъектом права. Правовая доктрина не имеет единого мнения по данному вопросу. Законодательство Российской Федерации также не содержит специальных норм для подобных объектов. Отсутствие правового регулирования порождает колоссальные риски для гражданского оборота. Практика применения норм об авторском праве нуждается в прочном теоретическом обосновании. Настоящая статья посвящена системному анализу существующих концепций правосубъектности автономных систем. Основная цель исследования состоит в аргументированном обосновании невозможности наделения алгоритмов статусом автора.

Теоретические исследования предлагают различные модели квалификации правового статуса обучаемых алгоритмов. Научная мысль к настоящему моменту сформировала три основных доктринальных подхода. Первый подход предполагает полное признание автономных систем новыми субъектами права. Сторонники данной концепции предлагают ввести категорию электронного лица. Ярким представителем этого направления выступает П. М. Морхат. Ученый обосновывает необходимость наделения сложных алгоритмов усеченной правосубъектностью [1]. Автор детально указывает на автономность работы систем и непредсказуемость конечного результата для изначального программиста. По мнению исследователя, отсутствие прямого контроля человека над процессом генерации полностью исключает возможность признания человека истинным автором. Схожую позицию развивает О. А. Ястребов. Он предлагает рассматривать самообучающиеся системы как особый вид нефизических лиц [2]. Сторонники радикального подхода

постоянно апеллируют к историческому опыту появления юридических лиц.

Второй подход базируется на классической инструментальной теории. А. И. Савельев категорично отрицает возможность признания программы самостоятельным субъектом права [3]. Ученый сравнивает нейросеть со сложным техническим устройством, так как фотоаппарат или кисть художника никогда не становятся соавторами произведения. Степень технической сложности инструмента не меняет его базовой правовой природы. Программа остается лишь результатом интеллектуальной деятельности первоначального разработчика.

Сторонником инструментальной теории также является Э. П. Гаврилов [4]. В своих исследованиях автор подчеркивает принципиальное отсутствие у алгоритмов воли и сознания. Правоотношения могут возникать исключительно между субъектами, обладающими реальной правоспособностью. Инструментальный подход предлагает распределять имущественные права между разработчиком и конечным пользователем программы на основе договорных конструкций.

Компромиссную концепцию представляет собой третий подход. Он является компиляцией первых двух. Отдельные ученые предлагают рассматривать нейросети как квазисубъекты или электронных агентов. Данный подход не приравнивает компьютерную программу к живому человеку. Концепция электронного агента служит лишь гибким средством распределения гражданско-правовой ответственности. Алгоритм выступает виртуальным представителем интересов разработчика или владельца аппаратных мощностей. Е. А. Войниканис отмечает несомненную перспективность гибридных моделей для целей патентного права [5]. Распространение компромиссного подхода на сферу авторского права неизбежно вызывает терминологическую путаницу. Размывание четких границ между субъектом и объектом разрушает стройность всего гражданского законодательства.

Глубокий анализ представленных подходов требует детального обращения к действующему законодательству. Позиция о возможности признания алгоритма полноправным автором совершенно не выдерживает критики при прямом столкновении с нормами российского права. Первый нормативный аргумент жестко базируется на положениях статьи 1228 Гражданского кодекса

Российской Федерации [6]. Закон предельно императивно устанавливает правовой статус автора. Автором признается гражданин, творческим трудом которого создано конкретное произведение. Законодатель осознанно использует термин гражданин. Использование данного термина прямо указывает на физическое лицо. Правоспособность физического лица возникает строго в момент рождения и прекращается исключительно смертью. Программный код физически не рождается и не обладает какой-либо биологической природой. Расширительное толкование термина гражданин абсолютно недопустимо в контексте континентальной правовой семьи. Лица, оказавшие лишь техническое или организационное содействие, по закону не признаются соавторами. Машинное обучение и последующая генерация контента являются исключительно сложным техническим процессом. Результат работы любой программы изначально лишен важнейшего признака человеческого творческого труда.

Второй нормативный аргумент тесно связан с фундаментальным институтом личных неимущественных прав. Статус авторства неразрывно связан с правом на имя, правом на неприкосновенность произведения и правом на обнародование. Личные неимущественные права строго неотчуждаемы. Указанные права охраняют личность самого творца от посягательств третьих лиц. Алгоритм концептуально не имеет личности. Нейросеть физически не способна испытывать моральные страдания от несанкционированного искажения сгенерированного изображения. Программа не осознает социальной ценности своего имени или репутации. Наделение программного обеспечения личными неимущественными правами является примером правового абсурда. Традиционный механизм защиты чести и достоинства автора совершенно неприменим к математическим моделям расчета вероятностей.

Третий нормативный аргумент напрямую затрагивает базовый институт юридической ответственности. Любой субъект права обязан обладать полноценной деликтоспособностью. Законный автор всегда несет ответственность за возможное нарушение прав третьих лиц. Процесс генерации текста нейросетью часто содержит элементы плагиата и тогда возникает логичный вопрос о возмещении причиненных убытков. Компьютерная программа не имеет обособленного имущества для удовлетворения требований кредиторов. Нейросеть технически невозможно привлечь к имущественной ответственности. Концепция электронного лица никак не решает острую проблему возмещения реального вреда. Сторонники радикального подхода пытаются обойти это препятствие и предлагают создавать специальные страховые фонды. Подобные искусственные конструкции неоправданно усложняют гражданский оборот и создают лишние издержки для экономики. Ответственность всегда должен нести реальный человек. Владелец, разработчик или конечный пользователь системы ре-

гулярно извлекает прямую выгоду из ее работы. Бремя всех негативных последствий должно лежать исключительно на конечном выгодоприобретателе по принципу справедливости.

Понятие творчества традиционно является ключевым критерием для авторского права. Теоретическая доктрина определяет творчество как осознанную целенаправленную созидательную деятельность человека. Творческий процесс неразрывно связан с интеллектом, свободной волей и богатым эмоциональным опытом субъекта. И. А. Близнец справедливо подчеркивает глубоко субъективный характер истинного творчества [7]. Настоящий творец всегда вкладывает в создаваемое произведение частицу своей неповторимой личности. Компьютерный алгоритм лишь статистически комбинирует загруженные данные на основе заданных весов. Нейросеть совершенно не понимает смыслового значения генерируемого текста. Машинная генерация является лишь итогом сложных математических вычислений, а не результатом душевного порыва. Внешнее визуальное сходство результата работы программы с картиной настоящего художника не делает программу художником. Техническая имитация творчества никогда не тождественна настоящему творчеству.

Особого внимания цивилистов заслуживает вопрос практического распределения исключительных прав на сгенерированные цифровые объекты. Прямое отрицание правосубъектности алгоритма само по себе не решает проблему принадлежности имущественных прав. Современная доктрина предлагает считать полноправным автором того пользователя, который задает изначальные параметры генерации посредством текстовых команд. Высокой значимостью обладает сам интеллектуальный вклад пользователя при формировании первоначального запроса. Детально проработанный текстовый запрос часто отражает настоящий творческий замысел живого человека. Программа в данной парадигме выполняет лишь рутинную роль технического исполнителя человеческого замысла.

Другая часть российских исследователей предлагает признавать любые результаты работы нейросетей не охраняемым общественным достоянием. Отсутствие реальной фигуры автора влечет абсолютную невозможность первичного возникновения исключительного права. Данный отказной подход находит широкое отражение в практике некоторых зарубежных правовых порядков. В российской правовой науке этот вопрос пока остается предметом жарких доктринальных дискуссий. Важно отметить главное обстоятельство. Ни одна из жизнеспособных практических юридических моделей не предполагает наделения личными или имущественными правами самой компьютерной программы.

Подведение итогов проведенного исследования позволяет сформулировать предельно однозначную научную позицию. Текущая академическая дискуссия о статусе самообучающихся алгоритмов является зако-

номерным этапом развития юридической мысли. Появление экзотических концепций электронного лица и квазисубъектности отражает первую реакцию правовой доктрины на серьезные технологические вызовы современности. Радикальный и компромиссный подходы, несомненно, обладают определенной теоретической ценностью для развития философии права. Практическое применение данных подходов в действующей консервативной системе гражданского права совершенно невозможно.

Российское авторское право исторически базируется на строгой антропоцентрической модели. Любое правовое творчество признается исключительной прерогативой живого человека. Действующие нормы Гражданского кодекса предельно жестко связывают факт возникновения авторских прав с реальным интеллектуальным трудом гражданина. Признание компьютерной программы самостоятельным субъектом права неизбежно потребует полного разрушения фундаментальных институтов личных неимущественных прав и гражданской ответственности. Любой алгоритм полностью лишен человеческого сознания, свободной воли и базовой деликтоспособности. Компьютерная программа по своей природе не испытывает никакой потребности в общественном при-

знании и экономическом стимулировании со стороны государства.

Инструментальный подход является единственным юридически корректным решением существующей проблемы. Любая автономная система представляет собой лишь невероятно сложный программный комплекс. Этот комплекс всегда выступает объектом гражданских прав и послушным инструментом в руках человека. Признание искусственного интеллекта субъектом авторского права в юрисдикции Российской Федерации категорически невозможно и юридически бессмысленно. Подобная законодательная новелла прямо противоречит фундаментальным базовым принципам гражданского права и элементарному здравому смыслу.

Дальнейшее развитие цифрового права обязано идти по пути совершенствования механизмов защиты прав реальных разработчиков и конечных пользователей. Законодателю не следует идти путем искусственного наделяния бездушных машин человеческими свойствами. Системное толкование норм действующего законодательства подтверждает правильность классического подхода к пониманию авторства. Право должно оставаться исключительно человеческим изобретением для регулирования отношений между людьми.

Литература:

1. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 54.
2. Ястребов О. А. Дискуссия о предпосылках для присвоения правового статуса электронного лица. Вопросы правоведения, 2017, N 1. С. 18.
3. Савельев А. И. Искусственный интеллект как объект права. Вестник гражданского права, 2019, N 6. С. 34.
4. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Норма, 2021. С. 89.
5. Войниканис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. М.: Статут, 2013. С. 150.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Близнец И. А. Авторское право и смежные права. М.: Проспект, 2015. С. 67.

Механизмы контроля добросовестности в крупных акционерных обществах: опыт зарубежных стран и российские реалии

Гердт Эмиль Евгеньевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится комплексный юридический анализ механизмов контроля добросовестности в управлении крупными акционерными обществами. На основе сравнительно-правового метода исследуются нормативное регулирование, судебная практика и корпоративные процедуры, обеспечивающие соблюдение принципа добросовестности (good faith) в России, США, Великобритании и Германии. Особое внимание уделяется фидуциарным обязанностям органов управления, институту ответственности директоров, роли независимых директоров и комитетов, а также инструментам защиты прав миноритарных акционеров. В работе анализируются ключевые законодательные акты, доктринальные подходы и примеры из судебной практики, формулируются выводы о тенденциях развития и предложения по совершенствованию российского законодательства.

Ключевые слова: добросовестность, фидуциарные обязанности, ответственность директоров, совет директоров, корпоративное управление, миноритарные акционеры, злоупотребление правом, Sarbanes-Oxley Act, UK Corporate Governance Code.

Принцип добросовестности является краеугольным камнем современного корпоративного права. В условиях усложнения экономических отношений и роста значимости акционерных обществ как основных субъектов рынка капитала обеспечение добросовестного поведения органов управления становится ключевой задачей законодателя и судебной системы. Эффективность механизмов контроля добросовестности напрямую влияет на стабильность гражданского оборота, защиту прав инвесторов и инвестиционную привлекательность национальной экономики.

В российской правовой доктрине и законодательстве категория добросовестности (*bona fides*) является одной из основополагающих. Согласно п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

В контексте корпоративного управления данный принцип конкретизируется в специальных нормах. Ключевое значение имеет п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, устанавливающий, что лицо, выступающее от имени юридического лица (в том числе член совета директоров), обязано действовать в интересах представляемого им лица добросовестно и разумно. Данная норма носит императивный характер и устанавливает двойной стандарт поведения для лиц, осуществляющих управленческие функции.

Судебная практика, в частности разъяснения Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», детализирует содержание этого принципа. Под недобросовестностью понимаются действия директора:

- при наличии конфликта между его личными интересами и интересами юридического лица;
- при сокрытии информации о совершенной им сделке от участников юридического лица;
- при совершении сделки без требующегося в силу законодательства или устава одобрения;
- при принятии решения с заведомо известной директору невыгодностью для юридического лица.

В странах общего права (*common law*) институт добросовестности реализуется через концепцию фидуциарных обязанностей (*fiduciary duties*). Директор выступает в роли фидуциария (доверенного лица) по отношению к компании и её акционерам.

Ключевыми обязанностями являются:

1. Обязанность лояльности (*Duty of Loyalty*): директор должен действовать исключительно в интересах корпорации, а не в своих собственных или интересах третьих лиц. Это включает запрет на использование корпоративных возможностей, запрет на конкуренцию с компанией и обязанность раскрывать конфликты интересов.

2. Обязанность проявлять должную заботу (*Duty of Care*): директор должен принимать деловые решения на основе информированности, проявляя такую заботу, которую бы проявил обычный благоразумный человек в аналогичной должности.

Нарушение этих обязанностей влечёт за собой право корпорации или её акционеров предъявить иск о возмещении убытков (*derivative suit*). Презюмируется, что директор действовал добросовестно, если он может доказать, что принял бизнес-решение (*business judgment rule*) после разумного изучения информации.

Совет директоров является центральным органом внутреннего контроля. Его эффективность напрямую зависит от структуры и степени независимости его членов.

Зарубежный опыт

– США: Закон Сарбейнса — Оксли (SOX) 2002 г. установил обязательное требование о создании комитета по аудиту, состоящего исключительно из независимых директоров для публичных компаний (согласно правилам SEC).

– Великобритания: UK Corporate Governance Code рекомендует, чтобы большинство членов совета директоров были независимыми неисполнительными директорами.

– Российская практика: Федеральный закон «Об акционерных обществах» (№ 208-ФЗ) устанавливает лишь минимальные требования: независимые директора должны составлять не менее одной четверти состава совета директоров (для обществ с числом акционеров-владельцев голосующих акций более 1000). На практике их влияние часто ограничено доминированием мажоритарного акционера.

Система аудита выполняет функцию верификации финансовой отчётности и эффективности систем внутреннего контроля.

– Внешний аудит: проводится независимой аудиторской организацией. В России его проведение для публичных АО является обязательным (ст. 86 ФЗ «Об АО»). Однако выбор аудитора часто осуществляется по предложению исполнительного органа или мажоритарного акционера, что ставит под сомнение его объективность.

– Внутренний аудит: в отличие от США (SOX, раздел 404), где менеджмент обязан оценивать и подтверждать эффективность системы внутреннего контроля, в России внутренний аудит не является обязательным элементом для всех АО и часто носит формальный характер.

Прозрачность деятельности компании является превентивным механизмом контроля добросовестности.

– США: требования к раскрытию информации максимально детализированы (формы 10-K, 10-Q), включая

обязательное раскрытие информации о сделках с заинтересованностью и вознаграждении топ-менеджмента.

– Россия: система раскрытия информации регулируется Положением Банка России № 714-П. Объём раскрываемых сведений значительно меньше, а доступ к информации для миноритариев может быть огра-

ничен судами при признании их действий недобросовестными (например, при отсутствии «деловой цели» запроса).

Юридический механизм ответственности является главным сдерживающим фактором для недобросовестного поведения.

Таблица 1. Сравнительный анализ

Критерий	Российская Федерация	США / Великобритания
Основание ответственности	Ст. 53.1 ГК РФ (недобросовестность и неразумность)	Нарушение фидуциарных обязанностей (<i>duty of loyalty, duty of care</i>)
Вид ответственности	Возмещение убытков юридическому лицу (ст. 15, 53.1 ГК РФ)	Возмещение убытков корпорации; взыскание неосновательного обогащения; штрафы по SOX
Субъекты иска	Само общество или его участник (акционер) в интересах общества (<i>derivative suit</i>)	Корпорация или акционеры от имени корпорации (<i>derivative suit</i>)
Бремя доказывания	Истец должен доказать недобросовестность/неразумность действий ответчика и наличие убытков	Истец должен доказать факт нарушения фидуциарной обязанности и причинно-следственную связь с убытками
Санкции	Гражданско-правовая ответственность (взыскание убытков)	Гражданско-правовая ответственность; административные штрафы; уголовная ответственность

Эффективность контроля добросовестности во многом определяется возможностью миноритариев защищать свои права.

США: предоставляет акционерам мощные инструменты: право на доступ к широкому спектру документов для проверки деятельности менеджмента, возможность подачи производных исков против директоров за нарушение фидуциарных обязанностей.

Великобритания: акцент смещён на институциональных инвесторов, которые голосуют своими пакетами акций и ведут диалог с менеджментом.

Россия: права миноритариев существенно ограничены. Судебная практика выработала доктрину «злоупотребления правом», позволяющую отказывать акционерам в предоставлении информации, если суд усмотрит отсутствие «разумной деловой цели» в их запросе.

Примеры из судебной практики:

1. Дело ЮКОСа: яркий пример последствий систематического нарушения принципа добросовестности менеджментом и мажоритарными акционерами.

2. Enron (США): скандал привёл к принятию SOX, который кардинально ужесточил требования к аудиту и ответственности руководителей.

3. Volkswagen (Германия): «Дизельгейт» продемонстрировал неэффективность внутреннего комплаенс-контроля.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что российская модель контроля добросовестности в крупных акционерных обществах находится в стадии трансформации и активного заимствования элементов зарубежных систем.

В то время как англо-американская модель делает ставку на жёсткие императивные нормы и развитую судебную защиту прав акционеров, а немецкая — на социальное партнёрство, российская система сохраняет черты переходного периода.

Для повышения эффективности правового регулирования представляется целесообразным:

1. Ужесточить требования к независимости советов директоров (не менее 50 % независимых членов).
2. Внедрить институт обязательной ротации внешних аудиторов.
3. Расширить процессуальные права миноритарных акционеров.
4. Развивать институт комплаенс-контроля как обязательного элемента системы управления рисками.

Адаптация передовых зарубежных практик с учётом национальной специфики позволит создать сбалансированную систему корпоративного управления, способную обеспечить баланс интересов всех участников корпоративных отношений и повысить доверие инвесторов к российскому рынку капитала.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
2. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ.
3. Кодекс корпоративного управления (одобрен Советом директоров Банка России, 2014).
4. Положение Банка России № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» (2020).

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».
6. Sarbanes-Oxley Act of 2002 (USA).
7. UK Corporate Governance Code (2018).
8. Aktiengesetz (AktG) — Закон об акционерных обществах Германии. 8–10
9. Филипенко В. А. Добросовестность в корпоративных отношениях: теория и практика // Injust Journal. 2021.
10. Тягаева Т. О. Сравнительный анализ фидуциарных прав в корпорациях РФ и США // Вестник науки. 2024.
11. Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР // ОЭСР. 2016.
12. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 9 июня 2023 г. N Ф10–2624/2023 по делу N А35–3721/2021.
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 сентября 2023 г. N Ф05–21652/2023 по делу N А40–152831/2022.

Маркетплейсы как субъекты гражданского права: проблемы законодательного регулирования и перспективы развития

Гомбожапова Наталья Будажаповна, студент

Научный руководитель: Налетова Марина Михайловна, старший преподаватель

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье рассматривается гражданско-правовой статус маркетплейсов в условиях отсутствия их легального определения в российском законодательстве. Статья содержит анализ сложившейся правовой неопределённости в квалификации маркетплейсов, которые формально считаются информационными посредниками, но фактически выполняют функции, далеко выходящие за эти рамки. На основе изучения доктринальных источников, законодательства и судебной практики, выявляются ключевые проблемы: размытость правового статуса, противоречивость судебных решений, неравномерное распределение ответственности между платформой и продавцом. Особое внимание уделено принятому в июле 2025 года новому законодательству, которое устанавливает новые требования к деятельности маркетплейсов. Принятые поправки являются важным, но лишь первым шагом к полноценному урегулированию деятельности маркетплейсов, и формулирует предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: маркетплейс, цифровая платформа, электронная коммерция, информационный посредник, защита прав потребителей, гражданско-правовая ответственность, платформенная экономика, договорное право, судебная практика.

Marketplaces as subjects of civil law: problems of legislative regulation and development prospects

Gombozhapova Natalya Budazhapovna, student

Scientific advisor: Naletova Marina Mikhaylovna, senior lecturer

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov (Ulan-Ude)

The article examines the civil law status of marketplaces in the absence of their legal definition in Russian legislation. The article contains an analysis of the current legal uncertainty in the qualification of marketplaces, which are formally considered to be information intermediaries, but in fact perform functions far beyond these limits. Based on the study of doctrinal sources, legislation, and judicial practice, key problems are identified: the blurred legal status, contradictory court decisions, and uneven distribution of responsibility between the platform and the seller. Special attention is paid to the new legislation adopted in July 2025, which establishes new requirements for the activities of marketplaces. The adopted amendments are an important, but only the first step towards a full-fledged regulation of the activities of marketplaces, and formulates proposals for further improvement of legislation.

Keywords: marketplace, digital platform, e-commerce, information intermediary, consumer protection, civil liability, platform economy, contract law, judicial practice.

Введение

Ещё каких-то десять лет назад мы ходили в обычные магазины, а сегодня привычным жестом открываем при-

ложение Wildberries или Ozon и заказываем всё — от носков до бытовой техники. Маркетплейсы стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Однако если задать простой, казалось бы, вопрос: «Кто такой маркет-

плейс с точки зрения гражданского права — продавец, посредник или кто-то ещё?» — внятного ответа до самого недавнего времени найти было нельзя.

Дело в том, что Гражданский кодекс РФ, писавшийся в совершенно иную технологическую эпоху, такого субъекта просто не знает. Это породило массу проблем — от путаницы с определением ответчика по иску до диаметрально противоположных решений судов по сходным делам. Законодателю понадобились годы дискуссий, чтобы наконец сделать первый шаг к урегулированию этого цифрового феномена. В настоящей статье предпринята попытка разобраться, в чём же состоит правовая природа маркетплейса, какие проблемы порождает отсутствие его чёткого статуса и способен ли принятый пакет законов о платформенной экономике эти проблемы решить.

Правовая природа маркетплейса: информационный посредник или нечто большее?

Если обратиться к действующему законодательству, то ближайшей правовой категорией, под которую подпадает маркетплейс, является «информационный посредник» — ст. 1253.1 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [1]. Согласно этой норме, информационный посредник — это лицо, которое лишь обеспечивает техническую возможность для размещения материалов или совершения сделок, не иницируя их и не определяя их условия. Именно так маркетплейсы и позиционируют себя в спорах: мы, дескать, всего лишь «доска объявлений», а все проблемы с качеством товара — к продавцу.

Однако реальность выглядит несколько иначе. Как справедливо отмечает Е. А. Абросимова, на современном этапе маркетплейс — «это уже не просто информационный посредник, его функционал гораздо шире — это экосистема с высокоразвитой логистикой, позволяющая обеспечивать взаимодействие продавца и покупателя, представлять информацию о деятельности пунктов доставки, о приобретаемом товаре, использующая механизмы урегулирования и разрешения споров» [8, с. 231]. С этой позицией солидарны и другие авторы. В. А. Аксенов и С. В. Одинцов прямо указывают, что «общие нормы договорного права не в состоянии урегулировать правоотношения должным образом, поскольку не учитывают роль ключевой стороны — маркетплейса» [9, с. 297].

Более того, как показывает анализ, проведённый М. В. Белозерцевой, «оператор крупной цифровой платформы выполняет целый ряд функций, не свойственных пассивному посреднику: организаторскую (структурирует рынок, устанавливает правила), гарантийно-фидуциарную (внедряет системы escrow-расчетов, формирует рейтинги) и контрольно-распорядительную (модерирует контент, контролирует платежи)» [10, с. 297]. «В совокупности это позволяет квалифицировать маркетплейс не как информационного посредника, а как организатора цифрового рынка, что сближает его со статусом организатора торгов (ст. 447 ГК РФ) и предполагает «более

высокую степень ответственности за порядок и добросовестность на организованном им виртуальном пространстве» [10, с. 297–298].

Исследователи отмечают, что «законодатели в основе своей руководствуются сходной логикой правового регулирования и рассматривают маркетплейс как субъект правоотношений, определяя его через ряд характеризующих признаков» [9, с. 3–4]. Вместе с тем в российской цивилистике предлагается и более широкий взгляд — подход к маркетплейсам как системе правоотношений, что даст возможность «регулировать частноправовые отношения между сторонами внутри этой системы точно, на основе специальных норм» [9, с. 19–21].

Таким образом, в доктрине отчётливо прослеживается тенденция: маркетплейс нельзя сводить к пассивной площадке. Это качественно новый субъект, чья роль в гражданском обороте требует специального нормативного закрепления.

Проблема ответственности маркетплейса

Пожалуй, самый болезненный вопрос касается ответственности. Представим ситуацию: покупатель приобрёл на маркетплейсе некачественный товар, причинивший вред здоровью. Кто будет отвечать? Продавец, которого потребитель в глаза не видел и чьи реальные реквизиты ему неизвестны? Или платформа, которая этот товар рекламировала, принимала оплату и организовывала доставку?

До недавнего времени однозначного ответа не существовало. ГК РФ (ст. 476) и Закон РФ «О защите прав потребителей» [2] в действующей редакции возлагают ответственность за недостатки товара на продавца, а маркетплейс в этой цепочке практически не фигурирует. Однако судебная практика пошла по пути расширительного толкования этих норм.

Весьма показательны в этом отношении акты кассационных судов общей юрисдикции. Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции в определении от 17 марта 2025 года по делу № 8Г-5316/2025 [7] отменил решения нижестоящих инстанций, которыми потребителю было отказано в иске к маркетплейсу. Суд указал, что при наличии спора о том, кто является надлежащим ответчиком — платформа или продавец, — суды обязаны исследовать фактические обстоятельства взаимодействия сторон, а не ограничиваться формальной ссылкой на информационный статус платформы.

В другом деле Шестой кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебные акты, которыми с маркетплейса были взысканы убытки и штраф за ненадлежащее исполнение обязательств перед потребителем [6]. Ещё более красноречиво выглядит апелляционное определение Ульяновского областного суда от 15 апреля 2025 года, которым с ООО «Маркетплейс» в пользу потребителя взысканы убытки в размере 349 394 руб., неустойка 35 900 руб. и штраф 192 647 руб. При этом в иске к продавцу — индивидуальному предпринимателю — было отказано [5].

Особого внимания заслуживает и правовая позиция, выраженная в определениях Верховного Суда РФ. Как отмечают исследователи, «ВС РФ фактически сформулировал критерий «фактической вовлечённости» платформы в сделку: если платформа принимает оплату, выдаёт кассовый чек, организует доставку и возврат товара, она не может устраниваться от ответственности, ссылаясь на свой информационный статус» [11, с. 5–6].

При этом судебная практика не всегда однозначна. В ряде случаев суды указывают, что «ООО «Маркетплейс» не может нести ответственность за исполнение договора купли-продажи и передачу товара истцу, так как обязанность по передаче товара покупателю возлагается на продавца» [5]. Это свидетельствует о том, что единообразные подходы в судебной практике до сих пор не выработаны, а исход дела во многом зависит от конкретных обстоятельств и усмотрения суда.

Таким образом, судами наработан значительный массив судебных актов, которые демонстрируют постепенный, хотя и не всегда последовательный, отход от доктрины «информационного посредника» в сторону признания реальной роли платформы.

Законодательные инициативы: что изменилось?

Осознавая нарастающую правовую неопределённость, законодатель предпринял шаги по упорядочиванию ситуации. 9 июля 2025 года Государственная Дума единогласно приняла в первом чтении пакет законопроектов о платформенной экономике, а 22 июля — в окончательном виде. Это событие без преувеличения можно назвать поворотным для всей отрасли электронной коммерции. Первоначально предполагалось, что закон вступит в силу с 1 марта 2027 года, однако по итогам второго чтения срок был перенесён на 1 октября 2026 года [11].

Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о платформенной экономике) [3] определяет правовые основы платформенной экономики в России и регулирует отношения, возникающие между операторами посреднических цифровых платформ, их партнёрами, пользователями и иными лицами в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг. В ст. 2 закона вводятся основные понятия: «платформенная экономика», «цифровая платформа» и «посредническая цифровая платформа» — ключевой термин, позволяющий идентифицировать маркетплейс как особого субъекта экономической деятельности.

Ключевые новеллы сводятся к следующему. Во-первых, вводится реестр посреднических цифровых платформ, куда обязаны войти все крупные маркетплейсы. Согласно п. 2 ст. 4 Закона, цифровая платформа признаётся посреднической с момента её включения в указанный реестр федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством РФ. Во-вторых, согласно

ст. 7 Федерального закона о платформенной экономике оператор посреднической цифровой платформы обязан проверять сведения о продавцах через ЕГРЮЛ, ЕГРИП, а также следить за тем, чтобы карточки товаров содержали всю необходимую информацию о сертификации и маркировке. Запрещается размещение предложений о продаже товаров, изъятых из оборота, а также лекарственных средств, БАДов, пестицидов и агрохимикатов без соответствующей регистрации и лицензирования. В-третьих, в соответствии со ст. 9 Федерального закона о платформенной экономике установлен порядок применения скидок за счёт продавца: они могут предоставляться только с согласия продавца, и платформа обязана его об этом уведомить.

Также Федеральным законом от 31.07.2025 № 290-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее Федеральный закон № 290-ФЗ) [4] были внесены поправки в Закон РФ «О защите прав потребителей», который теперь установил, что оператор посреднической цифровой платформы должен обеспечить возможность возврата потребителю с использованием посреднической цифровой платформы уплаченных денежных средств. В случае если доставка товара была осуществлена с использованием логистической инфраструктуры оператора такой посреднической цифровой платформы, оператор обязан также обеспечить возможность возврата потребителем приобретенного им товара продавцу. Федеральный закон № 290-ФЗ также вступит в силу 1 октября 2026 года.

Оценка принятых поправок и дальнейшие перспективы

Принятие Закона о платформенной экономике, безусловно, заслуживает положительной оценки. Как справедливо отмечает Е. А. Вихлянцева, «ключевым шагом к формализации рынка является создание федерального реестра посреднических цифровых платформ и установление государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства в этой сфере. Именно такой подход должен способствовать повышению защищённости потребителей и улучшению стандартов работы маркетплейсов» [14].

Вместе с тем остаётся ряд нерешённых вопросов. Прежде всего, бросается в глаза, что законодатель сознательно ушёл от прямого закрепления понятия «маркетплейс» в пользу более широкого термина «посредническая цифровая платформа». С одной стороны, это позволяет охватить регулированием не только торговые площадки, но и сервисы заказа еды, такси и т. д. С другой — сохраняется некоторая неопределённость относительно прав и обязанностей конкретных участников.

Кроме того, на стадии обсуждения законопроекта высказывались опасения, что «чрезмерное регулирование может ограничить конкуренцию на рынке цифровых услуг, а нормы о защите от контрафакта недостаточно эф-

фективны» [13]. Представляется, что эти риски должны быть учтены при подготовке подзаконных актов.

В доктрине также обоснованно указывается на необходимость «расширения оснований ответственности владельца агрегатора в случае нарушений обязательств по продаже товаров, поскольку маркетплейс берёт на себя обязательство по проверке фигуры продавца и реализуемой продукции» [8, с. 233]. Законодатель частично воспринял эту идею, но до конца её не реализовал — ответственность платформы по-прежнему остаётся производной от ответственности продавца.

Важно отметить и то, что, по оценкам экспертов, «все регуляторные положения Закона о платформенной экономике сопровождаются положительными эффектами на деловой климат и могут принести экономике не менее 5 триллионов рублей дополнительных средств на горизонте 2025–2027 гг.» [15].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 11.05.2026)
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/?ysclid=mp2f48tjck238069301 (дата обращения: 11.05.2026)
3. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ (не вступил в силу) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511088/?ysclid=mp2fnp2hmx748871355 (дата обращения: 11.05.2026).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 290-ФЗ (не вступил в силу) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511087/ (дата обращения: 11.05.2026)
5. Ульяновский областной суд. Апелляционное определение от 15 апреля 2025 года по делу № 33–1027/2025 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ульяновского областного суда. — URL: <http://www.uloblsud.ru/index1.php> (дата обращения: 11.05.2026).
6. Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.11.2024 по делу № 8Г-24198/2024 [88–26013/2024] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/343684509/> (дата обращения: 11.05.2026).
7. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.03.2025 по делу № 8Г-5316/2025 [88–6726/2025] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/346920424/> (дата обращения: 11.05.2026).
8. Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов / Е. А. Абросимова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2024. — Т. 8, № 2. — С. 231–240.
9. Аксенов В. А., Одинцов С. В. Правовая природа маркетплейсов / В. А. Аксенов, С. В. Одинцов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2024. — № 1. — С. 5–21.
10. Белозерцева М. В. Гражданско-правовая ответственность онлайн-агрегаторов за действия пользователей: от информационного посредничества к публичным обязанностям / М. В. Белозерцева // Молодой учёный. — 2025. — № 50 (601). — С. 297–300.
11. Гуляева Т. Б., Кочарян К. А., Байрамова Р. О. Проблемы правового регулирования деятельности маркетплейсов и способы их решения: анализ судебной практики / Т. Б. Гуляева // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2025. — № 2. — С. 4–12.
12. Комитет Госдумы одобрил ко II чтению законопроект о маркетплейсах [Электронный ресурс] // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/komitet-gosdumy-odobril-ko-ii-chteniyu-zakonoproekt-o-marketpleysakh.html> (дата обращения: 11.05.2026).

Заключение

Подводя итог, можно констатировать: маркетплейсы, будучи по факту одними из наиболее влиятельных субъектов современного гражданского оборота, наконец-то получили законодательное признание. Принятый пакет законов — это важный, но лишь первый шаг. Он задаёт общие рамки, однако множество конкретных вопросов ещё предстоит решить — и законодателю, и судебной практике, и цивилистической науке.

Думается, что дальнейшее развитие регулирования должно идти по пути дифференциации ответственности платформ в зависимости от степени их вовлечённости в сделку, а также выработки эффективных механизмов досудебного урегулирования споров. Только тогда можно будет говорить о том, что баланс интересов платформ, продавцов и потребителей действительно достигнут.

13. Платформу делают устойчивой. [Электронный ресурс] // URL: <https://expert.ru/ekonomika/platformu-delayut-ustoychivoi/> (дата обращения: 11.05.2026).
14. У края платформы: как принятие новых законов о платформенной экономике изменит рынки. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vegaslex.ru/> (дата обращения: 11.05.2026).
15. ЦДЭ Института Гайдара о Коммерческих практиках на маркетплейсах: проблемы и способы решений в России и мире. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iep.ru/ru/novosti/tsde-instituta-gaydara-o-kommercheskikh-praktikakh-na-marketpleysakh-problemy-i-sposoby-resheniy-v-rossii-i-mire.html> (дата обращения: 11.05.2026).

Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в работе органов правосудия

Гриньков Вадим Алексеевич, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы и проблемы применения искусственного интеллекта в работе органов правосудия, поскольку в сфере юриспруденции отмечается усиливающаяся тенденция внедрения передовых IT-решений и ИИ (ИИ) в работу судебной системы. Это связано с прогрессом в технологиях, который сделало создание ИИ, сравнимого с человеческим разумом, вполне реальным. В связи с этим, важным становится исследование потенциала использования ИИ в судопроизводстве и прогнозирование влияния его применения на систему правосудия.

Объектом исследования стали общественные отношения, складывающиеся по поводу применения технологии искусственный интеллект в работе органов правосудия.

В итоге автором сделан вывод о месте искусственного интеллекта в работе органов правосудия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, информационная безопасность, юридическая ответственность, доктрина информационной безопасности.

Введение

В настоящее время информационные технологии стремительно проникают в повседневную жизнь как всего общества, так и каждого индивидуума в отдельности, становясь существенным элементом государственного и общегражданского потребления. Нельзя отрицать то, что человечество достигло того этапа цивилизационного развития, на котором основой прогресса являются успехи научно-технического развития, цифровые технологии, нейронные сети, вычислительные машины и интеллектуальные системы. Особое внимание уделяется искусственному интеллекту (ИИ), который, является одной из самых дискуссионных тем в текущий период развития общества. Особенно интересным является возможности применения ИИ в тех или иных сферах деятельности человека.

В настоящее время активно во всем мире обсуждается вопрос о применении ИИ в юриспруденции, а также о проблемах, которые возникают на пути этого. Сейчас широко обсуждается вопрос о внедрении ИИ в судебную сферу, поскольку инструменты ИИ обладают возможностью упростить работы судом, разгрузить аппарат судом и судей. Однако для внедрения ИИ в российскую судебную систему необходимо учесть требования законодательства, систему принципов судопроизводства, на которых базируется вся судебная система, проблемы работы судов, сферы, где аппарату суда и судьям нужна помощь в большей степени.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили российское и иностранное законодательство, научная литература по теме исследования. Методы исследования включают в себя методы анализа, в частности анализа концепций правового регулирования, метод синтеза, индукции и дедукции. При помощи формально-юридического метода изучены положения отдельных нормативных правовых актов, что позволило определить особенности правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере.

Результаты и обсуждение

В условиях всеобщего перехода к цифровым технологиям сфера права неизбежно подвергается технологическим изменениям. Традиционная система правосудия, основанная на человеческом разуме, в настоящее время активно интегрирует средства на основе искусственного интеллекта (ИИ), что наблюдается как в западных государствах, так и в странах Содружества Независимых Государств. В данном контексте технологии ИИ выполняют вспомогательную роль, автоматизируя повторяющиеся операции, анализируя предшествующую судебную практику и прогнозируя возможные результаты судебных разбирательств, тем самым оказывая поддержку судьям в выполнении ряда их обычных обязанностей [1].

Согласно положениям Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, под искусственным интеллектом подразумевается совокупность технологических решений (включая инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы для обработки данных), которые имитируют познавательные способности человека, в том числе самообучение и нахождение новых решений. При этом результативность указанных систем должна быть сравнима с эффективностью человеческого мышления [2, с. 160]. Важно отметить, что современный искусственный интеллект не тождественен человеческому интеллекту в полном объеме. Его возможности ограничены существующим уровнем развития аппаратного обеспечения и программных алгоритмов; такие системы не могут функционировать полностью самостоятельно вне заданных параметров и пройденного обучения, а также не обладают интуицией и творческими способностями. Таким образом, искусственный интеллект на данном этапе лишь воспроизводит отдельные аспекты интеллектуальной деятельности человека, выявляя закономерности в рамках установленных алгоритмов.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в юридическую практику открывает возможности для широкого круга пользователей. Можно выделить пять основных направлений его использования:

1. ИИ для судей. Интеллектуальные системы помогают быстро обрабатывать большие массивы правовой информации, необходимой для принятия судебных актов. Они способны моделировать потенциальные исходы судебных разбирательств, создавая «умные» прогнозы. Внедрение таких инструментов направлено на облегчение работы судей, ускорение судопроизводства, снижение коррупционных угроз и повышение общей эффективности работы судов [3, с. 61]. В будущем искусственный интеллект сможет выполнять функции аналитического и экспертного советника для судьи, проверять судебные акты на предмет соответствия закону, а также выявлять и изучать аналогичные правовые прецеденты.

2. ИИ для работников аппарата суда. Цифровые технологии позволяют автоматизировать множество рутинных операций в судебной системе. Ведется активная разработка суперсервиса «Правосудие онлайн», основанного на «слабом» искусственном интеллекте. Его задачи — автоматическое формирование проектов процессуальных документов (например, определений о назначении заседаний или экспертиз, судебных приказов), расшифровка аудиозаписей court-заседаний, а также создание интеллектуальной поисковой системы для анализа и систематизации судебной практики [4, с. 61].

3. ИИ для юристов, медиаторов и адвокатов. Специализированные программы анализируют материалы дела, собранные на досудебной стадии, находят нужные нормы права и судебные акты, проверяют договоры и другие юридические документы, а также прогнозируют возможные результаты litigation [5, с. 50]. В России активно применя-

ются сервисы для электронной подачи документов в суды и отслеживания хода дела через ГАС «Правосудие» и систему «Мой арбитр».

4. ИИ для экспертов и специалистов. ИИ способен оперативно и беспристрастно исследовать различные образцы, проводить сравнительный анализ и готовить предварительные экспертные оценки для их последующей углубленной проверки профессионалами.

5. ИИ для граждан и организаций. Интеллектуальные технологии могут применяться для анализа предпринимательских рисков, составления стандартных договоров, а также для развертывания чат-ботов, предоставляющих первичные правовые консультации и ссылки на действующее законодательство и практику его применения. К примеру, в США популярность получили так называемые правовые навигаторы, которые помогают в подготовке необходимых документов и оказывают правовую помощь посредством интерактивных опросников.

ИИ может быть использован для оценки судебных перспектив участников спора, анализа потенциальных юридических угроз и предоставления рекомендаций в ходе досудебного урегулирования конфликтов.

К основным преимуществам технологий ИИ относятся:

1. Автономность систем ИИ, означающая их устойчивость к внешним факторам, способным нарушить работоспособность. Это качество в первую очередь касается информационной сферы, так как процедуры сбора, хранения и обработки данных имеют фундаментальное значение не только для правоприменения.

2. Рациональность искусственного интеллекта, проявляющаяся в способности выполнять поставленные задачи с учётом заданных условий для достижения оптимального результата.

3. Способность к самообучению путём изучения последствий решений различных задач даёт искусственному интеллекту возможность моделировать состояние информационных систем или их элементов, выявлять риски при оценке альтернатив и выбирать наиболее верный путь к цели. В этой связи можно говорить о генерации юридических документов с помощью интеллектуальных средств и последующем накоплении статистических данных на основе опыта их применения [6, с. 713].

В судебной системе ИИ находит применение в различных областях, включая транскрибацию аудиозаписей судебных заседаний в текстовый формат. Этот подход уже внедрен в ряде регионов России, в частности, в судах Башкортостана, Татарстана, Владимирской и Иркутской областей [7].

Верховный Суд Республики Коми задействует инструменты искусственного интеллекта для быстрого нахождения необходимых в судопроизводстве нормативных актов и правовых норм. В Вологодском областном суде интеллектуальные системы ассистируют работникам в изучении документов, подготовке кратких изложений,

сравнении разнородных материалов и создании проектов судебных решений. На территории Амурской области действует система «Нейромагис», автоматизирующая процесс выделения ключевых данных из протоколов об административных нарушениях и фиксирующая их в профильных базах. Параллельно в 2023 году Благовещенский городской суд этой же области апробировал ИИ для генерации судебных приказов в автоматическом режиме. В будущем ожидается расширение использования умных технологий на такие области, как расторжение брака и конфликты по кредитным соглашениям [8].

В Белгородской области в 2021 году также проводились эксперименты по интеграции ИИ в судебную деятельность. Согласно проведенному анализу, применение современных технологий дало возможность существенно уменьшить время, требующееся для оформления приказов и занесения информации в электронные дела. Специалисты считают, что в случаях, когда действия судьи носят рутинный характер, отдельные обязанности могут быть переданы алгоритмам. Это относится, например, к делам о пересчете финансовых сумм с учетом инфляции. Уже разработаны программы, которые автоматически готовят документы для упрощенного судопроизводства [8].

Параллельно с использованием возможностей ИИ, критически значимым направлением остается создание единой цифровой среды, способной объединить федеральные суды общей юрисдикции, арбитражи и мировых судей. В настоящее время в системе правосудия продолжает функционировать множество технически устаревших и разрозненных информационных комплексов [8].

В частности, ГАС «Правосудие» требует масштабной модернизации, тогда как арбитражные суды функционируют в обособленном программном обеспечении. Также в 13 регионах России из 89 мировых судьи применяют собственные, не связанные с государственной системой «Правосудие», программные продукты.

Следовательно, основной акцент необходимо сделать на формирование единого цифрового пространства и усовершенствованной системы автоматизации, предназначенной для объединения разных элементов судебного механизма на более эффективной экономической основе. Фундаментально, чтобы окончательное решение по применению закона сохранялось в пределах полномочий судьи, а не автоматизированного комплекса.

При всем существенном потенциале искусственного интеллекта в области права требуется ясно очерчивать пределы его использования. Интеллектуальные системы призваны служить вспомогательным средством для юристов, а не замещать их в сфере вынесения вердиктов. В отличие от человеческого сознания, ИИ не обладает устоявшимся комплексом общественных ценностей и моральных установок. Анализ информации машиной не способен стать безусловным фундаментом для умозаключений судей, защитников и других сторон процесса, так

как современные алгоритмические системы функционируют в границах заданных программ, не обладая способностью к глубокому осмыслению и эмоциональному восприятию обстоятельств.

Председатель Верховного суда РФ И. В. Краснов подчеркнул, что серьезной неразрешенной проблемой для российского правосудия по-прежнему является отсутствие стабильной и единообразной практики. По его словам, суды нередко используют расходящиеся или даже противоположные интерпретации в сходных ситуациях, что ведет к регулярной отмене постановлений и подрывает доверие к судебной системе. В этой связи он отметил необходимость быстрого внедрения инструментов искусственного интеллекта в работу судов.

И. В. Краснов указал, что планируется создание единой цифровой платформы для всех судов, использование искусственного интеллекта для обработки данных и подготовки документов, а также интегрирование портала Госуслуг и мессенджера МАХ [9].

Как считает В. В. Момотов, применение ИИ способно облегчить судебный процесс, сократить издержки и повысить эффективность работы судей и сотрудников аппарата [10]. Другие эксперты указывают на способность умных систем прогнозировать загруженность судов и укреплять защиту интересов граждан, организаций и государства. Кроме того, технологические новшества могут минимизировать влияние личностных факторов, таких как усталость или предвзятость, а также уменьшить возможности для коррупционных проявлений.

Внедрение технологий ИИ в юридическую практику открывает перспективы для автоматизации рутинных операций, анализа значительных массивов информации и подготовки проектов процессуальных документов. Подобные инновационные решения повышают общую эффективность работы правовых институтов. Уже созданы и применяются программы, способные самостоятельно анализировать юридические тексты, выявлять ключевые факты и предлагать варианты дальнейших шагов. Интеграция интеллектуальных систем в правоприменительную деятельность способна дать ощутимые выгоды, такие как ускорение процедуры урегулирования конфликтов, укрепление аргументационной основы решений, сокращение сроков производства по делу и оптимизацию судебных процессов.

Тем не менее, использование ИИ в правовой сфере сопряжено с рядом важных ограничений. Данные системы не обладают абсолютной безошибочностью, могут упускать детали контекста и особенности конкретных случаев. Многие юридические вопросы оказываются слишком сложными для алгоритмического анализа и требуют интерпретации квалифицированным юристом. Критически значимым остается соблюдение этических норм при применении ИИ в судопроизводстве, включая гарантии конфиденциальности, прозрачное определение ответственности и обеспечение объяснимости результатов, формируемых автоматизированными средствами.

Исследование потенциала искусственного интеллекта демонстрирует его существенное влияние на модернизацию арбитражного судопроизводства в Российской Федерации. Тем не менее, внедрение AI-технологий в судебную деятельность сопровождается рядом ограничений и потенциальных угроз. Основные затруднения заключаются в следующем:

1. Отсутствие достаточного законодательного регулирования. Актуальные правовые нормы, включая АПК РФ и Федеральный конституционный закон об арбитражных судах, не предусматривают понятия искусственного интеллекта, не определяют границы его применения в судебном процессе и не устанавливают механизм ответственности за результаты ошибок, допущенных AI-системами.

2. Ограниченность функционала современных систем ИИ. ИИ в полной мере зависит от того, какие данные человек ему предоставляет для обучения или для анализа, в том числе это касалось бы и подгружаемых в модель ИИ материалов дела для анализа конкретного спора. Соответственно, сбой в работе или некорректные данные, выдаваемые искусственным интеллектом, могут привести к формированию неверных судебных документов, принятию неправильных решений и несоблюдению фундаментальных принципов арбитражного процесса.

3. Уязвимость защитных механизмов AI-систем. Технологии искусственного интеллекта рискуют быть подверженными цифровым атакам или неправомерному манипулированию со стороны сотрудников. Это представляет опасность для устойчивости системы к внешним вмешательствам и может обусловить нарушение ключевых принципов судопроизводства — независимости и непосредственности рассмотрения дела [11, 12].

Внедрение искусственного интеллекта в судебную практику сопряжено с рядом проблем, как уже проявившихся, так и потенциальных. Среди наиболее значимых стоит выделить следующее:

1. Использование ИИ в качестве вспомогательного инструмента может привести к снижению квалификации сотрудников судебной системы, привыкших полагаться на автоматизированные рекомендации.

2. Существует риск возникновения неточностей при разработке и обучении ИИ, а также в данных, которые он анализирует, поскольку человек не будет понимать какие именно данные система использует для анализа, помимо подгруженных материалов. Это может привести к тому, что предубеждения и ошибки, допущенные разработчиками, отразятся на результатах работы программы.

3. Использование ИИ в судебном процессе, особенно в качестве замены судьям, может привести к дегуманизации правосудия [13, с. 252, 14, с. 134]. Общество может негативно воспринять такую практику, предпочитая участие человека-судьи в рассмотрении дел.

4. Использование ИИ в судебных решениях может привести к увеличению числа апелляций из-за сложности

понимания логики, лежащей в основе этих решений, особенно в случае сложных нейронных сетей.

5. Опора судей и участников процесса на статистические прогнозы может привести к унификации правосудия, но также и к решениям, основанным на общих чертах, а не на тщательном анализе конкретных обстоятельств дела.

6. ИИ может испытывать трудности в понимании юридических принципов и норм, таких как применение аналогии или интерпретация текстов в соответствии с общепринятыми правилами.

Эта проблема особенно актуальна при использовании ИИ в работе с материальным правом. Однако в контексте соблюдения процессуальных норм, по мнению экспертов, ИИ может даже превзойти возможности человека.

7. Также стоит отметить, что в основном все существующие модели ИИ являются иностранными, соответственно встает вопрос о безопасности тех данных, которые предоставляются для анализа (особенно это касается персональных данных, данных о деятельности организаций и пр.). Предоставляемые данные могут незаконным образом собираться, обрабатываться и быть использованы в противозаконных целях. Также ИИ невозможно применять при рассмотрении отдельных категорий споров (например, связанных с государственным оборонным заказом, с защитой коммерческой тайны, тайны усыновления/удочерения и пр.).

Выводы

Введение технологий искусственного интеллекта в судебную систему представляет собой многоаспектный и спорный путь развития, сочетающий в себе очевидные возможности и существенные риски. Хотя ИИ способен улучшить многие стандартные процедуры, окончательная ответственность за принятые по результатам рассмотрения дела решения должна сохраняться у судей — людей. К основным положительным сторонам применения таких инструментов можно отнести следующие:

1. Автоматизация рутинных судебных действий. Интеллектуальные системы позволяют перевести на машинное выполнение операции по регистрации исковых материалов, формированию электронного архива дел и отправке уведомлений участникам процесса. Это сокращает затраты времени сотрудников на однотипные организационные обязанности.

2. Аналитическая помощь судьям при обработке информации. Специальные программы могут сортировать и систематизировать данные из прошлых решений, выявлять противоречия в применении законодательства и составлять сводные отчеты по определённым категориям юридических конфликтов.

3. Прогнозирование возможных итогов рассмотрения дела на основании изучения исторических случаев с похожими характеристиками. Алгоритмы прогнозирования, обученные на больших массивах судебных документов,

умеют выделять статистически значимые факторы, влияющие на результаты, и оценивать вероятность различных исходов судопроизводства.

Эффективное распределение дел между судьями в соответствии с их специализацией, текущей нагрузкой и практическим опытом в аналогичных вопросах. Целевые программные решения могут формировать календарь заседаний, минимизируя простои и обеспечивая более равномерное распределение работы среди судейского персонала.

Необходимо принимать во внимание всю совокупность актуальных угроз и проблемных аспектов:

1. Искключительность человеческого суда. Надеждение искусственного интеллекта функциями правосудия недопустимо. Рассмотрение дел и вынесение приговоров — прерогатива судьи как единственного носителя соответствующей власти. Конституционные принципы, обеспечивающие независимость судебной системы и право на рассмотрение дела исключительно в суде, исключают возможность замещения профессионального судейского усмотрения какими-либо, даже самыми передовыми, автоматизированными алгоритмами.

2. Недостаточное развитие существующих ИИ-технологий. Современный уровень развития систем искусственного интеллекта не обеспечивает им способности к глубокому пониманию юридических тонкостей, учету морально-этических норм, а также к комплексной оценке доказательств в свете всех индивидуальных особенностей конкретного судебного разбирательства.

3. Риск закрепления алгоритмических предубеждений. Обучаясь на обширных базах данных, которые могут содержать исторически сложившиеся предвзятые судебные акты, искусственный интеллект способен воспроизводить и усиливать уже имеющиеся системные перекосы в правореализации.

4. Проблематика защиты персональных данных. Использование технологий ИИ для обработки конфиденциальной информации обостряет вопросы обеспечения кибербезопасности и сохранения неприкосновенности частной жизни, безопасности государства.

В определенных случаях данная проблема может быть частично решена путем анонимизацией персональных данных или иных охраняемых сведений (как это делается судами общей юрисдикции при размещении судебных актов в открытых источниках). Вместе с тем, применение ИИ для рассмотрения дел, связанных с обеспечением сохранения государственной, коммерческой или иной охраняемой законом тайны, невозможно, поскольку большинство современных систем ИИ являются иностранными, следовательно, нельзя исключать возможность использование ИИ для шпионажа.

5. Принцип окончательного человеческого контроля. В сфере отправления правосудия крайне важно сохранять за человеком последнее слово, особенно по тем категориям дел, где решающую роль играют сложные, не поддающиеся четкому кодированию, гуманитарные соображения и этические дилеммы.

Интеграция инструментов искусственного интеллекта в судебный процесс должна осуществляться с высокой степенью осмотрительности и взвешенности. При этом важно соразмерять потенциальные преимущества в эффективности и оперативности с непреложной задачей охраны прав и охраняемых законом интересов участников процесса. основополагающими векторами должны оставаться: примат человеческого решения, обеспечение качества и безопасности обработки судебной информации, соблюдение базовых прав и свобод, открытость, беспристрастность, состязательность и недопущение дискриминации в любой форме.

Литература:

1. На Госуслугах запустят сервис «Правосудие-онлайн» — Текст: электронный // Российская газета — Столичный выпуск. — 2023. — № 58 (9003). — URL: <https://rg.ru/2023/03/20/posporim-na-gadzheta.html> (дата обращения: 12.04.2026)
2. Шереметьева Н. В. Особенности электронного правосудия в КНР / Н. В. Шереметьева, И. В. Батуру, У Шуан // Право и практика. — 2020. — № 5. - С. 159–163
3. Губайдуллина Э. Х. ИИ в цивилистическом судопроизводстве Китая / Э. Х. Губайдуллина, И. А. Гаврилов // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 07 апреля 2023 года. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. — С. 59–63
4. Кирова Л. М. Правовые аспекты использования нейронных сетей / Л. М. Кирова, М. Л. Макаревич // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2018. — № 1 (27). — С. 58–63
5. Макутчев А. В. Современные возможности и пределы внедрения ИИ в систему правосудия / А. В. Макутчев // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С.47–58
6. Толстов А. С. Проблемы применения искусственного интеллекта в деятельности судебного аппарата / А. С. Толстов // Научный аспект. — 2023. — № 6. — С.712–718
7. 35 % российских судов используют ИИ в работе — Текст: электронный // Право.ру: [сайт] — URL: <https://pravo.ru/news/258775/> (дата обращения: 12.04.2026)
8. Судьи хотят урегулировать использование ИИ в своей работе — Текст: электронный // Право.ру: [сайт] — URL: <https://pravo.ru/news/258325/> (дата обращения: 12.04.2026)

9. В российских судах внедряют ИИ, а нагрузку на судей снизят — Текст: электронный // Рынок взыскания: [сайт] — URL: <https://rvzrus.ru/news/3703> (дата обращения: 12.04.2026)
10. Совет судей изучит возможность применения ИИ в судебной системе — Текст: электронный // Право.ру: [сайт] — URL: <https://rg.ru/2025/04/16/prikaz-ot-robota.html> (дата обращения: 12.04.2026)
11. Арстанова А. Эксперты обсудили конституционные риски и способы защиты правосудия в эпоху ИИ — Текст: электронный // Адвокатская газета: [сайт] — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-obsudili-konstitutsionnye-riski-i-sposoby-zashchity-pravosudiya-v-epokhu-ii/> (дата обращения: 12.04.2026)
12. Подолинский И. А. Добросовестность в эпоху цифровизации: применение ИИ в судопроизводстве сквозь призму сравнительно-правового анализа / И. А. Подолинский // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 10 (209). — С. 392–394
13. Бахтеев Д. В. Применение искусственного интеллекта в деятельности арбитражных судов РФ: перспективные направления и проблемы / Д. В. Бахтеев, Л. В. Тарасова // Вестник Костромского государственного университета. — 2020. — Т. 26, № 4. — С. 249–254
14. Сабуров И. Я. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве / И. Я. Сабуров // Закон и власть. — 2025. — № 3. — С. 131–139

Коммерциализация интеллектуальной собственности: как извлечь прибыль из патента

Давыдов Александр Александрович, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье рассматриваются ключевые способы коммерциализации патентов как объектов интеллектуальной собственности. Анализируются преимущества и недостатки различных стратегий монетизации — лицензирования, продажи, использования в собственном производстве и привлечения инвестиций. Приводятся практические примеры и рекомендации для правообладателей.

Ключевые слова: патент, интеллектуальная собственность, коммерциализация, лицензирование, трансфер технологий.

Патент — не просто документ, подтверждающий приоритет изобретения, но и актив, способный приносить доход. В условиях современной экономики, где инновации становятся ключевым конкурентным преимуществом, эффективное использование патентных прав приобретает особую актуальность. **Цель данной статьи** — систематизировать подходы к коммерциализации патентов и дать практические рекомендации правообладателям.

Первым способом коммерциализации выступает лицензирование. Оно предполагает предоставление права использования патента другому лицу (лицензиату) на условиях, оговорённых в лицензионном договоре. Разновидности такого подхода включают исключительную лицензию, при которой право использования предоставляется только одному лицензиату с ограничением прав самого патентовладельца. Неисключительная (простая) лицензия позволяет патентовладельцу сохранять право выдачи лицензий другим лицам. Открытая лицензия представляет собой предложение о предоставлении прав любому заинтересованному лицу на условиях, опубликованных в официальном бюллетене Роспатента [3].

К преимуществам лицензирования относится стабильный доход в виде роялти, минимальные затраты на

внедрение и возможность охватить несколько рынков одновременно. В то же время существуют и определённые недостатки: например, риск утечки конфиденциальной информации и необходимость контроля за соблюдением условий договора.

Следующим вариантом является продажа патента, или отчуждение. В этом случае происходит полная передача прав на патент другому лицу по договору об отчуждении исключительного права. Ключевым преимуществом такого подхода становится единовременное получение крупной суммы и освобождение от дальнейших затрат на поддержание патента. Однако у него есть и существенные минусы: потеря контроля над использованием изобретения и риск упущенной выгоды, если технология окажется коммерчески успешной в будущем [1, 4].

Ещё один распространённый путь — использование патента в собственном производстве. Этот способ подразумевает внедрение запатентованной технологии в деятельность компании для выпуска инновационной продукции. Его главные преимущества — полный контроль над технологией, возможность максимизировать прибыль и укрепление конкурентных позиций на рынке. В то же время такой подход сопряжён с высокими затратами на

организацию производства и рисками, связанными с рыночным принятием нового продукта [2].

Четвёртый способ — привлечение инвестиций с использованием патента в качестве актива. Это может реализовываться через включение патента в уставный капитал при создании стартапа, его использование в качестве залога при получении кредитов или демонстрацию потенциала патента для привлечения венчурных инвестиций. К преимуществам такого подхода относится доступ к капиталу для развития бизнеса и повышение инвестиционной привлекательности компании. Среди недостатков можно выделить необходимость раскрытия информации инвесторам и риск потери контроля над проектом.

Для успешной монетизации патента необходимо выполнить несколько важных шагов. Прежде всего следует провести оценку стоимости патента, принимая во внимание рыночную востребованность технологии, стадию её разработки (от идеи до серийного производства), географию и срок действия патентной защиты, а также конкурентные преимущества [5].

Затем нужно выбрать стратегию коммерциализации. При этом важно учитывать ресурсы компании — финансовые, производственные и кадровые, — а также цели патентовладельца: стремится ли он к быстрой прибыли или ориентирован на долгосрочное развитие. Не менее значимым фактором выступают рыночные перспективы технологии.

Не менее важно обеспечить юридическую защиту при сделках. Это подразумевает чёткое прописывание

условий лицензионного договора или договора отчуждения, разработку механизмов контроля за использованием патента и страхование рисков, связанных с нарушением прав [2].

Показательным примером монетизации через лицензирование служит компания Qualcomm. Она получает миллиардные доходы в виде роялти за использование своих патентов в области телекоммуникаций. Другой яркий случай связан с патентом на технологию CRISPRCas9 для редактирования генов. На его основе были созданы стартапы Editas Medicine и CRISPR Therapeutics, которые привлекли сотни миллионов долларов инвестиций. Компания IBM демонстрирует комбинированный подход: она регулярно продаёт устаревшие патенты, освобождая ресурсы для новых разработок, и одновременно лицензирует передовые технологии, обеспечивая стабильный поток доходов [5].

Коммерциализация патентов — многоэтапный процесс, требующий комплексного подхода. Выбор стратегии зависит от специфики технологии, рыночных условий и целей правообладателя. Лицензирование подходит для получения стабильного дохода без значительных вложений, продажа — для быстрой монетизации, собственное производство — для долгосрочного развития, а привлечение инвестиций — для масштабирования бизнеса. Грамотное использование этих инструментов позволяет превратить патент из формального документа в эффективный инструмент получения прибыли.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230ФЗ.
2. Доклад ВОИС «Мировые показатели деятельности в области интеллектуальной собственности» (2023).
3. Леонтьев Б. Б. Основы управления интеллектуальной собственностью. — М.: ИНФРАМ, 2022.
4. Котенева О. Е., Николаев А. С. Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности с помощью договоров распоряжения: учебно-методическое пособие / О. Е. Котенева, А. С. Николаев. — СПб.: Университет ИТМО, 2021. — 62 с.
5. Официальный сайт Роспатента (rospatent.gov.ru).

Порядок и процедурные особенности оспаривания сделок должника в рамках дела о несостоятельности (банкротстве)

Данилина Мария Юрьевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье рассматривается процессуальный порядок оспаривания сделок в рамках процедур банкротства. Анализируется круг лиц, обладающих правом на подачу соответствующего заявления, освещаются требования к форме и содержанию документа, а также особенности исчисления сроков исковой давности и периодов подозрительности. Особое внимание уделено правовым последствиям признания сделок недействительными и механизму реституции в конкурсном праве.

Ключевые слова: банкротство, арбитражный управляющий, оспаривание сделок, подозрительные сделки, сделки с предпочтением, конкурсная масса.

Procedure and procedural peculiarities of challenging debtor's transactions within the framework of insolvency (bankruptcy) case

The article examines the procedural framework for challenging transactions in bankruptcy proceedings. It analyzes the circle of persons authorized to file such applications, the requirements for the document's form and content, and the specifics of calculating statutes of limitations and suspect periods. Special focus is given to the legal consequences of declaring transactions void and the restitution mechanism in insolvency law.

Keywords: *bankruptcy, insolvency officer, avoidance of transactions, suspicious transactions, preferential transactions, insolvency estate.*

Институт оспаривания сделок должника является одним из наиболее эффективных механизмов формирования конкурсной массы и защиты прав кредиторов в процедурах банкротства. Процессуальный порядок реализации этого механизма детально регламентирован законодательством о несостоятельности и имеет ряд специфических особенностей, отличающих его от общегражданского порядка признания сделок недействительными.

Основным субъектом, уполномоченным на инициирование споров о недействительности сделок, является арбитражный управляющий [3, с. 49]. В соответствии с пунктом 1 статьи 61.9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», заявление об оспаривании сделки может быть подано внешним или конкурсным управляющим как по собственной инициативе, так и во исполнение решения собрания или комитета кредиторов [3, с. 49–50]. При этом управляющий действует от своего имени, но в интересах должника и всего коллектива кредиторов [3, с. 51].

Помимо арбитражного управляющего, правом на оспаривание наделены конкурсные кредиторы и уполномоченные органы. Однако законодатель устанавливает определенный порог для реализации этого права: размер кредиторской задолженности перед заявителем должен составлять более 10 процентов общего реестра требований (без учета требований лица, чья сделка оспаривается) [3, с. 51]. Данное ограничение направлено на предотвращение злоупотреблений со стороны мелких кредиторов, чьи действия могут затянуть процедуру банкротства. Тем не менее кредиторы с меньшим объемом требований могут объединяться для достижения необходимого порога или обжаловать бездействие управляющего, если он уклоняется от оспаривания сомнительных сделок [3, с. 52–53].

Процессуальное положение должника в таких спорах характеризуется тем, что он должен выступать в качестве ответчика (или одного из ответчиков), поскольку судебный акт непосредственно влияет на его права и обязанности [3, с. 54]. Если управляющий не указал должника в качестве ответчика, суд обязан привлечь его к участию в деле в этом статусе [3, с. 55].

Важнейшим принципом является концентрация споров: заявление об оспаривании подается исключительно в арбитражный суд, рассматривающий дело

о банкротстве, и рассматривается в рамках того же дела [3, с. 56]. Это обеспечивает единообразие судебной практики и оперативность пополнения конкурсной массы. Форма и содержание заявления должны соответствовать требованиям Арбитражного процессуального кодекса РФ, предъявляемым к исковым заявлениям, включая указание на конкретные банкротные основания (статьи 61.2 или 61.3 закона о банкротстве) и представление соответствующих доказательств [3, с. 57–58].

Законодательство ограничивает стадии банкротства, на которых возможно применение специальных банкротных оснований. Оспаривание подозрительных сделок и сделок с предпочтением допускается только в процедурах внешнего управления или конкурсного производства [3, с. 61]. На стадии наблюдения или финансового оздоровления такие иски по специальным основаниям не подаются.

При рассмотрении дела суд должен установить совокупность обстоятельств:

1. Временной интервал совершения сделки относительно даты возбуждения дела.
2. Состояние платежеспособности должника на момент сделки.
3. Осведомленность контрагента о финансовом неблагополучии должника.
4. Факт причинения вреда имущественным правам кредиторов [3, с. 62].

Бремя доказывания распределяется между заявителем и контрагентом. В частности, для сделок с заинтересованными лицами действует презумпция их осведомленности о цели причинения вреда кредиторам [3, с. 63].

Особое внимание следует уделить срокам. Срок исковой давности для оспаривания сделок по специальным основаниям является сокращенным и составляет один год [3, с. 64–65]. Течение этого срока начинается с момента, когда первый утвержденный в деле арбитражный управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания [3, с. 65–66]. Смена управляющих не прерывает и не обнуляет этот срок, что дисциплинирует участников процедуры.

Помимо срока исковой давности, действуют так называемые периоды подозрительности (пресекательные сроки), определяемые от даты принятия заявления о банкротстве:

— один месяц — для «простых» сделок с предпочтением;

— шесть месяцев — для сделок с предпочтением при наличии признаков недобросовестности контрагента;

— один год — для сделок с неравноценным встречным исполнением;

— три года — для сделок, совершенных с целью причинения вреда кредиторам [3, с. 37, 67].

Последствием признания сделки недействительной является реституция. Согласно статье 61.6 закона о банкротстве, контрагент обязан возвратить в конкурсную массу все полученное по сделке в натуре, а при невозможности — компенсировать его стоимость [3, с. 69–70]. При этом у контрагента восстанавливается право тре-

бования к должнику. Очередность удовлетворения такого требования зависит от добросовестности контрагента: если сделка признана недействительной по причине умышленного причинения вреда или недобросовестного предпочтения, требование контрагента удовлетворяется только после расчетов с кредиторами третьей очереди [3, с. 70–71].

Таким образом, порядок оспаривания сделок в рамках дела о банкротстве представляет собой сложный правовой механизм, требующий от арбитражного управляющего и кредиторов строгого соблюдения процессуальных сроков и активной доказательственной деятельности для эффективного восстановления имущественных прав участников.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“» (ред. от 19.11.2024) // Вестник ВАС РФ. — 2011. — № 3.

Право отдельно проживающего родителя на общение с ребенком: актуальные проблемы

Дударов Глеб Тимурович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В настоящей статье анализируются практические проблемы осуществления права отдельно проживающего родителя на общение с ребёнком: противодействие совместно проживающего родителя, формализм органов опеки и неэффективность исполнительного производства. Автор обосновывает необходимость укрепления гарантий данного права.

Ключевые слова: право на общение с ребенком, отдельно проживающий родитель, семейные споры, органы опеки и попечительства, исполнительное производство, воспрепятствование общению, защита родительских прав.

Расторжение брака ставит перед родителями ребенка и правоприменительными органами вопрос: каким образом родитель, проживающий отдельно от ребенка, сможет реализовывать гарантированное 66 статьей Семейного кодекса право на присутствие и участие в жизни своего ребенка. Существенный разрыв между формальным признанием этого права и его осуществлением создает многочисленные конфликты, которые негативно влияют как на детей, так и на их родителей.

Наиболее серьезной преградой для нормального контакта родителя с ребенком продолжает оставаться препятствие со стороны второго родителя. Рядовая ситуация для судебной практики заключается в том, что после раз-

вода такой родитель начинает создавать барьеры для общения с ребенком, такие как прямые запреты на свидания либо переезд на другое место жительства с целью отдалить и разорвать отношение со вторым родителем. В своем труде С. В. Зыков подчеркивает, что право на общение является фундаментом, без которого все остальные родительские правомочия — участие у воспитании, решение вопросов образования, даже согласие на медицинское вмешательство — превращается в юридическую фикцию. Из этого следует, что воспрепятствование на встречи с ребенком не могут быть расценены как рядовые семейные конфликты, они посягают на самую сущность родительского права.

Действующее российское законодательство связывает возможность общения с отсутствием вреда как физическому, так и психическому здоровью ребенка, а также его нравственному развитию. Оценочный характер этого критерия создает почву для злоупотреблений правом. Недобросовестный родитель систематически ссылается на мнимое ухудшение состояние здоровья ребенка после встреч, выдвигает необоснованные и бездоказательные обвинения в адрес бывшего супруга и под предлогом заботы о благополучии ребенка полностью блокирует общение со вторым родителем.

Значительные трудности связаны с участием органов опеки и попечительства в разрешении этих семейных споров. По закону на них возлагается обязанность проверять условия жизни ребенка и лица претендующего на его воспитание, а также предоставлять суду экспертное заключение, что должно гарантировать объективность. На деле же ситуация создается совсем другая. Е. Н. Победоносцева указывает, что заключения органов опеки зачастую носят формальный характер ограничиваясь проверкой жилищно-бытовых условий и не содержат глубокого анализа психологического анализа семейного конфликта. Это лишает суд полноценной доказательственной базы и препятствует вынесению справедливого решения. В 2021 году Министерством просвещения РФ были опубликованы методические рекомендации по сопровождению семейных споров о порядке общения, которые стали важными, но по-моему мнению достаточно запоздалыми и не исчерпывающими. В настоящее время вопрос о роли и влиянии органов опеки и попечительства остается острым и не решенным.

Еще более серьезные препятствия возникают на стадии исполнения судебного решения. Согласно статье 109.3 ФЗ «Об исполнительном производстве», судебный пристав должен обеспечить беспрепятственное общение «взыскателя» с ребенком, однако его задача формулируется как установление факта отсутствия препятствий со стороны «должника», а не как принудительная передача ребенка. Эта конструкция создает почти неразрешимое противो-

речие: с одной стороны пристав обязан гарантировать реальную возможность общения, но с другой лишен эффективных инструментов воздействия на лицо систематически препятствующему исполнению. Можно сказать, что вся процедура зачастую сводится к формальной фиксации факта воспрепятствования обстоятельства, и без того очевидного для «взыскателя», но не получающего адекватного правового регулирования. При этом закон лишь предоставляет право на при необходимости привлекать детского психолога, но не предполагает системного и продолжительного взаимодействия с ним, тогда как именно длительная психологическая работа с конфликтующей семьей могла бы дать значительно больший благоприятный эффект, нежели непостоянные, эпизодические визиты для составления очередного акта.

Основополагающая проблема, которая сопровождает любые попытки принудительно обеспечить общение, заключается в том, что предметом исполнения выступают не материальные объекты, а межличностные отношения, которые по своей природе не поддаются, и не подлежат грубому внешнему принуждению. Попытка насильственно передать ребенка «взыскателю» вопреки его воле и воле совместно проживающего родителя способна нанести психологическую травму, несоизмеримую с предполагаемой пользой от такого общения.

Таким образом, можно сделать вывод, что право отдельно проживающего родителя на общение с ребенком нуждается в значительно более серьезных гарантиях. Главным препятствием для его реализации остается поведение совместно проживающего с ребенком родителя, а существующие меры административного воздействия не обладают достаточным превентивным эффектом. Органы опеки и попечительства требуют методического и кадрового укрепления, чтобы их заключения перестали быть формальными отписками, а исполнительное производство — коренного пересмотра с акцентом на создание реальных условий для общения родителя с ребенком, а также системное привлечение специалистов-психологов.

Литература:

1. Зыков, С. В. Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики / С. В. Зыков. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 3. — С. 75–83.
2. Победоносцева, Е. Н. Заключение органа опеки и попечительства по спорам о воспитании детей в аспекте прокурорского надзора / Е. Н. Победоносцева. — Текст: электронный // newtech.legal: [сайт]. — URL: <https://newtech.legal/cabinet/catalog/rossiyskaya-yustitsiya/9676/10362/> (дата обращения: 23.05.2026).

Правовой режим особых экономических зон в Российской Федерации

Дюсетаев Жангир Кайратович, студент магистратуры
Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС (г. Санкт-Петербург)

В статье проводится комплексный анализ правового регулирования особых экономических зон в Российской Федерации. Исследуется их правовая природа, а также проблемы, возникающие в правоприменительной практике. Целью работы является систематизация знаний о правовом статусе особых экономических зон и выявление коллизий в их регулировании.

Ключевые слова: особые экономические зоны, правовой режим, предпринимательская деятельность, юридические льготы, таможенное регулирование, резиденты ОЭЗ, законодательство РФ

Одним из правовых механизмов, создающих особые условия для ведения предпринимательской деятельности, является институт особых экономических зон (далее — ОЭЗ). Правовое регулирование ОЭЗ находится на стыке публичного и частного права, сочетая в себе элементы гражданского, административного, налогового и таможенного законодательства. Актуальность данного исследования обусловлена значительной ролью ОЭЗ как механизма по привлечению инвестиций и развитию предпринимательства в Российской Федерации. При этом одним из устанавливаемых ограничений является требование об отсутствии у резидента особой экономической зоны филиалов и представительств за пределами территории ОЭЗ, что делает данный институт основой для строительства новых объектов, а не выгодного расширения существующего бизнеса. При таких обстоятельствах успешность реализации проекта серьезно зависит от внешней среды предприятия, вследствие чего вопрос государственного регулирования приобретает дополнительную значимость.

Суть ОЭЗ заключается в предоставлении преференций различного рода предприятиям — участникам ОЭЗ, расположенным на их территории. С правовой точки зрения данные преференции представляют собой исключения из общего режима правового регулирования. Целью создания ОЭЗ является привлечение инвестиций, что стимулирует развитие регионов, увеличение числа предприятий и выпускаемой продукции, а также рост количества рабочих мест, что напрямую влияет на экономическую ситуацию. Стоит отметить, что наряду с термином «ОЭЗ», закрепленным в законодательстве РФ, в некоторых учебниках и научных статьях используется понятие специальной экономической зоны (далее — СЭЗ).

Чтобы определить сходства и различия данных понятий, сравним их определения. Согласно ст. 2 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее — закон № 116-ФЗ) [2], особая экономическая зона — часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться тамо-

женная процедура свободной таможенной зоны. Согласно определению специальной экономической зоны, приведенному в «Большом экономическом словаре» [3], СЭЗ — ограниченная часть национально-государственной территории, на которой действуют особые льготные экономические условия для иностранных и национальных предпринимателей (льготы таможенного, арендного, валютного, визового, трудового режимов и т. д.), что создает условия для развития промышленности и инвестирования иностранного капитала.

Таким образом, с юридической точки зрения данные понятия являются синонимичными и могут использоваться как равнозначные, однако в правовых актах Российской Федерации закреплен исключительно термин «особая экономическая зона».

На данный момент, согласно ст. 4 закона № 116-ФЗ, существует четыре типа особых экономических зон: промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные, а также портовые.

Для особых экономических зон характерен индивидуальный набор преференций, что определяется исследователями как проблема [1]. В качестве примера можно привести льготы при аренде земельного участка. Например, стоимость аренды участка на территории ОЭЗ «Липецк» составляет 2 % от кадастровой стоимости земельного участка [4], а в ОЭЗ «Дубна» — 1 % [5]. По этой причине между особыми режимами, помимо уже существующих и влияющих на привлекательность определенных ОЭЗ объективных факторов, таких как инфраструктура или местоположение, появляется также конкуренция на основе размера преференций. Как отмечает заместитель главы Минэкономики В. Живулин, складывается ситуация, при которой конкуренция создается не между резидентами за право работать в определенной ОЭЗ, а между самими режимами. В итоге происходит переманивание инвесторов из других регионов путем увеличения количества льгот вместо привлечения новых капиталов [1]. Но если посмотреть на проблему с другой точки зрения, такой подход позволяет регулировать поток инвестиций по регионам и выбирать приоритетные направления. Это означает, что эффективность данного механизма требует более глубокого рассмотрения.

Проведенный анализ позволяет заключить, что особая экономическая зона является правовой конструкцией, создающей на определенной территории специальный режим осуществления предпринимательской деятельности с целью развития экономики. Несмотря на экономические цели создания, именно правовой аспект является определяющим для данного института. Ключевой правовой проблемой функционирования ОЭЗ является

внутренняя конкуренция правовых режимов по объему предоставляемых льгот. Это создает неравенство условий для ОЭЗ, а также приводит к снижению их эффективности из-за того, что предлагаемые преференции основываются на конкуренции между регионами или отдельными ОЭЗ за существующий объем инвестиций, а не устанавливаются исходя из пользы для государства в достижении стратегических целей развития экономики.

Литература:

1. Квашнина, И. А. Особые экономические зоны как инструмент привлечения иностранных инвестиций / И. А. Квашнина // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2021. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobyie-ekonomicheskie-zony-kak-instrument-privlecheniya-inostrannyh-investitsiy> (дата обращения: 14.09.2025).
2. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/22673> (дата обращения: 15.09.2025).
3. Большой экономический словарь // Академик. — URL: https://big_economic_dictionary.academic.ru/ (дата обращения: 02.06.2026).
4. Льготы для вашего бизнеса // ОЭЗ «Липецк». — URL: <https://sezlipetsk.ru/investor/benefits-your-business/> (дата обращения: 14.09.2025).
5. Льготы и преференции // ОЭЗ «Дубна» [Электронный ресурс]. — URL: <https://oezdubna.ru/investors/> (дата обращения: 14.09.2025).

Прямые формы государственного регулирования предпринимательства как источник конфликта частных и публичных интересов

Евграфов Алексей Валерьевич, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье исследуется природа конфликта между частными и публичными интересами, возникающего при применении прямых форм государственного регулирования предпринимательской деятельности. Показано, что источником противоречий выступает не необходимость государственного вмешательства как такового, а императивный, универсальный характер обязательных требований, которые не учитывают масштаб, отраслевую и региональную специфику бизнеса. Установлено, что избыточное административное давление провоцирует формальное соблюдение норм, рост теневых практик и снижение инновационной активности субъектов МСП, несмотря на сокращение плановых проверок. Сделан вывод, что эффективное регулирование требует смещения акцента на косвенные методы, внедрения риск-ориентированного подхода и дифференциации требований с учётом особенностей предпринимательской деятельности.

Ключевые слова. государственное регулирование, предпринимательская деятельность, частные интересы, публичные интересы, конфликт интересов, прямое регулирование, малое и среднее предпринимательство.

Direct forms of state regulation of entrepreneurship as a source of conflict of private and public interests

This article examines the nature of the conflict between private and public interests arising from the application of direct forms of state regulation in entrepreneurial activity. It demonstrates that the source of tension lies not in the necessity of state intervention per se, but in the mandatory and uniform nature of regulatory requirements, which fail to account for the scale, industry-specific, and regional characteristics of businesses. The study reveals that excessive administrative pressure leads to formal compliance, growth in informal business practices, and reduced innovative activity among small and medium-sized enterprises (SMEs), despite a reduction in scheduled inspections. The author concludes that effective regulation requires a shift toward indirect methods, implementation of a risk-based approach, and differentiation of requirements tailored to the specific characteristics of entrepreneurial activity.

Keywords: *state regulation, entrepreneurial activity, private interests, public interests, conflict of interests, direct regulation, small and medium-sized enterprises.*

Актуальность обращения к проблематике взаимодействия государства и предпринимательства в современных экономических условиях не вызывает сомнений. Выбор данной темы для научного исследования обусловлен, прежде всего, значительной ролью предпринимательской деятельности в реализации конституционно закреплённой свободы экономической активности, а также возрастающей значимостью внутреннего производителя в контексте структурной трансформации российской экономики.

По состоянию на октябрь 2025 года численность субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации превысила 6,7 миллиона единиц, что представляет собой рекордный показатель за последнее десятилетие [10]. Данная динамика свидетельствует не только о росте предпринимательской активности населения, но и о необходимости формирования адекватной системы государственного регулирования, способной обеспечить баланс между стимулированием деловой инициативы и защитой публичных интересов. В условиях экономической нестабильности, санкционного давления и необходимости обеспечения технологического суверенитета вопрос о методах и пределах государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность приобретает особую остроту, требуя глубокого осмысления и практической апробации.

Предпринимательство как социально-экономический феномен характеризуется рядом специфических черт, выделяющих его в системе общественных отношений. Это, во-первых, инициативная деятельность, направленная на систематическое получение прибыли; во-вторых, деятельность, осуществляемая на свой риск и под имущественную ответственность; в-третьих, деятельность, требующая государственной регистрации в установленном законом порядке. Именно сочетание свободы выбора направлений хозяйствования с необходимостью соблюдения установленных государством правил создаёт предпосылки для возникновения потенциальных коллизий между частными интересами предпринимателя, ориентированного на максимизацию прибыли и минимизацию издержек, и публичными интересами государства, призванного обеспечивать общественную безопасность, защиту прав потребителей, экологическую устойчивость и социальную стабильность [4].

В научной литературе под прямым государственным регулированием предпринимательской деятельности понимается непосредственное вмешательство государства в процесс хозяйствования через установление обязательных норм, правил, предписаний и ограничений, несоблюдение которых влечёт применение мер юридической ответственности [3]. К числу таких форм относятся лицензирование отдельных видов деятельности, государ-

ственная регистрация и сертификация, квотирование и установление нормативов, обязательные требования к продукции и технологическим процессам, административный контроль и надзор [3]. Данные инструменты характеризуются императивным характером предписаний, что принципиально отличает их от косвенных методов регулирования, основанных на создании экономических стимулов и льгот для достижения желаемого поведения хозяйствующих субъектов.

Теоретическое осмысление природы прямого регулирования позволяет выявить его двойственную сущность. С одной стороны, как справедливо отмечает Е. П. Губин, прямое вмешательство органов государства в экономику путём использования административных методов относится к государственному управлению, тогда как государственное регулирование представляет собой более широкое понятие, включающее весь спектр средств воздействия на экономические процессы [1]. С другой стороны, в практическом правоприменении термин «государственное регулирование» используется в различных значениях в зависимости от сферы применения, что создаёт определённую терминологическую неопределённость. Тем не менее, для целей настоящего исследования представляется целесообразным придерживаться подхода, согласно которому прямое регулирование осуществляется путём предъявления предпринимателям обязательных требований, закреплённых в нормативных правовых актах, тогда как косвенное регулирование реализуется через экономические стимулы, позволяющие предпринимателю самостоятельно выбирать оптимальную модель поведения в рамках установленных государством параметров [3].

Центральным вопросом исследования является оценка уместности и соразмерности прямого государственного воздействия на предпринимательскую деятельность. Безусловно, определённый уровень государственного контроля необходим для обеспечения баланса частных и публичных интересов, защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, как того требует часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации [8]. Однако степень и формы такого вмешательства требуют тщательного обоснования, поскольку избыточное административное давление способно не только снизить экономическую эффективность, но и спровоцировать уход предпринимателей в теневой сектор, формальное соблюдение требований без реального улучшения качества продукции или услуг, а также снижение доверия к институтам государственной власти.

Конфликт частных и публичных интересов при прямом регулировании обусловлен, прежде всего, различием целевых установок субъектов правоотношений. Частный интерес предпринимателя объективно ориентирован на

максимизацию прибыли, минимизацию издержек, оперативное реагирование на изменения рыночной конъюнктуры и сохранение гибкости в принятии управленческих решений. Публичный интерес государства, напротив, предполагает обеспечение общественной безопасности, защиту прав потребителей и работников, соблюдение единых стандартов и правил, поддержание стабильности и предсказуемости экономической среды [9]. Как отмечает О. В. Нардина, свобода экономической деятельности, закреплённая в Конституции РФ, не может быть абсолютной и в отдельных случаях ограничивается федеральным законодательством, что закономерно приводит к столкновению частного и публичного интереса [4].

Императивный характер предписаний, характерный для прямого регулирования, создаёт дополнительные предпосылки для возникновения конфликтов. Административно-властные методы, как правило, не учитывают специфику отдельного бизнеса, его масштаб, отраслевую принадлежность, региональные особенности функционирования. Обязательные требования, такие как лицензионные условия, технические регламенты, санитарные нормы, могут существенно увеличивать административную нагрузку на субъекты малого и среднего предпринимательства, ограничивать их инновационную активность, создавать барьеры для входа на рынок [3]. При этом эффективность таких мер не всегда подлежит комплексной оценке, что снижает качество принимаемых регуляторных решений.

Проблема соразмерности ограничений представляет собой ещё один существенный аспект исследуемой проблематики. Конституционный принцип, согласно которому права и свободы могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей, на практике реализуется не всегда последовательно. Нормативные требования далеко не всегда проходят полноценную оценку регулирующего воздействия, меры контроля могут быть избыточными относительно заявленных публичных целей, а применение норм к субъектам МСП зачастую лишено необходимой гибкости [10]. Это порождает ситуацию, при которой формально законные требования государства фактически препятствуют реализации конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности.

Асимметрия информации и ресурсов между государством и предпринимателями также выступает источником потенциальных конфликтов. Государственные органы обладают властными полномочиями, но не всегда располагают полной и актуальной информацией о специфике бизнеса, рыночных условиях, технологических особенностях производства. Предприниматели, в свою очередь, лучше понимают конъюнктуру рынка, но вынуждены подстраиваться под универсальные правила, разработанные без учёта отраслевой специфики. Данное противоречие порождает такие негативные явления, как формальное соблюдение требований без реального улуч-

шения качества, рост теневых практик для обхода избыточных ограничений, снижение доверия к институтам регулирования [9].

Конкретные примеры проявления рассматриваемого конфликта можно обнаружить в различных сферах государственного регулирования. Так, институт лицензирования, урегулированный Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», с одной стороны, обеспечивает гарантии безопасности и качества товаров, работ, услуг для потребителей, а с другой — создаёт дополнительные административные барьеры для входа на рынок, особенно для начинающих предпринимателей [5]. Аналогичная ситуация складывается в сфере государственного контроля и надзора. Несмотря на внедрение риск-ориентированного подхода и сокращение количества плановых проверок, предприниматели по-прежнему сталкиваются с избыточными требованиями контролирующих органов, что подтверждается данными мониторинга правоприменения [6]. Вместо приблизительно 220 000 традиционных проверок в 2024 году бизнес столкнулся с более чем 1 миллионом профилактических визитов в 2025 году [6]. По оценкам экспертов РАНХиГС и ЦСР, профилактические мероприятия занимают около 480 000 человеко-дней против 780 000 человеко-дней на классические проверки — то есть нагрузка сократилась лишь на 30 %, а некратно. Федеральные контрольно-надзорные органы в целом соблюдают мораторий на плановые проверки, однако региональные органы власти демонстрируют меньшую лояльность. Например, в Санкт-Петербурге количество региональных проверок не сократилось, в то время как федеральные проверки действительно уменьшились. Это создаёт эффект «двойного стандарта»: предприниматели сталкиваются с избыточным вниманием со стороны местных контролирующих структур, несмотря на федеральные установки на снижение нагрузки. В рамках «регуляторной гильотины» было отменено порядка 11,6 тыс. нормативных правовых актов, лишь 10 % из них содержали проверяемые требования, подлежащие реальному контролю [10]. Это означает, что значительная часть отменённых норм была «мёртвым грузом», а реально действующие избыточные требования сохранились. Предприниматели продолжают жаловаться на неопределённость формулировок в обязательных требованиях, дублирование норм разными ведомствами и необходимость выполнения формальных процедур, не влияющих на фактическую безопасность или качество деятельности.

С 2026 года ФНС переходит на цифровую модель управления контролем, что усиливает мониторинг малого и среднего бизнеса через автоматизированные системы анализа данных. Формирование «цифрового профиля» компании, сбор данных из десятков источников и автоматическая оценка рисков создают новую форму административного давления: даже без выездной проверки бизнес может быть включён в группу риска и подвергнут дополнительным запросам, блокировкам счетов или ограничениям.

Особую актуальность проблематика приобретает в контексте регулирования деятельности самозанятых граждан. Введение специального налогового режима для данной категории лиц, с одной стороны, способствует легализации теневой занятости и расширению налоговой базы, а с другой — порождает вопросы о соразмерности установленных ограничений и достаточности предоставляемых гарантий [7]. Расширение перечня видов деятельности, доступных для самозанятых, при одновременном сохранении ограничений по уровню доходов и запрету на наём работников, отражает попытку государства найти баланс между стимулированием предпринимательской инициативы и защитой интересов наёмных работников и бюджетной системы.

В теории множеств взаимодействие публичных и частных интересов может быть представлено в виде двух частично перекрывающихся множеств, образующих зону общих (частно-публичных) интересов. В секторе пересечения между интересами может отмечаться как прямая, так и обратная корреляция. При прямой корреляции большая реализация публичных интересов соответствует и большей реализации частных интересов, что свидетельствует о гармоничном синергетическом характере взаимодействия. При обратной корреляции усиление одного из интересов приводит к ущемлению противоположного, что придаёт конфликту антагонистический характер. Адекватное правовое регулирование призвано обеспечить разумный баланс публичных и частных интересов именно в точке их пересечения [9].

Предпринимательское право, по справедливому замечанию И. В. Ершовой и Г. Д. Отнюковой, характеризуется специфическим сочетанием частноправовых и публично-правовых интересов, средств и отношений [2]. Предпринимательский оборот, представляющий собой совокупность гражданско-правовых сделок в сфере предпринимательской деятельности, не может в большинстве случаев осуществляться без использования публично-правовых средств и форм. Так, решение о совершении крупной сделки в обществе с ограниченной ответственностью принимается общим собранием участников, что представляет собой управленческое действие, выходящее за рамки чисто частноправового регулирования [2]. Это подтверждает тезис о том, что публично-правовые средства регулирования непосредственно влияют на содержание частноправовых средств, и их применение требует комплексного учёта.

В свою очередь, частноправовые средства также активно используются в публично-правовых отношениях при осуществлении предпринимательской деятельности.

Показательным примером служит институт инвестиционного налогового кредита, урегулированный статьёй 67 Налогового кодекса Российской Федерации. Предоставление такого кредита оформляется договором между уполномоченным органом и организацией, что трансформирует частноправовой инструмент в средство реализации публичной политики стимулирования инноваций и регионального развития [2]. Это свидетельствует о том, что отнесение договора исключительно к инструментам частного права не отвечает реалиям современного регулирования отношений в сфере предпринимательства.

Особенно отчётливо взаимодействие публично-правовых и частноправовых средств проявляется при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд. Даже договор в данной сфере приобретает особое наименование — государственный или муниципальный контракт, что подчёркивает его двойственную природу. С одной стороны, он регулируется нормами гражданского законодательства о договорах, с другой — подлежит применению специальное законодательство о контрактной системе, устанавливающее императивные требования к процедурам закупок, что отражает приоритет публичного интереса в расходовании бюджетных средств.

Следовательно, взаимосвязь свободы при осуществлении частных интересов с государственным властным воздействием там, где это диктуется публичными интересами, представляет собой основную характеристику метода правового регулирования предпринимательской деятельности. Общий вывод исследования заключается в том, что конфликт между частными и публичными интересами при прямом регулировании обусловлен не самой необходимостью государственного вмешательства, а способом его реализации. Эффективное регулирование требует поиска баланса: защиты общественных ценностей при сохранении условий для предпринимательской инициативы. Для субъектов малого и среднего предпринимательства это особенно актуально, поскольку избыточные административные барьеры напрямую снижают их конкурентоспособность и инновационный потенциал [10].

Перспективными направлениями минимизации рассматриваемого конфликта представляются: приоритет косвенных методов регулирования через налоговые льготы, субсидии и гарантии; внедрение риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности; обязательное проведение оценки регулирующего воздействия новых нормативных актов; дифференциация требований с учётом масштаба и специфики деятельности; развитие механизмов обратной связи с бизнес-сообществом при разработке нормативных актов.

Литература:

1. Губин Е. П., Лахно П. Г. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. — 992 с.
2. Ершова И. В. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / отв. ред. — М.: Проспект, 2017. — 848 с.

3. Емельянова И. А. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: соотношение прямых и косвенных методов // Вестник Поволжского института управления. — 2019. — Т. 19. — № 3. — С. 50–55.
4. Нардина О. В. Соотношение публичных и частных интересов при регулировании предпринимательской деятельности // Правовое регулирование экономической деятельности. — 2024. — № 4. — С. 23–31.
5. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 19. — Ст. 2716.
6. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6249.
7. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 49 (ч. 1). — Ст. 7494.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
9. Блинов В. Г., Блинова В. В. Соотношение публичных и частных начал в институтах предпринимательского права // *Oeconomia et Jus*. — 2018. — № 2. — С. 15–28.
10. Иванишев Д. А., Адаменко А. П. Принципы и методы государственного регулирования предпринимательской деятельности // Вестник науки. — 2024. — Т. 3. — № 12. — С. 112–119.

Особенности применения астрента при защите права на информацию

Зозуля Вероника Александровна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье исследуется развитие французского института астрента и возможность его использования в качестве эффективного средства косвенного принуждения в рамках корпоративных споров, в особенности при защите права на информацию участников (акционеров) хозяйственных обществ.

Ключевые слова: астрент, право на информацию.

Введение

Как известно, одного материально-правового при-
тязания в обязательственно-правовой конструкции не
может быть достаточно для полноценного участия в гра-
жданском обороте, если только не обсуждаются отно-
шения координации в «обществе ангелов». Например,
в теории императивов, поддерживаемой А. Тоном и его
адептами, возможность защитить свое субъективное
частное право, называемое распоряжением, является
центральным звеном этой концепции и единственной
сферой господства воли субъекта этого права [1, с. 339–
365]. Подобная проблема возникает не только при исте-
чении срока исковой давности по защищаемому обяза-
тельству [2, с. 241–242], но также и при принудительном
исполнении обязательства с неимущественным содержа-
нием, как, например, в знаменитейшем примере профес-
сора И. А. Покровского про игру на рояле [2, с. 143]. Это
заставляет правопорядок находить более гибкие способы
обеспечения исполнения обязательства на охранительной
стадии и обращаться к конструкциям косвенного пону-
ждения должника к исполнению судебного решения.

Более предметным обсуждением этой проблемы будет
являться рассмотрение не только особенностей развития

и существования права на информацию в корпоративном
праве, но и специфики самой защиты, а именно обосно-
ванности применения института астрента как средства
понуждения должника предоставить имеющуюся у него
информацию заинтересованному в ней лицу на осно-
вании вынесенного судебного решения. Эта проблема
очень интересна, поскольку обе правовые конструкции
возникают в XIX в. и в процессе своего развития в один
определенный момент, о котором еще будет сказано, про-
исходит столкновение данных институтов. В связи с этим
особого внимания заслуживает правовой опыт Франции,
ставший наиболее известным примером в вопросе регу-
лирования угрожающих судебных решений, хотя далеко
не первым после трансформации правовых возможно-
стей (или же, правильнее сказать, полномочий) римских
магистратов и преторов в западноевропейской судебной
практике.

В свою очередь, право на информацию должно рассма-
триваться не просто как правовая возможность, а то, что
присуще акционеру как участнику гражданского оборота,
который интересуется делами компании для определения
более выгодной стратегии своих дальнейших вложений,
а также контролирования экономической эффективности
конкретной инвестиции. Это и обеспечивает право на ин-

формацию, что для российского правового порядка в части развития корпоративного права после почти векового простоя достаточно новая и на первый взгляд чуждая идея, однако признаваемая еще даже в XIX веке.

Понятие, развитие и сущность права на информацию

Как известно, горизонтальное объединение участниками гражданского оборота своих ресурсов в целях ведения общего дела требует от последних немалых затрат по внесению вкладов в имущественную массу их предприятия, что может стать поводом для их уклонения от исполнения этой обязанности. Кроме того, определенные сложности могут возникать в уже существующей компании ввиду того факта, что у каждого из участников имеются свои собственные интересы и цели, которые они готовы проводить в жизнь даже в ущерб деятельности самой компании различными путями, суть которых сводится к блокированию и дестабилизации деятельности их дела. Данная ситуация способна нанести ущерб как другим участникам компании, так и третьим лицам, вступившим в договорные отношения с компанией, внутри которой могут происходить разного рода корпоративные конфликты. В связи с этим обществом создаются органы управления, которые призваны нивелировать подобные трудности, сместив центр тяжести с отношений между акционерами на отношения менеджмента и акционеров, что в свою очередь может стать порождением как корпоративных конфликтов в рамках уже последней группы отношений, так и информационной асимметрии [3, р. 6–7].

Именно эта информационная асимметрия, с одной стороны, и стремление оградить деятельность общества от потенциально возможных, неконтролируемых и необоснованных запросов акционерами инсайдерской информации, с другой стороны, затруднили бы или даже заблокировали бы деятельность компании, основной задачей которой станет не достижение уставных целей деятельности общества, а постоянная работа с неконтролируемыми запросами акционеров. Не стоит забывать, что было бы неверно называть акционера собственником компании, так как из сопоставления законодательного опыта различных стран очевидно, что статус акционера компании, тем более миноритарного, больше роднит его с фигурой простого инвестора, приобретающего права на приток и отток денежных средств [3, р. 335–336], у которого все же остается возможность оказывать минимальное влияние на общее дело.

Обоснование права на информацию в разных правовых порядках разнится, что в немалой степени зависит как от подхода к пониманию корпоративных отношений, так и от выбора той или иной концепции понимания правовой природы акций (долей) компании. Как отмечает О. Е. Орлова, изначальная отправная точка в этом вопросе в определенной степени единая в связи с господствующим в тот период как в континентальной Европе, так и в Новом Свете подходом к акционеру как к собственнику или со-

владельцу компании [4, с. 329–334]. В действительности, даже если отойти от подхода к пониманию акционера компании как ее собственника, он так или иначе ведет общее дело наравне с другими акционерами конкретной компании и не всегда его вклад позволяет ему осуществлять контроль за своими инвестициями в целях защиты собственного капитала, а также отслеживать конкретные действия органов управления, которые могут не в полной мере отвечать целям деятельности общества.

Для начального периода развития и детерминирования корпоративных отношений нельзя считать подход к пониманию отношений между акционером и компанией как между собственником и принадлежащим ему имуществом слишком узким, поскольку основные концепции и подходы к решению этого вопроса лишь начинали выработываться. Однако для некоторых правовых порядков данный подход нельзя считать упрощением в связи с невозможностью встроить новую группу правоотношений в уже существующую к этому моменту правовую систему. Особого внимания заслуживает Франция: господство институциональной системы и умение обращаться с абстрактными конструкциями на высоком уровне законодательной техники позволили ей достаточно удачно вписать новую группу правоотношений в уже существующую правовую систему, для которой характерен необычный правовой статус вещи.

Во Франции на известное деление вещей на движимые и недвижимые налагается также разделение всех движимых и недвижимых вещей на материальные или нематериальные (терминологию «corporel et incorporel» также можно переводить как «телесные и бестелесные»). Однако разделение вещей на движимые и недвижимые представляется более архаичным, а обсуждение настоящего вопроса в рамках этой работы неуместно. Данная классификация позволяет помимо привычных (в пандектном понимании этого слова) вещей относить к последним и права, и даже некоторые иски. Само понимание категории вещи во Франции еще до распространения корпоративных отношений говорило об имуществе как о «вещах, которые могут предоставить человеку исключительную полезность и стать объектом права собственности» [5, р. 3]. Однако подчеркивалось, что далеко не все права могут войти в общую категорию имущества (les biens) ввиду своей особой ценности и важности, например такие права, которые были неразрывно связаны с личностью их обладателя, потому что их включение в гражданский оборот было бы извращением человеческого достоинства и привело бы к рабству. К этой же группе прав можно отнести и характерные для французского законодательства середины XIX в. права, предполагающие осуществление супружеской власти. Это вполне очевидно, поскольку достаточно аморальными представляются передача или отчуждение соседу права на первую брачную ночь, сожителю с чужой супругой или права отцовства [5, р. 5]. В связи с этим стоит еще раз подчеркнуть, что для адептов подхода к пониманию акционера как соб-

ственника компании была подготовлена достаточно благоприятная среда в уже имеющемся на тот момент законодательстве.

В свою очередь, сегодня информационные права акционеров коммерческих обществ во Франции регламентируются новым Коммерческим кодексом (далее — ФКК), принятым в 2000 г. (к рассматриваемому нами вопросу относятся статьи: L. 221-7, L. 223-26, L. 225-115, L. 225-116, L. 225-117, L. 225-118, L. 225-129, L. 225-129-5, L. 225-129-6, L. 225-135, L. 225-136, L. 225-138, L. 225-177, L. 225-184, L. 228-69, L. 237-3, L. 237-26, L. 238-1 Code de commerce). Генеральной нормой, пожалуй, здесь можно считать статью L. 225-117 ФКК, которая предоставляет акционерам право на получение необходимой информации для ознакомления с деятельностью общества и проверки работы уполномоченных органов, осуществляющих управление обществом. К числу источников этой информации статья L. 225-115 ФКК относит: годовой отчет и список органов управления; отчеты совета директоров или совета директоров и наблюдательного совета; текст и обоснование предлагаемых решений, выносимых на общее собрание; информацию о кандидатах в совет директоров или наблюдательный совет; общую сумму вознаграждения, выплачиваемого наиболее высокопоставленным сотрудникам компании, которая удостоверена аудиторами (из законодательства следует, что число этих сотрудников составляет 5 или 10 человек в зависимости от того, состоит ли штат сотрудников более чем из 250 человек); сведения о налоговых расходах и расходах на спонсорство и меценатство.

Достаточно интересным представляется то, как французский законодатель определяет круг и наименования лиц, которые имеют права на получение информации о деятельности общества и его органов управления, что перекликается с упоминаемым выше тезисом об особом отношении французов к правовой природе акционера и акций (долей) в коммерческом обществе. Так, статья L. 225-118 ФКК, уточняющая положения статьи L. 225-117 ФКК, к числу акционеров, обладающих информационными правами, относит: каждого из собственников неделимых акций; собственника акций, которыми пользуется иное лицо; владельца, который именуется узупфруктуарием (от фр. «chacun des copropriétaires d'actions indivises, au nu-propriétaire et à l'usufruitier d'actions»). Сама терминология, используемая законодателем, наводит на мысль о том, что обладатель прав и обязанностей в системе французского корпоративного права рассматривается в качестве собственника, а титульный владелец акций (долей) общества является не чем иным, как узупфруктуарием. Данное положение представляется лишь еще одним подтверждением господства, как минимум во французском законодательстве, субинститутов вещно-правовой концепции корпоративного права, особенно популярной в XIX столетии.

Возвращаясь к вопросу регулирования информационных прав акционеров во Франции, следует обратить

внимание, каким образом ФКК ограничивает возможность тех же акционеров запрашивать интересующую их информацию. Еще в начале настоящей работы говорилось о необходимости как существования информационных прав акционеров, так и ограничения этих прав до разумных пределов для того, чтобы у недобросовестных или слишком любопытных акционеров не развивалось оппортунистское поведение и не оставалось рычагов для необоснованной блокировки деятельности общества путем неограниченной возможности запрашивать любую интересующую их информацию. Несмотря на товарищескую природу общества и, как следствие, обоюдное и добровольное принятие участниками компании рисков ведения общего дела, запрашиваемая информация может быть использована в целях причинить намеренный вред обществу и реализовать акционером свои финансовые или личные интересы. Так, в отличие от правовых порядков других стран континентальной Европы и Нового Света, где устанавливаются количественный и качественный критерии при получении инсайдерской информации [4, с. 356–359], помимо закрепления закрытого перечня [6, р. 822] информационных объектов, подлежащих истребованию акционерами, ФКК также устанавливает в статье L. 225-117 темпоральное ограничение на запрос заинтересованными лицами информации, которая может относиться только к последним трем финансовым годам, добавляя к выше упоминавшимся документам протоколы и решения собраний за эти три финансовых года.

Опыт французского законодателя оценивается нами как интересный и вполне удачный, поскольку позволяет найти более устойчивый баланс интересов между нормальной деятельностью общества и ограничением информационных прав миноритариев. Упоминавшийся выше перечень документов может дать достаточную информацию для принятия инвесторами решения о приобретении или продаже акций (долей) компании или снижении рисков невыгодной финансовой операции, что сильно контрастирует с правовыми порядками, которые позволяют получить больший объем информации при наличии у участника необходимого количества акций (долей) в обществе.

В связи с этим основное поле для споров в судебной практике связано с фактом обладания статусом акционера или его отсутствия при получении заинтересованным лицом инсайдерской информации [7–9], что требует соответствующей защиты. Здесь стоит обратиться к статье L. 238-1 ФКК. В ней не только обобщаются статьи и содержится список статей, закрепляющих перечень документов, которые подлежат предоставлению акционерам по их запросу, но и устанавливается возможность вынесения решения о выдаче соответствующих документов акционеру либо судьей в упрощенном порядке, либо лицами, ответственными за выдачу таких документов (директор, ликвидатор или иное лицо), либо лицом, которое сам судья может назначить ответственным за передачу таких документов акционеру.

Особенности развития и функционирования астрента во Франции

Далее обозначим только общие моменты правовой природы, развития и функционирования астрента, чтобы не смещать акцент настоящей работы с информационных прав акционеров, и лишь объясним подход автора к правовой природе категории угрожающих решений и их удобства при защите прав акционеров на истребование инсайдерской информации и соответствующих документов у органов управления обществом (более подробно с вопросами правовой природы астрента можно ознакомиться в статье Г. А. Куренкова [10]).

Как в российской, так и во французской доктрине разнятся подходы к определению правовой природы астрента. Очевидно, что дело 1810 г. [11, р. 239–241], на которое ссылаются многие исследователи, не является отправной точкой для астрента, так как можно привести значительный ряд более ранних примеров, не только отвечающих общему угрожающему характеру, но и даже содержащих стадийность, присущую скорее современной правовой конструкции астрента, чем его более ранним аналогам. Значимой фигурой в этом вопросе является личность Э. Круассанта, который находит и вполне убедительно доказывает присутствие следов английского пути развития рассматриваемой конструкции через *jugement comminatoire* [12, р. 130–133] (если переводить дословно — «судебное решение, содержащее угрозу наказания»), распространенной еще в дореволюционной Франции, что подтверждается все той же судебной практикой.

Именно угрожающие решения, получившие свое распространение во многих европейских правовых порядках, стали той генеральной категорией формирования астрента во французской судебной практике. Такой подход к пониманию правовой природы астрента как проявления власти судьи по аналогии с римским магистратом и претором позволяет объяснить, почему в разных правовых порядках взыскания суммы штрафной санкции происходит как в пользу истца, так и в пользу государства.

Несмотря на достаточно прочную и обширную практику применения астрента различными французскими судами, этой правовой конструкции пришлось проделать достаточно длинный и тяжелый путь — от частичного упоминания в отдельных сугубо профильных нормативных актах и долгого скитания по общим французским декретам, касающимся вопросов исполнительного производства [13; 14], до окончательно закрепления во вновь принятом Кодексе гражданского исполнительного производства (вступил в силу 01.07.2012) [15]. Ответ на вопрос о первичности материального или процессуального начала астрента прямо проистекает из ответа на вопрос о его правовой природе, так как именно французская модель астрента достаточно сильно перекликается с фигурой римского претора и является скорее возможностью разгрузить аппарат принудительного исполнения решений суда, способом проявления власти судьи

и справедливости вынесенного им решения. Так, астрент вычленяется из решений, содержащих угрозу и, как следствие, возможное наказание, без которого практическое применение настоящего института было бы бессмысленным.

Если говорить об особенностях именно французской модели угрожающих решений, то следует прежде всего указать на тот факт, что французский законодатель вводит еще одну фигуру в привычное нам число участников процесса — судью по исполнению (*juge de l'exécution*), который осуществляет наложение астрента [16]. Однако он не может обладать монопольным правом на присуждение астрента в связи с тем, что оно входит в компетенцию любого другого судьи, но при этом только судья по исполнению может ликвидировать астрент, если судья, вынесший приговор о назначении астрента, не оставит это право за собой. Вместе с тем для астрента во Франции характерно существование в двух основных формах (или, даже более правильным было бы сказать, стадиях): временной (*provisoire*) и окончательной (*définitive*). Однако первая форма должна обязательно предшествовать второй, и в случае отсутствия указаний о форме в решении суда о присуждении астрента законодатель установил презумпцию временного астрента, которая предполагает невозможность существования окончательного астрента, если судьей не назначался временный, тем самым легализовав давно устоявшуюся судебную практику Кассационного суда [17].

Завершая обсуждение категории угрожающих судебных решений во Франции, можно сказать, что институт астрента, вышедший из возможности римского магистрата или претора наказать лицо за игнорирование их приказов и судебных решений, получил в определенной мере утилитарную функцию сначала во французской судебной практике, а затем и в законодательстве и сегодня представляет собой достаточно удобное средство понуждения ответчика к исполнению судебного решения. Особенно это касается тех случаев, когда меры прямого государственного принуждения оказываются неэффективными, а именно в обязательствах с неимущественным содержанием (*facere* и *non facere*). В исках о защите информационных прав акционеров применение астрента может быть достаточно успешным.

Применение астрента при защите информационных прав акционеров

Как отмечалось выше, удобство использования астрента при защите информационных прав акционеров было замечено как французскими судьями, так и самими участниками гражданского оборота, поэтому сплетение двух институтов (права на информацию и астрента) началось еще в конце XIX — начале XX в., когда регулирование корпоративных отношений лишь набирало обороты и законодательные попытки обобщения двух категорий вышли на новый уровень.

Одной из первых таких попыток является Финансовый закон от 17 апреля 1906 г. [18], который в статье 5 закрепляет правило о наложении астрента в размере 100 франков за каждый день задержки предоставления обществами, компаниями, страховщиками и т. д. документов о финансовых делах для проверки в рамках судебного разбирательства. Статья 5 является бланкетной и отсылает к еще более старому нормативному акту, а именно к статье 22 закона от 23 августа 1871 г. [19, р. 13]. Закон 1871 г. говорит о присуждении штрафа в размере от 1000 до 10 000 франков за отказ своевременно предоставить бухгалтерскую отчетность, доходные и расходные книги для последующей проверки выплат уже перечисленными субъектами всех государственных налогов, которыми облагаются операции, связанные с оборотом ценных бумаг. Этот пример показывает, насколько тесной и удобной может оказаться связь астрента с информационными правами акционеров.

Современное же законодательство продолжает линию, начатую еще в XIX в., и уже упоминавшаяся статья L. 238-1 ФКК устанавливает возможность возложение астрента и процессуальных расходов при защите своих информационных прав акционерами на администраторов, менеджеров, директоров или ликвидатора, если указанные лица будут и дальше противодействовать выдаче инсайдерской информации заинтересованным лицам, которых суд признал надлежащими и добросовестными. Актуальность рассматриваемого положения подтверждается мно-

гочисленной судебной практикой судебных инстанций различного уровня [20; 21].

Заключение

Французский подход к поиску баланса между защитой информационных прав акционеров и потенциальным затруднением деятельности компании представляется вполне удачным. Так, несмотря на закрытый перечень инсайдерской информации, которую может запросить акционер, во-первых, перечень истребуемых им документов достаточно обширен и вполне позволяет ему защитить свои инвестиции, а во-вторых, данный подход более справедлив по отношению к миноритарным акционерам, которые в иных правовых порядках без обоснования разумности деловой цели своего запроса и не обладая определенным количественным порогом акций (долей) общества не имеют возможности получить вполне обоснованно интересующую их информацию. Исходя из анализа и соотношения категорий информационных прав и астрента во Франции, следует отметить, что применение угрожающих судебных решений может иметь большой успех, так как директору или иному органу управления вряд ли захочется нести персональную финансовую ответственность за корпоративный конфликт с заинтересованным лицом, размер которой даже иногда в связи с уменьшением суммы окончательного астрента может быть колоссальным.

Литература:

1. Третьяков, С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике : дис. ... д-ра юрид. наук / Третьяков Сергей Васильевич. — Москва, 2022. — 495 с.
2. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. — Москва : Статут, 1998. — 353 с. — (Классика российской цивилистики).
3. Gerner-Beuerle, C. Comparative Company Law / C. Gerner-Beuerle, M. A. Schilling. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 1082 p.
4. Орлова, О. Е. Право на информацию участников хозяйственных обществ / О. Е. Орлова // Корпоративное право в ожидании перемен : сборник к 20-летию закона об ООО / отв. ред. А. А. Кузнецов. — Москва : М-Логос, 2020. — С. 327–410.
5. Demolombe, M. C. Cours de code civile. T. 5 / M. C. Demolombe. — Bruxelles ; Melin : Cans et Compagnie, 1854. — 554 p.
6. Mattout, J.-P. Les limites du droit à l'information de l'actionnaire / J.-P. Mattout // Revue des sociétés. — 2009. — № 4. — P. 817–822.
7. Com. 1er juill. 2008. № 07-20.643, D. 2008. AJ. 1994.
8. Paris, 14e Ch. sect. A, 6 févr. 2008, № 07/04538; Colmar, Ch. civ. sect. A, 17 janv. 2006, № 1A04/02203.
9. Paris, Ch. 14, sect. A, 26 mars 2003, № 20022/20751. — Publié au bulletin.
10. Куренков, Г. А. О правовой природе астрента и его роли при привлечении к ответственности за нарушение договорных обязательств / Г. А. Куренков // Актуальные проблемы договорного права. 2021 : коллективная монография, подготовленная выпускниками, аспирантами, магистрантами и студентами кафедры гражданского права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова к 270-летию Московского университета. — Москва : Статут, 2022. — С. 166–190. — (Договорное право ; вып. 1).
11. Bulletin des arrêts de la Cour cassation rendus en matière civile // L'imprimerie impériale. — Paris, 1812.
12. Croissant, E. Des astreinte / E. Croissant // Librairie nouvelle de droit et de jurisprudence. — Paris : A. Rousseur, 1898.
13. Lois du 21 aout 1871 sur l'enregistrement et le timbre. — Châlons-sur-Marne, 1871. — P. 13; Loi № 72-626 du 5 juillet 1972 instituant un juge de l'exécution et relative à la réforme de la procédure civile. Titre 2, art. 5–8. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000864834/1973-12-14/>

14. Décret n°92-755 du 31 juillet 1992 instituant de nouvelles règles relatives aux procédures civiles d'exécution pour l'application de la loi n° 91-650 du 9 juillet 1991 portant réforme des procédures civiles d'exécution. Art. 51-53. —URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000541408/1993-07-17/>
15. Code des procédures civiles d'exécution. Art. L131-1-L131-4. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000025024948?etatTexte=VIGUEUR&etatTexte=VIGUEUR_DIFF
16. Buffet, J. La réforme de l'astreinte: premières applications / J. Buffet // Rapport de la Cour de cassation. — 1997.
17. Cass., civ. 3, du 10 avril 1973, 72-11436 // Bull. civ. III n° 274.
18. Bulletin officiel du Ministère de l'intérieur sommaire lois et décrets // Dispositions intéressant le ministère de l'Intérieur. — Paris, 1906.
19. Loi du 23 août 1871 sur l'enregistrement et le timbre. — Châlons-sur-Marne, 1871.
20. CA Paris, 9 octobre 2018, n°17/19171 // Dalloz. — 2019. — N°170. — P. 33-34.
21. CA Agen, 25 avril 2018, n°17/00448 // Rev. Sociétés. — 2018. — P. 582.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (625) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 10.06.2026. Дата выхода в свет: 17.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.